

**ИСТОРИЯ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ**

SARATOV STATE UNIVERSITY

Institute of History and the International Relations

SEC «Regional cultural-historical heritage
and cross-cultural contacts»

HISTORY AND HISTORICAL MEMORY

The interuniversity collection of proceedings

Editor A.V. Gladishev

ISSUE 3

Saratov
2011

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Институт истории и международных отношений

НОЦ «Региональное культурно-историческое наследие
и кросс-культурные связи»

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Под редакцией А.В. Гладышева

ВЫПУСК 3

Саратов
2011

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43
И90

История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред.
И90 А.В. Гладышева. – Саратов, 2011. – Вып. 3. – 280 с.
ISSN 2218-5488

В третьем выпуске межвузовского сборника научных трудов рассматриваются различные аспекты исследования исторической памяти на материале современной отечественной и зарубежной истории. В тематических разделах публикуются работы, охватывающие проблемы конструирования исторической памяти, механизмов властного контроля, образно-логических реконструкций, сохранения и использования культурного наследия. Важное внимание уделяется биографическим материалам и исследованиям. Публикуются воспоминания С.А. Никонова о П.Л. Лаврове и русской эмиграции в Париже.

Для специалистов-историков, политологов, философов, социологов, студентов и аспирантов, всех интересующихся актуальными проблемами исторической памяти.

Редакционная коллегия:

Д-р ист. наук, проф. *Т.А. Булыгина*, д-р ист. наук,
проф. *Е.А. Вишленкова*, д-р ист. наук, проф. *А.В. Гладышев*
(отв. редактор), канд. ист. наук, доц. *Д.Е. Луконин* (зам. отв.
редактора), канд. ист. наук, доц. *В.А. Соломонов* (отв. секретарь),
д-р полит. наук, проф. *Н.И. Шестов*, канд. ист. наук,
доц. *А.В. Баранов*, канд. ист. наук, доц. *В.В. Хасин*

Рецензенты

Доктор исторических наук, профессор А.Н. Донин
Доктор исторических наук, профессор А.Н. Галямичев

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43

ISSN 2218-5488

© Саратовский государственный
университет, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

История, власть и массовое сознание

- Гошко Т.Д.* (Львов, Украина). Правовая локация городов Украины XIV–XVI веков: к постановке проблемы 9
- Гладышев А.В.* (Саратов, Россия) Конструирование памяти: можно ли забыть Наполеона, но помнить о Мономотапе 37
- Бикташева А.Н.* (Казань, Россия). Механизмы контроля за деятельностью губернаторов в России первой четверти XIX века..... 58
- Яров С.В.* (С.-Петербург, Россия). Соблюдение нравственных норм в блокадном Ленинграде: люди в очередях..... 79

От политики забвения к политике памяти

- Лопатин В.А., Леонтьева А.С.* (Саратов, Россия). Культ вепра в искусстве древних индоиранцев. Опыт образно-логической реконструкции одного из объектов исторической памяти..... 91
- Вишленкова Е.А.* (Москва, Россия). Виртуальный «музеум» Павла Свинына – забытая сокровищница русского искусства..... 108
- Лёвин С.В.* (Балашов, Россия). Воспоминания земских статистиков как исторический источник 121
- Попкова Н.А.* (Саратов, Россия). Книжное собрание П.М. Мальцева в научной библиотеке Саратовского университета..... 133

Биография

- Рабинович Я.Н.* (Саратов, Россия). Василий Гаврилович Коробьин: воевода и дипломат первой трети XVII века 154
- Перельгина О.И.* (Львов, Украина). Неизвестная страница биографии украинского историка Григория Гербильского: детский дом для испанских детей (1941–1942 гг.) 179
- Щавелёв С.П.* (Курск, Россия). Д.Я. Самоквасов и его вклад в познание далекого прошлого русской земли (к 90-летию со дня смерти) 194

Публикации

- Фёдоров Е.Е.* (Саратов, Россия). Сергей Андреевич Никонов
и его воспоминания..... 222
- Никонов С.А.* Пётр Лаврович Лавров. Русская эмиграция
в Париже в 1892–1897 гг. (отрывок из воспоминаний)
(Публ. и коммент. В.А. Соломонова и Е.Е. Фёдорова) 228

Обзоры и рецензии

- Щавелёв С.П.* (Курск, Россия). «Сберечь памятники сумеют только
те, кому они дороги...» (о сборнике «Человек и древности: памяти
Александра Александровича Формозова (1928–2009)») 263
- Сведения об авторах 272
- Список аббревиатур и сокращений 274

CONTENTS

History, the power and mass consciousness

- Hoshko T.D.* (Lvov, Ukraine). Legal location of ukrainian cities in xiv-xvi centuries: Defining the Problem 9
- Gladishev A.V.* (Saratov, Russia) Memory designing: whether it is possible to forget Napoleon, but to remember about Мономотап..... 37
- Biktasheva A.N.* (Kazan, Russia). Mechanisms of control of governors' work in Russia in the first half of the XIX century 58
- Yarov S.V.* (St. Petersburg, Russia). Observation of moral norms in besieged Leningrad: the people in lines 79

From the oblivion policy to the memory policy

- Lopatin V.A., Leontyeva A.S.* (Saratov, Russia). The cult of a wild boar in the art of ancient indo-iranians. The experience of image-logical renovation one of the objects of historical memory 91
- Vishlenkova E.A.* (Moscow, Russia). Virtual museum by Paul Svinjin – forgotten thesaurus of the russian arts 108
- Lyovin S.V.* (Balashov, Russia). Memoirs of zemstvo statisticians as a historical source 121
- Popkova N.A.* (Saratov, Russia). Books` collection of P.M. Maltsev in scientific library of Saratov state university a 133

Biographical researches

- Rabinovich J.N.* (Saratov, Russia). Vasily Gavrilovich Korobin: voivode and the diplomat of the first third of the xvii century 154
- Perelygina O.I.* (Lvov, Ukraine). Unknown page of biography of ukrainian historian Grygoriy Gerbylsky: orphanage for spanish children (1941-1942) 179
- Shavelyov S.P.* (Kursk, Russia). D.Y. Samokvasov and his contribution to the knowlidge of the ancient of russia (To the 90 th anniversary of his death) 194

Publications

<i>Fedorov E.E.</i> (Saratov, Russia). Sergey Andreevich Nikonov and his Memoirs.....	222
<i>Nikonov S.A.</i> Petr Lavrovich Lavrov in Russian Emigration in Paris in 1892-1897 гг. (fragment from memoirs) (The publication and comments). V.A. Solomonov и E.E. Fedorov).....	228

Reviews

<i>Shavelyov S.P.</i> (Kursk, Russia). «Antiquities will be saved only by those whom they are valuable...» (On the book «Man and the ancient: to the memory of A.A. Formozov (1928-2009)»)	263
Data on authors.....	272
The list of abbreviations and reductions.....	274

ИСТОРИЯ, ВЛАСТЬ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

УДК 94(477-15) | 13/15 |

ПРАВОВАЯ ЛОКАЦИЯ ГОРОДОВ УКРАИНЫ XIV–XVI ВЕКОВ: к постановке проблемы

Т.Д. Гошко

Украинский католический университет,
кафедра классических, византийских и средневековых студий
E-mail: hoshko@ucu.edu.ua

В статье рассматриваются отдельные теоретические вопросы, связанные с локационным процессом на украинских землях XIV–XVII вв., и прежде всего – с правовой локацией. Анализируются понятия, связанные с ней. Обращается внимание на различные группы источников, свидетельствующих о начале правовой локации городов, среди которых на первом месте – локационная привилегия. Обсуждается различие между правовой локацией частновладельческих и королевских городов и ее причины, влияние на динамику процесса (и соответственно на количество привилегий) политики отдельных монархов. Рассматривается право города как совокупность субъективных прав, что отражено в документах. Ставится вопрос об информативности локационных привилегий украинских городов и анализируются отдельные их обязательные пассажи: освобождение города от юрисдикции владельца, вид пожалованного права, его конкретный образ.

Ключевые слова: Украина, Речь Посполитая, локация, Магдебургское право, история городского самоуправления.

LEGAL LOCATION OF UKRAINIAN CITIES IN XIV–XVI CENTRIES: Defining the Problem

T.D. Hoshko

The article examines some theoretical issues regarding the erection and development of Ukrainian cities during the XIV-XVII centuries, and uppermost, the legal location (Lat.). It provides the analysis of related concepts and highlights various clusters of historical data sources that mark the beginning of legal location of cities the main of which is location privilege. The differences between legal location of royal and privately-owned towns are discussed alongside with the reasons beneath them. The impact of the policy of individual sovereigns on the location dynamic (and respectively on the quantity of privileges) is discussed as well. The city right is understood as an aggregate of subjective rights that is reflected in the corresponding documents. Finally, the article raises the question of information value of location privileges of Ukrainian cities and examines some of their essential parts such as city exemption from the sovereign's jurisdiction, type of bestowed right and its actual example.

Key words: Ukraine, Rzeczpospolita, Location, Magdeburg Law, History of Municipalism.

Украинские¹ города – и города Короны Польской, и города в составе Великого Княжества Литовского (ВКЛ) – столетиями находились в едином политическом, культурном, а порой и правовом пространстве с городами Европы. Магдебургское право украинских городов – едва ли не самый яркий пример этого. Это право в Центрально-Восточной Европе первоначально представляло собой комплекс привилегий, полученных колонистами на новом месте.

---

¹ Термины «украинский/украинские» употребляется во избежание недоразумений. Для изучаемого периода характерно было «обозначение «русский/русские». Как справедливо указывает Н. Яковенко: «До середины XVI в. Русь, Русская земля и понятие русин (уже не как политоним, но как этноним) и в Польском Королевстве, и в Великом княжестве Литовском не знают конкуренции, обычно обозначая бывшую древнерусскую территорию и ее население». Более того, с 1580-х годов получил распространение «неовизантизм» «Россия» для определения Руси в составе Речи Посполитой. Реже употреблялись понятия «Украина», «украинский». Но, по словам той же Н. Яковенко, вопрос, почему в ходе «примерки имен» победило именно последнее определение, превратив Русь в «территорию с историей», остается одной из самых больших научных загадок (см.: Яковенко Н. Вибір імені versus вибір шляху (назви української території між кінцем XVI – кінцем XVII ст.) // Міжкультурний діалог. К., 2009. Т. 1: Ідентичність. С. 57-95).

Проблема введения городского самоуправления на магдебургском праве связана с вопросом локаций и локационного процесса, который следует рассматривать отдельно.

Создание нового города или перевод ранее существующего поселения на немецкое право получили в литературе название локации (от латинского «*лосо*» – помещаю). В узком смысле этого слова локация означала создание нового поселения, что происходило по соглашению землевладельца с организатором колонизации. Соответственно, людей, которые на практике занимались организацией этого поселения, привлечением поселенцев, строительством, налаживанием жизни, называли локаторами. Согласно привилегии, выданной землевладельцем, локатор получал не только больший, чем другие, участок земли, но и должность старосты с правом вершить суд и удерживать в свою пользу часть денежных штрафов. Эта должность и, соответственно, привилегии были наследственными². Кристина Каминская приводит примеры, когда в городе был не один, а несколько локаторов, как в Кракове, где было три локатора, или в Бохне, где документы фиксируют четырех локаторов. Но войтом, как правило, становился только один из них³.

Следует, однако, помнить, что в Центрально-Восточной Европе в целом, и на украинских землях в частности, основной массой колонистов были не немецкие переселенцы, а именно славяне, что давно уже не оспаривается в научной литературе⁴. Кроме того, не всегда введение немецкого права сопровождалось созданием нового поселения, т. е., могла происходить локация не только в узком смысле слова (как образование нового поселения), но и в более широком – как реорганизация и увеличение уже существующей общины. Именно в узком смысле слова, как создание нового поселения «на сыром корне» или возведение существующего

---

² См.: *Рогачевский А.* Кульмская грамота – памятник права Пруссии XIII в. СПб., 2002. С. 70–71.

³ См.: *Kamińska K.* Lokacje miast na prawie magdeburskim na ziemiach polskich do 1370 r. (Studium historycznoprawne). Toruń, 1990. S. 131; *Kiryk F.* Bochnia do połowy XVII wieku. Początki osady i miasta // Bochnia. Dzieje miasta i regionu / Pod red. F. Kiryka, Z. Ruty. Kraków, 1980. S. 78.

⁴ Подр. см.: *Гошко Т.* Нариси з історії магдебурзького права в Україні XIV – поч. XVII ст. Львів, 2002. С. 59–82.

села в статус города, локацию понимал немецкий исследователь Рихард Кёбнер⁵. Польский историк Станислав Курась добавил к этому ещё пункт о пожаловании самоуправления существующему хозяйственно-административному центру⁶. Исходя из этого польский исследователь Бенедикт Зентара под понятием «локация» понимал уже три вещи: 1) создание нового городского поселения; 2) пространственные видоизменения уже существующего города (можно добавить: административные и судебные реорганизации на основе немецкого права. – Т. Г.); 3) дарование городского права и самоуправления существующим поселениям, которые уже перед этим исполняли городские функции, отличавшие их от окрестных сел⁷. Украинский источниковед Николай Ковальский даже различает грамоты локационные (об основании городских поселений) и магдебургские (о введении самоуправления в городах), причем вторые шире по содержанию, чем первые⁸. Особенностью локационного процесса в Галиции было то, что здесь магдебургское право получали в основном уже существующие населенные пункты, тогда как на украинских землях в составе ВКЛ большинство локаций было «на сыром корне», или же магдебургское право и статус города получали сельские поселения. Это в значительной мере было связано со снижением уровня урбанизации

---

⁵ См.: *Koebner R. Lokatio, Zur Begriffssprache und Geschichte der deutschen Kolonisation // Zeitschrift des Vereins für Geschichte Schlesiens. Breslau, 1929. Bd. 63. S. 1–29.*

⁶ См.: *Kuraś S. Przywileje prawa niemieckiego miast i wsi małopolskich XIV–XV wieku. Wrocław, 1971. S. 105.*

⁷ См.: *Zientara B. Przemiany społeczno-gospodarcze i przestrzenne miast w dobie lokacji // Miasta doby feudalnej w Europie Środkowo-Wschodniej. Warszawa, 1976. S. 78–80.*

⁸ По его подсчетам, в составе Литовской метрики второй половины XVII – первой половины XVIII вв. сохранилось 20 локационных, 29 магдебургских и 17 совместных локационных и магдебургских грамот для украинских городов (см.: *Ковальский Н. Локационные и магдебургские грамоты городам Украины в составе коронных книг записей «Литовской метрики» второй половины XVII – первой половины XVIII века // Историографические и источниковедческие проблемы отечественной истории. Днепропетровск, 1983. С. 5, 10).*

Европы в восточном направлении, т. е. городская сеть на землях ВКЛ была значительно менее развита, чем в Короне Польской⁹.

Сам локационный процесс состоял из трех основных частей: правовой локации; пространственной локации; утверждения городского самоуправления и создания его органов¹⁰. Правовая и пространственная локация не совпадали во времени, поскольку первая часто была одномоментным актом, который можно датировать с точностью до определенного дня, а вторая – длительным и более сложным процессом, на который влияли различные материальные и социальные факторы. Собственно правовую локацию можно четко зафиксировать документально. Получение городом локационной привилегии рассматривалось как день рождения города, и, казалось бы, с точностью до дня можно определить начало функционирования города. Но в действительности не всё так просто. Как справедливо отметил Иван Крипякевич, образование нового города иногда растягивалось на несколько лет. «Так, например, городок Пидгороддя около Рогатина был основан Яном Тенчинским в 1553 г., но королевскую привилегию он получил только в 1566 г. Шаргород получил королевскую привилегию в 1579 г., но был основан только в 1585 г., и через три года получил новые права»¹¹.

Иногда организация городской власти и пространственная разметка города действительно начинались только после получения локационной грамоты, как, например, в Мышленице, где до-

---

⁹ По данным Анджея Янечека, в Червонной Руси и в Княжестве Литовском на один км² приходилось 3–5 жителей, в то время, как в Европе в среднем на такой территории проживало во второй половине XVI в. около 20 человек (см.: *Janeczek A. Town and Country in the Polish Commonwealth, 1350–1650 // Town and Country in Europe, 1300–1800. P. 157–158*). Большинство жителей этого региона жили в деревне, так, в Малопольше горожане составляли только треть от общего числа жителей. На украинских землях эта цифра была еще меньше, так как в конце XVI века в Малопольше было около 210 городов (в Великопольше – 256), на Волыни – 68, а на Подляшье – только 15 (см.: *Economic History of Poland in Numbers / Ed. by F. Kubiczek. Warszawa, 1994. P. 9, 10*).

¹⁰ См.: *Zientara B. Przemiany społeczno-gospodarcze i przestrzenne miast w dobie lokacji. S. 78–79, 82–83; Szczygiel R. Lokacje miast w Polsce XVI wieku. Lublin, 1989. S. 6*.

¹¹ ВР ЛННБ. Архів І. Крип'якевича. Папка № 120 «Міста України XV–XVII ст.». Арк. 9.

кумент был выдан в 1342 г., а первое упоминание о войте встречается в 1354 г., или в Осеке Ясельском, заложенном в 1363 г., где войт упоминается только в 1365 году¹². Но в большинстве случаев, и даже тогда, когда локация происходила «на сыром корне», локационный документ выдавался или на определенном этапе фактической организации города, или уже после её завершения (документ лишь юридически оформлял факт существования города и его самоуправления). Примером такой ситуации может быть Дрогобыч, где райцы (члены городского совета) и войт упоминаются в источниках с 1407 г, а локационная привилегия была выдана городу королем Владиславом-Ягайлом только 12 июня 1422 г.¹³, т. е. какая-то форма самоорганизации существовала в городе еще до дарования ему магдебургского права. Похожая ситуация была в Жолкве, где магдебургское право было узаконено королевской привилегией Сигизмунда III от 22 февраля 1603 г., но городской совет был создан ранее, о чём свидетельствует тот факт, что его книги начали вести ещё в 1598 году¹⁴. Кроме того, из-за дискретности источниковой базы украинских городов, множество локационных документов или вообще не сохранились, или дошли до нас в копиях. Часто о существовании магдебургского права в том или ином городе мы узнаем из других, не локационных, документов. Именно поэтому точная датировка начала истории того или иного города проблематична.

О начале городского самоуправления могут быть как прямые, так и косвенные свидетельства. И те, и другие из-за неполной комплектации источников по истории городов в силу ряда исторических обстоятельств по праву используются исследователями. Все источники можно разделить на ряд групп: 1) коро-

---

¹² См.: *Karpiński A., Opaliński E. Sieć jarmarków w Polsce XIII–XVIII w. Warszawa, 10.V.1994 r. // Kwartalnik Historyczny. R. CI. 1994. Nr 3. S. 118–119.*

¹³ См.: *Polackówna H. Księga radziecka miasta Drohobycza 1542–1563. Lwów, 1936. S. XX–XXXI.*

¹⁴ См.: *Бевз М. Магдебурзьке право та урбаністичний уклад приватного міста-резиденції XVII–XVIII ст. (на прикладі м. Жовкви) // Самоврядування в Києві: історія та сучасність: Матеріали міжнародної конференції, присвяченої 500-річчю надання Києву магдебурзького права. Київ, 26–27 листопада 1999 р. К., 2000. С. 167; *Barącz S. Pamiętki miasta Żółkwi. Lwów, 1852. S. 12, 108.**

левские грамоты городам на магдебургское право; 2) для частных городов – грамоты их владельцев на магдебургское право и королевские грамоты с подтверждением их правомерности; 3) грамоты отдельным лицам на должность войта; 4) грамоты, которые уже в рамках введенного самоуправления уточняли взаимоотношения горожан¹⁵ с другими категориями городских жителей, представителями государственного и местного управления, церковью; 5) грамоты, расширяющие спектр привилегий, дарованных горожанам; 6) грамоты, подтверждающие магдебургию (с коррективами объема самоуправления или без таких корректив); 7) грамоты, компенсирующие потери представителей местной власти из-за использования норм магдебургского права. Отдельной важной группой источников являются документы, исходившие из местных городских канцелярий¹⁶. Также важны кос-

---

¹⁵ Горожанами в городах на немецком праве в литературе называют лиц, которые юридически получили права городского гражданства. Для этого существовала определенная процедура, а имена новых граждан города записывали в отдельные городские книги «*Libri electionum et ius Civitatis suscipientium*», к примеру, во Львове такие книги велись от 1572 до 1778 г. (до 1572 г. запись новых граждан делали в счетных книгах города). О процедуре принятия в городское право см.: *Гошко Т.* Нариси з історії магдебурзького права в Україні, XIV - початок XVII ст. / Наук. ред. Я. Дашкевич. Львів, 2002. С. 148-153; о принятии в городское право во Львове см.: *Заяць О.* Міське громадянство Львова XV-XVIII ст. (за реєстрами прийняття до міського права): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Львів, 2005; *Gilewicz A.* Przyjęcia do prawa miejskiego we Lwowie w latach 1405-1604 // *Studia z historii społecznej i gospodarczej poświęcone prof. Fr. Bujakowi.* Lwów, 1931. S. 375-414; *Album Civium Leopoliensium. Rejestry przyjęć do prawa miejskiego we Lwowie, 1388-1783* / wyd. A. Janeczek. Poznań, 2005. T. I-II (рец.: *Kiryk F.* Rec. na: *Album Civium Leopoliensium. Rejestry przyjęć do prawa miejskiego we Lwowie, 1388-1783* / wyd. A. Janeczek. Poznań, 2005. T. I-II // *Kwartalnik Historyczny.* R. 113. 2006. Z. 3. S. 88-89; *Капраль М.* (рец.) *Album Civium Leopoliensium. Rejestry przyjęć do prawa miejskiego we Lwowie, 1388-1783* / wyd. A. Janeczek. Poznań, 2005. T. I-II (edycja elektroniczna, płyta CD) // УАЩ. К., 2009. Т. 16/17, вип. 13/14. С. 704-709).

¹⁶ Литовский исследователь Антанас Тила на основании Литовской метрики по содержанию выделил 12 групп источников, отражающих существование и развитие городского самоуправления, прежде всего в городах Жемайтского княжества (XV-XVIII вв.). Важнейшими из них историк считает привилегии на введение магдебургского права, о назначении войта (для ве-

венные свидетельства о тех или иных городских привилегиях, т. е. те документы неактового характера, которые помогают реконструировать утраченные грамоты городов. Пример – грамота польского короля Казимира IV Ягайловича от 29 апреля 1449 г. для Ковно, о которой известно только из переписки между магистратами Ковно и Данцига¹⁷.

Тот факт, что во многих случаях локационные грамоты не сохранились, К. Каминская объясняет тем, что, во-первых, слабо, особенно на начальном этапе, были развиты канцелярии различного уровня, и разрешение на локацию города могло выдаваться устно, а во-вторых, существовала практика, особенно развитая в Силезии, что локационные грамоты выдавались на последней стадии локации¹⁸. Но такая трактовка кажется мало вероятной, скорее прав был С. Курась, утверждавший, что количество сохранных источников зависит не столько от ситуации во время их создания сколько от политических перипетий XIX–XX вв.¹⁹, т. е. факт отсутствия локационных грамот связан с общей ситуацией сохранения архивов, в том числе и на украинских землях, в разные времена²⁰. Поэтому говорить о количестве локаций в том или

ликокняжеских городов), введение новых видов доходов, утверждение торгов и ярмарок, и, конечно же, вилькежи (постановления городского совета, распространявшиеся на граждан определенного города). В отдельную группу историк выделяет декреты ассессорского суда, которые раскрывают основные причины противостояния между войтами и магистратами отдельных городов, и указывают на основные периоды обострения социальной борьбы в городах (см.: *Тила А.* Роль Литовской метрики при исследовании магдебургских городов Жемайтского княжества // Литовская метрика: Тезисы докладов межреспубл. науч. конференции. Апрель 1988 г. Вильнюс, 1988. С. 23–24). О разнообразии источников по истории городов Левобережной Украины см.: *Швидько А.* Источники по истории городских поселений Левобережной Украины в отечественных архивохранилищах (вторая половина XVII – середина XVIII в.). Днепропетровск, 1986.

¹⁷ См.: *Kiaupa Z.* Pirmosios Kauno miesto privilegijos // Lietuvos miestu istorijos šaltiniai / *Sudary Z. Kiaupa, E. Rimša.* К. 2. Vilnius, 1992. P. 25–27.

¹⁸ См.: *Kamińska K.* Op. cit. S. 119.

¹⁹ *Kuraś S.* Op. cit. S. 82.

²⁰ Подр. см.: *Грімстед К.П., Боряк Г.* Доля українських культурних цінностей під час другої світової війни: винищення архівів, бібліотек, музеїв. Львів, 1991.

ином регионе в конкретные исторические периоды следует с большой осторожностью, обязательно учитывая государственную политику и локационную программу того или иного монарха²¹. К примеру, количество локаций в Польше возрастает в 40-х гг. XIII в., что было результатом политики Болеслава Стыдливого²². Отдельные исследования посвящены локационным программам Владислава Локетка²³, Казимира Великого²⁴, Владислава-Ягайла и его наследников²⁵. Особенной популярностью пользовались в этом плане времена Казимира Великого, что и понятно, ведь именно в 1333–1370 гг. локационный процесс в Польше был наиболее интенсивным, и, как свидетельствовал современник Казимира хронист Ян из Чарнкова, он был результатом осознанной политики короля²⁶. А после присоединения к Польше Галицкой Руси активный локационный процесс переносится сюда. Именно в 50-е – 60-е гг. XIV в. был издан ряд локационных и релокационных привилегий для русских городов (Жешува (Ряшева) в 1354 г.,

---

²¹ Именно на это обращает особое внимание Генрик Самсонович, полемизируя с С. Курасем в рецензии на его книгу. См.: *Samsonowicz H. Miasto i wieś na prawie niemieckim w późnym średniowieczu Polski (na marginesie pracy S. Kurasia «Przywileje prawa niemieckiego miast i wsi Małopolskich XIV–XV wieku»*. Wrocław, 1971. – 211 s.) // PH. 1972. T. LXIII. Z. 3. S. 495.

²² См.; *Krzyżanowski J. Polityka miejska Bolesława Wstydlwego* // *Studia historyczne ku uczczeniu St. Kutrzeby*. Kraków, 1938. T. II.

²³ См.; *Berdecka A. Lokacje miast małopolskich za Władysława Łokietka (1306–1333). Problematyka i stan badań* // *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej*. R. XXXI. 1983. Nr 3. S. 335–344; *Kamińska K. Op. cit.*

²⁴ См.; *Piekarczyk S. Studia z dziejów miast polskich w XIII–XIV w. Rola miast w walce o zjednoczenie ziem polskich i we wcześniejszym okresie monarchii stanowej do 1370 r.* Warszawa, 1955.; *Luciński J. Lokacje wsi i miast monarszych w Małopolsce do 1385 r.* // СРН. Т. XVII. Z. 2. 1965. S. 93–122; *Berdecka A. Lokacje i zagospodarowanie miast królewskich w Małopolsce za Kazimierza Wielkiego (1333–1370)*. Wrocław, 1982.; *Kamińska K. Op. cit.*

²⁵ См.: *Fałkowski W. Seria przywilejów miejskich Władysława Jagiełły z 1409 r.* // *Czas, przestrzeń, praca w dawnych miastach: studia ofiarowane Henrykowi Samsonowiczowi w sześćdziesiątą rocznicę urodzin*. Warszawa, 1991. S. 329–335; *Szczygiel R. Miasta polskie za ostatnich Jagiellonów* // *Rocznik Lubelski*. Lublin, 1968. T. 11. S. 127–153.

²⁶ См.: *Мицик Ю. Відомості про Україну XIV ст. в хроніці Яна з Чарнкова* // *Магістеріум*. К., 2004. Вип. 17: Історичні студії. С. 94–95.

Львова в 1356 г., Сянока в 1366 г., Кросно (Коросно) в 1367 г., Тычина и Судовой Вишни в 1368 г и др.)²⁷.

Еще в конце XIX в. было высказано довольно симптоматичное для значительной части польской историографии суждение относительно роли Казимира III в истории Польши: «Если бы Казимир III только Львову и Сяноку даровал магдебургское право (хотя для обоих городов это была лишь релокация. – Т. Г.), то уже за это, как и за поддержку в городах немцев и торговой колонизации вообще – надо было бы его почитать как великого благодетеля червоннорусских горожан»²⁸. Феликс Кирьк отмечал: «Деятельность короля в области осадничества и локации городов была огромной. Никогда до этого и после этого не прилагалось так много огромного труда, чтоб так эффективно создавать современное и богатое государство»²⁹. Планомерность локационной деятельности Казимира III, и ее значение для развития государства подчеркивают и современные историки³⁰. Бывший обербурггомистр Магдебурга Вильгельм Польте даже считал, что «Казимир Великий сделал в Украине для блага городов и их экономического процветания столько же, сколько Отто Великий в Средней Германии»³¹. Число поселений с городским правом в Польской Короне за 1333–1370 гг. удвоилось. В Малопольше и в Галицкой Руси количество королевских городов за это время возросло на 42 единицы, а частновладельческих городов возникло 17. Таким образом, за время правления Казимира III в этой части Короны было основано 59 городов на немецком праве. В это же время в Великопольше были основаны 22 города, из которых только два были королевскими.

---

²⁷ См.: *Kuraś S.* Op. cit. S. 91.

²⁸ *Gorzycki K.* Połączenie Rusi Czerwonej z Polską przez Kazimierza Wielkiego. Lwów, 1889. S. 93.

²⁹ *Kiryk F.* Polityka miejska Kazimierza Wielkiego w Małopolsce // Problemy dziejów i konserwacji miast zabytkowych / Red. R. Szczygieł. Radom 1990. S. 22.

³⁰ См.: *Gawlas S.* Monarchia Kazimierza Wielkiego a społeczeństwo // Genealogia – władza i społeczeństwo w Polsce średniowiecznej. Toruń, 1999. S. 215–220.

³¹ *Польте В.* Основні риси магдебурзького права // Самоврядування в Києві: історія та сучасність: Матеріали міжнар. конференції, присвяченої 500-річчю надання Києву магдебурзького права. Київ, 26–27 листопада, 1999. К., 2000. С. 32.

Со смертью Казимира Великого заканчивается эпоха планового осадничества. Локация городов во времена королевы Елизаветы (Эльжбеты), как указывает Анна Бердецкая, была лишь инерционным продолжением активной осаднической деятельности предыдущей эпохи. (В это время было только 20 локаций городов в Малопольше, примечательно, что только 25% локаций было произведено на королевских землях, остальные города были частновладельческими или принадлежали церкви)³².

Локационная политика польских королей, правда в меньших масштабах, была продолжена Владиславом-Ягайлом. Еще до его правления грамоты на магдебургское право получили такие украинские города как Ярослав (1375 г.), Белз (1377 г.), Любачев (1376 г.)³³, Владислав-Ягайло продолжил дело своих предшественников. По подсчетам Ярослава Кися, на украинских землях, принадлежавших Короне, в XIV в. возникло 15 новых городов, 10 из которых были королевскими, а 5 – частновладельческими. Изменения к лучшему в экономической жизни Польши привели к активизации процессов урбанизации, и уже в XV в. в Русском и Белзском воеводствах насчитывалось 52 новых города, 14 из которых были королевскими, а 38 – частновладельческими³⁴. Но, как справедливо указывают многие исследователи, все эти подсчеты очень приблизительны, поскольку источник база далеко не полная.

Определенная планомерность урбанизации во владениях Ягеллонов почти не отрицается в литературе. Не отбрасывая экономических предпосылок, польские историки подчеркивали политические мотивы в проведении широкого локационного процесса в это время, указывая, что привилегии на магдебургское право должны были упрочить политические позиции короля как в международных, так и во внутренних делах³⁵. Но и горожане, и

---

³² См.: *Berdecka A. Nowe lokacje miast królewskich w Małopolsce w latach 1333–1370. Chronologia i rozmieszczenie* // PH. Warszawa, 1974. T. LXV. Z. 4. S. 610–612.

³³ См.: *AGZ. Lwów, 1878. T. VII. Nr 12. S. 19–22; Krochmal J. Przywilej lokacyjny miasta Jarosława z 1375 r. Przemyśl, 1991; Przywilej lokacyjny miasta Lubaczowa z 1376 r. Przemyśl, 1991. S. 7–11.*

³⁴ См.: *Kisъ Я. Виникнення і розташування міст на території Руського і Белзького воеводств від XIV до середини XVII ст. (Матеріали до історичного атласу України та історії міст і сіл)* // АУ. 1968. № 2. С. 36.

³⁵ См.: *Fałkowski W. Op. cit. S. 334.*

владелец города усматривали во введении магдебургского права, прежде всего, экономическую выгоду³⁶. Это неоднократно подчеркивалось и польскими и украинскими исследователями³⁷, и историками Беларуси³⁸, но также оговаривалось в самих привилегиях: «стремимся, чтоб этот город процветал и умножал свои выгоды, прибыли, пользу и благосостояние»³⁹ или «желая, чтобы за время нашего правления города и местечки этой Короны изобиловали не только людьми, но и всякими пользами и фортунами»⁴⁰. Сигизмунд Август в привилегии для Тарногорода 1567 г. приводит заявление сандомирского воеводы Станислава Тарновского, что основание нового города может увеличить доходы королевских земель⁴¹. Именно мысль о важности экономических интересов при локации городов развивал Генрик Самсонович⁴², обращая внимание на меркантильность и практичность горожан XV–XVI вв.⁴³ в полемике с С. Курасем, который подчеркивал лишь символическое значение локационной привилегии для людей средневековья: «Средневековый человек не раз просто испытывал удовольствие, когда даровал то, что даровано было уже кем-то другим <...>»,

---

³⁶ См.: Przywilej lokacyjny miasta Przeworska z 1393 r. Przemyśl, 1992. S. 7.

³⁷ См.: Bogucka M., Samsonowicz H. Dzieje miast i mieszczaństwa w Polsce przedrozbiorowej. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1986. S. 50–52; Капраль М. Національні громади Львова XVI–XVIII ст. (соціально-правові взаємини). Львів, 2003. С. 45; Заяць А. Урбанізаційний процес на Волині в XVI – першій половині XVII століття. Львів, 2003. С. 96; Рогачевский А. Меч Роланда: Правовые взгляды немецких горожан XIII–XVII вв. СПб., 1996. С. 18 и др.

³⁸ См.: Хоміч М. Магдэбурскае права на Беларусі // Совершенствование законодательства и право применения на современном этапе. Минск, 2002. С. 5–7.

³⁹ Привілеї міста Львова (XIV–XVIII ст.) / Упор. М. Капраль. Львів, 1998. С. 29.

⁴⁰ Słoboda, prawo majdeburskie i iarmarki miasteczka Włodzimierca dziedzicznego urodz. xcia Czetwertyńskiego // Пам'ятки історії Східної Європи. Джерела XV–XVII ст. Т. V: Руська (Волинська) метрика. Книга за 1652–1673 рр. / Підг. до друку П. Кулаковський. Острог; Варшава; Москва, 1999. С. 405; Oblata przywileiu na prawo majdeburskie i iarmarki miasteczku Rachwałowce ziediczne[mu] urod. Pawła Tetery // Там же. С. 390 и др.

⁴¹ ВР ЛННБ. Архів І. Крип'якевича. Папка № 120. Арк. 3.

⁴² Samsonowicz H. Miasto i wieś na prawie niemieckim w różnym średniowieczu Polski... S. 497–500.

⁴³ Idem. Życie miasta średniowiecznego. Warszawa, 1970. S. 153.

когда покупал и продавал недвижимость с несуществующими принадлежностями, когда предоставлял иммунитет, давно существующий, когда неоднократно переводил одни и те же местности с польского права на немецкое, когда выдавал и получал документы, которые ничего в тогдашнем порядке вещей не меняли»⁴⁴. С этим утверждением трудно согласиться. Конечно, можно сказать, что слова из локационных привилегий об их экономической направленности – лишь фигура речи, но анализ конкретных документов подтверждает, что дарование городу магдебургского права реально увеличивало источники его доходов⁴⁵. Кроме того, города, особенно на пограничье, были еще и крепостями, что также подчеркивалось в привилегиях новых городов. И. Крипякевич, проанализировав локационные грамоты многих украинских городов, указывал, что их основатели видели пользу от урбанизации в трёх направлениях: 1) увеличение доходов владельца города; 2) использование городов для торговли; 3) роль городов как оборонительных объектов⁴⁶.

Но только от конкретных объективных и субъективных причин зависело, насколько дарованный шанс был использован. Известный белорусский историк Зиновий Копыцкий называл локационную грамоту «поощрительной привилегией городам», которая была «не эпизодом, а системой, постоянной чертой внутренней политики государства, главной заботой которого было стимулирование экономической жизни города»⁴⁷. И с этим трудно не согласиться. Кстати, неудавшиеся локации были не такой уж редкостью в истории всей Центрально-Восточной Европы. К примеру, Николай Тарло в 1557 г. получил привилегию от Сигизмунда Августа на образование города

---

⁴⁴ Kuraś S. Op. cit. S. 76.

⁴⁵ Весьма показательно, что даже Дмитрий Багалея, который придерживался традиционных для народнической украинской историографии взглядов на магдебургское право как на чужеродное для украинских городов, не мог не подчеркнуть те экономические выгоды, которое оно давало привилегированным городам (см.: *Багалій Д.* Магдебурзьке право на Лівобічній Україні. Львів, 1904 (Розвідки про міста і міщанство на Україні – Руси в XV–XVIII в. Ч. II). С. 390, 401).

⁴⁶ ВР ЛННБ. Архів І. Крип'якевича. Папка № 120. Арк. 4.

⁴⁷ *Копыцкий З.* Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XVI – первой половине XVII в. Минск, 1975. С. 23–24.

Тарловца на землях сел Кобыльницы Волосские и Кобыльницы Русские в Белзском воеводстве, но города так и не создал, и оба населенных пункта так и остались селами⁴⁸. О таких неудавшихся локациях в Польше вспоминали и польские исследователи. Так, Г. Самсонович, рассматривая локации в Польше на немецком праве в XIII – начале XIV в., указывает, что «не менее четверти из провозглашенных локаций оказались неосуществленными, во всяком случае, не реализованными в первоначальном варианте»⁴⁹. Иначе говоря, этот феномен был характерен не только для Украины⁵⁰.

Из всех упомянутых источников по проблеме урбанизации важнейшими являются королевские грамоты на магдебургское право отдельным городам. Именно в них указывался как срок введения городского самоуправления, так и его первоначальный объем (формуляр привилегии XVI в. на магдебургское право охарактеризовал Н. Ковальский⁵¹). В польской литературе, как известно, существует отдельное направление историко-правовых исследований, посвященных непосредственно локационным привилегиям.

Основой правового статуса городов Речи Посполитой была так называемая локационная грамота. В историографии бытует мнение, что «все грамоты на магдебургское право имеют важную общую черту: в каждой из них прокламируется одна и та же организация городской власти, одни и те же органы, ее образующие – воит, бурмистры, райцы, лавники. Все они наделены как административны-

---

⁴⁸ ВР ЛННБ. Архів І. Крип'якевича. Папка № 120. Арк. 9.

⁴⁹ Самсонович Г. Городское самоуправление в истории Польши периода феодальной раздробленности // Польша и Русь. Черты общности и своеобразие в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. М., 1974. С. 343.

⁵⁰ Более того, иногда даже формально существующие города или поселения, которые получали магдебургские городские привилегии, настоящими городами так и не становились. «Это были аграрные поселения с городским правом, с небольшим количеством ремесленников – кузнецов, сапожников, пекарей, мясников, портных, с незначительным количеством купцов. Их самым сильным экономическим атрибутом было право на годовые ярмарки и не у всех – на недельные торги. Это – результат экономической активизации шляхты и магнатов на пути к увеличению своих прибылей» (Кісь Я. Вказ. пр. С. 37).

⁵¹ См.: Ковальский Н. Указ. соч. С. 3–15; Он же. Источниковедение социально-экономической истории Украины (XVI – первой половины XVII века). Акты о городах: Учеб. пособие. Днепропетровск, 1983. С. 7–30.

ми, так и судебными функциями. Юридической основой их деятельности провозглашалось магдебургское право. Такое однообразие говорит о применении единого принципа организации и деятельности создаваемого самоуправления во всех городах, получивших привилегию на магдебургское право, причем этот принцип был соблюден повсеместно. Конкретные особенности отдельных городов лишь внесли в него то, что оказалось приемлемым, но не меняло его существа»⁵². На такую общность обращали внимание и другие историки⁵³. Конечно, в основных чертах магдебургское право в городах Центрально-Восточной Европы было однотипно, но особенностей, на которые указывал белорусский историк, было слишком много, и именно они были определяющими в жизни города, на что совершенно справедливо указывал еще В. Антонович⁵⁴.

Во-первых, в ходе рецепции немецкого права его нормы вступали во взаимодействие с местными обычаями, с так называемым обычным правом, что вело на практике к возникновению локальных разновидностей городского права. Не случайно Ярослав Исаевич писал: «Магдебургское право украинских городов – это не немецкое право, это украинское муниципальное право, возникшее путем слияния и переплетения украинского обычного права с видоизмененными и приспособленными к местным условиям элементами разных других правовых систем, в том числе немецкого магдебургского права... Магдебургское право было лишь правовым оформлением определенного этапа в развитии городов Украины...»⁵⁵. Такие

---

⁵² Копыцкий З. Социально-политическое развитие городов Белоруссии... С. 29.

⁵³ См.: *Рогачевский А.* Меч Роланда... С. 11; *Он же.* Кульмская грамота... С. 74; *Он же.* Очерки по истории права Пруссии XIII–XVII вв. (По материалам рукописных собраний Берлина и Санкт-Петербурга). СПб., 2004. С. 49; *Alexandrowicz S.* Geneza i rozwój sieci miasteczek Białorusi i Litwy do połowy XVII w. // *Akta Baltico-Slavica.* 1970. Т. 7. S. 52; *Kuraś S.* Op. cit. S. 43; *Заяць А.* До історії правової локації волинських міст XVI – першої половини XVII ст.: локаційні привілеї у Литовській і Волинській (руській) Метриках // *АУ.* 2001. № 4–5. С. 83 и др.

⁵⁴ См.: *Антонович В.* Исследования о городах Юго-Западной России (по актам 1432–1798 гг.). К., 1870. С. 58; *Он же.* Предисловие // *АЮЗР.* К., 1869. Ч. V: Акты о городах (1432–1798). Т. 1. С. 50.

⁵⁵ *Исаевич Я.* Адміністративно-правовий устрій Дрогобича в добу феодалізму (до кінця XVII ст.) // *З історії УРСР.* К., 1962. № 6–7. С. 19.

же суждения относительно белорусских городов высказывали Я. Юхо⁵⁶ и А. Вишневский⁵⁷. Значительно раньше похожее мнение в отношении польских городов, высказывал польский юрист XVI в. Бартоломей Гроицкий: «Не следует уже называть (это право. – Т. Г.) городским магдебургским, но *Ius Municipale Polonicum*, т. е. магдебургское польское право, которое горожане в Польском Королевстве считают своим... А поскольку это право все горожане и сельские жители, живущие в Польском Королевстве, используют во всех правовых вопросах, и большая часть его на польском языке для блага поляков написана, и от поляков к немцам не идут апелляции⁵⁸, и поляки с немцами в праве не советуются, справедливо тогда не немецким, а польским правом должно называться»⁵⁹.

Во-вторых, магдебургское право не было официально кодифицировано, и жизнь каждого города определялась комплексом дарованных ему привилегий, имевших немалые отличия. Справедливо заметила К. Каминская: «Свою организацию города получили путем индивидуальных привилегий, как хозяйственных, так и правовых»⁶⁰. Таким образом, по словам В. Майселя, «локационная привилегия не была кодификацией городского права, а включала только нормы, регулировавшие специальные вопросы данного города. Общие места были известны адресатам привилегии»⁶¹. Но здесь следует сделать ремарку: чем меньше был город,

---

⁵⁶ См.: Юхо Я. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права: Вучэб. Дапаможнік. Мінск, 1992. С. 131; а такжэ: Стрэнкоўскі С. Гарадское самакіраванне Беларусі канца XIV–XVIII ст. у працах сучасных айчынных гісторыкоў права // Гісторыяграфія і крыніцы па гісторыі гарадоў і працесаў урбанізацыі ў Беларусі: Зб. наук. артыкулаў. Гродна, 2009. С. 199–211.

⁵⁷ См.: Вішнеўскі А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (IX – пачатак XX ст.). Мінск, 1996. С. 63–64.

⁵⁸ На большое число высших апелляционных инстанций в Польше помимо образованного в 1356 г. в Кракове Высшего суда магдебургского права указывал Г. Самсонович (см.: Самсонович Г. Указ. соч. С. 338–340).

⁵⁹ Groicki B. Porządek sądów i spraw miejskich prawa majdeburkiego w Koronie Polskiej. Warszawa, 1953. S. 24.

⁶⁰ Kamińska K. Op. cit. S. 125.

⁶¹ Maisel W. [Rec.] S. Kuraś. Przywileje prawa niemieckiego miast i wsi małopolskich XIV–XV wieku. Wrocław, 1971, – 211 s. // СРН. 1972. Т. 24. З. 2. S. 237.

чем дальше находился он от больших центров, тем меньше было в нем образованных людей, тем хуже там знали общие правовые положения, и тем детальнее должна была быть привилегия на городское самоуправление. З. Рымашевский даже утверждал, что городское самоуправление не коренилось в самом немецком праве, но было результатом определенного этапа развития городов, созданных на основе этого права, и при этом размеры завоеванной автономии были различными⁶². Рассматривая природу привилегий в средневековом мире, А. Рогачевский указывает: «Важное место, занимаемое привилегиями в системе тогдашней социальной регуляции, объясняется тем, что центральной проблемой средневекового права была проблема правового статуса лица. При издании, например, учредительной грамоты для какой-либо общины суверен не вводил в действие те или иные нормы объективного права, а лишь предоставлял членам общины определенные права и обязанности. Говоря современным языком, такое право выступало как совокупность субъективных прав»⁶³.

Чтобы подтвердить все выше сказанное, рассмотрим подробнее локационные привилегии украинским городам. Важно то, что если город закладывался (или просто приобретал новый статус) на королевских землях, то ему необходима была только одна грамота короля; документ вручался войту, который и занимался практическими вопросами локации города. Если же закладкой городов занимались частные лица (шляхта или духовенство), то для легитимизации такой локации нужно было две грамоты: одна от короля для владельца этих земель, позволявшая заложить новый город на немецком праве, а вторая от самого владельца для войта будущего города. В отдельных случаях король только подтверждал грамоты, выданные землевладельцами на основании нового города. Именно так было, например, в городе Горохове Луцкого уезда, которому 26 июля 1600 г. князь Григорий Львович Сангушко-Каширский и его жена София предоставили магдебургскую привилегию, где были подробно расписаны обязанно-

---

⁶² См.: *Rymaszewski Z. Miejskość czy wiejskość prawa niemieckiego w Polsce // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Nauki Humanistyczne i Społeczne. Łódź, 1970. Ser. 1. Z. 69: Prawo. S. 69.*

⁶³ *Рогачевский А. Кульмская грамота... С. 85.*

сти и права горожан, доходы города, поземельная собственность мещан, установлено, что каждую неделю в городе будут проходить по два торга, а два раза в год – большие ярмарки⁶⁴; и только 10 марта 1601 г. Сигизмунд III издал грамоту, которая подтверждала магдебургское право для Горохова и определяла порядок избрания войта⁶⁵. Именно с этого времени самоуправление по немецкому образцу было узаконено в Горохове. Так же было и в Жолкве, которую основал в 1594 г. коронный гетман Станислав Жолкевский на территории принадлежащего ему села Винники, и только в 1603 г. Сигизмунд III предоставил Жолкве соответствующую привилегию на магдебургское право⁶⁶. Это была обычная практика и для польских, и для украинских земель. Со временем и грамота владельца, и грамота короля стали называться локационными.

Правда, в литературе иногда различают локационную привилегию и локационный документ. К первой относят королевскую грамоту, которой легитимизируется введение магдебургского права в городе, а локационный документ – это грамота, разъясняющая различные детали в жизни города, связанные с введением нового права. Именно такую градацию предлагает К. Каминская⁶⁷.

Порой даже на королевских землях локационные грамоты выдавали старосты (впервые такой случай в Великопольше зафиксирован в 1457 г. в отношении к Сульмежиц⁶⁸), или же старостам делегировалось право на основание нового города. Такие случаи были и на украинских землях. Так, в 1589 г. Сигизмунд III дает разрешение черкасскому старосте князю Александру Вишневецкому основать на пустом урочище город Чигирин⁶⁹. Этой же грамотой король определяет права и обязанности горожан,

---

⁶⁴ АЮЗР. К., 1869. Ч. V, т. 1. С. 90–96.

⁶⁵ Там же. С. 96–97.

⁶⁶ См.: *Barącz S.* Op. cit. S. 11–12; *Крип'якевич І.* З історії міста Жовкви // Записки Чина Св. Василя Великого. Львів, 1935. Т. VI, вип. 1–2. С. 42; *Бевз М.* Вказ. пр. С. 167.

⁶⁷ См.: *Kamińska K.* Op. cit. S. 116–126.

⁶⁸ См.: *Kutrzeba S.* Historia źródeł dawnego prawa polskiego. Lwów; Kraków, 1926. Т. II. С. 202.

⁶⁹ АЮЗР. Ч. V. Т. 1. С. 82–85.

жалует звание чигиринского войта черкасским старостам, определяет доходы города и войта, а также границы городских владений. А следующей своей грамотой от 15 октября 1592 г. Сигизмунд III жалует городу магдебургское право и одновременно устанавливает в Чигирине две годовые ярмарки и еженедельные торги⁷⁰. Иногда для разрешения заложения нового города и для дарования ему магдебургского права король выдавал только одну грамоту. К примеру, 28 июня 1622 г. Сигизмунд III выдает грамоту, разрешающую русскому, бужскому, корсунскому воеводе и чигиринскому старосте Яну Даниловичу «на земле нашей (королевской), названной Лысянка, в воеводстве Киевском размещенной, городок с таким же именем Лысянка осадить людьми и добрами...». Той же грамотой король жалует «им право магдебургское, которое другие города и городки наши (королевские) на Украине имеют», а также обуславливает выборы членов магистрата, которые должны быть утверждены замковой администрацией, расписывает права и обязанности горожан, государственные и городские платежи⁷¹.

Отдельно следует упомянуть о подтверждении магдебургского права городам, образованным по инициативе владельцев. Иногда, еще до закладки нового поселения король давал свою санкцию владельцу на такой акт, и уже здесь жаловал будущему городу право на самоуправление. Именно так 29 июня 1528 г. Сигизмунд I, выдавая разрешение князю Петру Михайловичу на создание города в селе Острожцы в его имении на Волыни, жалует новому городу не только торги и ярмарки (один торг в неделю и две годовых ярмарки – на Воскресение Господне и осенью на святого апостола и евангелиста Луки), но и магдебургское право по образцу других городов королевства, освобождает его жителей от ряда пошлин в пользу частных лиц: «...И вызволяем тое место его, яко ся на своих границах и межах долго и широко мает, з права руского и литовского и з ынших прав посполитых: мает ся тое место его – войт и мещане, и все люде, которы будут в нем мешкати, тых часов нынешних и на вечность, всеми тыми справами, и члонкамы, и выписамы обычаев справовати и обыходити так, яко есть обычай права майтборского, и як ся в ын-

---

⁷⁰ Там же. С. 86–87.

⁷¹ Там же. С. 135–138.

ших местех наших справуют и радят. А жидова того места его Острожецкого мают ся у правое рядити и обыходити тым правом, которым жидов <...> обходят, и справуют, и бывають сужоны. А которые мещан и крамары, мешкаючи в том месте, где колвек с конми, и с быдло, и с ыншими речьмы своими торговыми, до которых мест и местечок поедут, тогда старые мыта и соленичное в местех наших мают давать, а где бы инде в местех князьских и пански новые мыта были встановлены, и они там мыта и соленичное не мают платить. И каждый мещанин того места Острожецкого мает от такого платежа мыта вызволен быти. И тое место в том имени его, и торг и ярмарки, и вси члонки и дела, яко выше в том нашем листе стоит выписано, ишь то к праву маитборскому прислушить, потвержаемо сим нашим привилем князю Петру самом и его жоне, и их детем, и напо том будучим их счадком вечно и на веки непорушно»⁷². Так или иначе, каким бы ни был порядок предоставления магдебургского права частным городам, очень важной для его легитимизации была королевская грамота.

Локационные привилегии были, как правило, достаточно устойчивыми по своему содержанию, типичными для многих европейских городов, и эти же характерные их черты фиксируются и на украинских землях. Эти документы, писавшиеся по определенной формуле, зачастую содержали не так уж мало реальной информации о городской власти, хотя иногда в них указывались общие принципы, а не конкретные институты немецкого права именно в данном городе. Это ставило городскую организацию в зависимость от местных обычаев, которые несомненно влияли на функционирование магдебургского права в городах, причем чем меньше город, тем ошутимее было влияние традиций в правовой сфере. Образцом именно такой малоинформативной грамоты может быть локационный документ от 25 апреля 1393 г. для Пшеворска, полученный Яном из Тарнова от Владислава-Ягайла⁷³, привилегия польского короля Сигизмунда III от 4 апреля 1623 г.

---

⁷² АЮЗР. Ч. V. Т. 1. С. 36–37.

⁷³ Там же. АЮЗР. Ч. V. Т. 1. С. 82–85. *Przywilej lokacyjny miasta Przeworska z 1393 r.*

на магдебургию Чернигову⁷⁴, а также документ, который был выдан 7 июня 1585 г. польским королём Стефаном Баторием киевскому воеводе, маршалку Волынской земли князю Константиному Константиновичу Острожскому на магдебургское право для его города Острога⁷⁵. Безусловно, одни лишь локационные документы не многое могут сказать об истории того или иного города. Они были во многом заформализированы, но все же не так уж малоинформативны, как утверждали некоторые исследователи⁷⁶. Каждая локационная грамота была уникальна если не особенной информацией, то хотя бы набором прав и привилегий, которые даровались городу. Четко можно определить некоторые часто встречающиеся клаузулы локационных грамот.

Предоставляя городу немецкое право, в документе указывали, какой город будет образцом этого права для нового поселения, каким количеством земли может оно пользоваться, определяли права войта, мещан, владельца города. Хотя и здесь возможны были варианты. Часто локационные грамоты освобождали горожан от любой юрисдикции, кроме городской. К примеру, в грамоте, выданной Львову 17 июня 1356 г. польским королем Казимиром III читаем: «...Освобождаем упомянутый город и его жителей от всех юрисдикций каштелянов, воевод, судей, подсудков, возных и от власти кого-либо, каким бы именем он не назывался; так, чтобы перед ним или

---

⁷⁴ Там же. Привілей короля польського Жигімонта Третього м. Чернігову на магдебургію року 1623 квітня 4 // Корпус магдебурзьких грамот українським містам: два проекти видань 20-х – 40-х років XX століття / Авт.-упоряд. В. Андрейцев, В. Ульяновський, В. Короткий. К., 2000. С. 54–55. В 2007 г. была защищена диссертация по истории самоуправления в Чернигове, выполненная на кафедре истории и археологии Украины исторического факультета Черниговского государственного педагогического университета им. Т. Шевченко (см.: *Доманова Г. Чернігівський магістрат: статус, структура та основні напрямки діяльності (друга половина XVII–XVIII ст.): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Чернігів, 2007).*

⁷⁵ АЮЗР. Ч. V. Т. 1. С. 82–85. Привілей польського короля Стефана Баторія кийівському воеводі, маршалкові Волинської землі князю Константину Острожському про надання його місту Острогу магдебурзького права. 1585, червня 7. Краків // *Острозька давнина. Дослідження і матеріали / Відп. ред. І. Мицько. Львів, 1995. С. 112–113.*

⁷⁶ АЮЗР. Ч. V. Т. 1. С. 82–85. *Kuraś S. Op. cit. S. 43; Alexandrowicz S. Op. cit. S. 52.*

перед кем-либо из них в больших и малых делах горожане не отвечали, а только – перед своим войтом, а войт – перед нами или нашим старостой, которому мы это поручаем только при условии, что (войт) будет приглашен или вызван нашей или нашего старосты грамотой и будет отвечать только в соответствии со своим немецким правом»⁷⁷. Но, хотя такое освобождение от королевской или частновладельческой юрисдикции было сущностью немецкого права, не во всех локационных грамотах оно четко обозначается. И все же это было обязательным условием для создания городского самоуправления.

В большинстве грамот указано, какой именно вид немецкого права вводится в конкретном городе⁷⁸. Но иногда городу просто даровалось немецкое право, и только на месте должны были сделать выбор. Так, грамотой Казимира IV от 7 января 1467 г. городу Лечно в Любачевском уезде даровалось немецкое право «в шредской или магдебургской разновидности»⁷⁹, но, как свидетельствуют более поздние источники, в городе функционировало магдебургское право, типичное для городов между Бугом и Вислой⁸⁰. Иногда вид немецкого права в городе можно было установить по аналогии с тем городом, по образцу которого он учреждался, или по другим привилегиям, дарованным населенному пункту. В большинстве случаев, согласно выводам Р. Щигела, для украинских городов это было право магдебургское⁸¹.

Одним из главных пунктов локационного документа был пункт, указывавший, по примеру какого города даруется магдебургское право данному поселению. А. Рогачевский утверждает: «Пожалование новому городу права более старой общины – явление общеевропейское. Следствием его было возникновение “дочерних”, “внучатых” и даже “правнучатых” городов, объединяющихся в “семьи”. При этом суд более старого города обычно

---

⁷⁷ Привілеї міста Львова (XIV–XVIII ст.)... С. 29.

⁷⁸ О видах германского права см.: *Рогачевский А.* Меч Роланда... С. 18.

⁷⁹ АЮЗР. Ч. V, т. 1. С. 82–85. *Przywilej lokacyjny miasta Łęcznej z 1467 roku* / wyd. R. Szczygieł. Łęczna, 1993. S. 4.

⁸⁰ Там же. *Łęczno. Studia z dziejów miasta* / Pod red. E. Horocha. Lublin, 1989. S. 34–40.

⁸¹ См.: *Szczygieł R.* Lokacje miast w Polsce XVI wieku... S. 110–111.

становился и высшей судебной инстанцией для бюргеров “дочернего” города»⁸². Таким образом Львов получил немецкое право по образцу Кракова⁸³, Краков, соответственно, по образцу Вроцлава⁸⁴, Киев по образцу Вильно⁸⁵, Вильно тоже по образцу Кракова (это указание есть только в грамоте 1432 г., где впервые упоминается городской совет)⁸⁶, Перемышль⁸⁷ и Любачев⁸⁸ по образцу Львова, Страхот по образцу Луцка, Дорофеев и Острополь по образцу Кракова⁸⁹, Переворск по образцу Ярослава⁹⁰ и т. д. Та-

---

⁸² *Рогачевский А.* Меч Роланда... С. 18.

⁸³ Конкретного указания на это в привилегии Казимира III для Львова нет, но именно такой вывод следует из набора прав и привилегий, которыми пользовался Львов. А поскольку для польских королевских городов была традиция основывать города по примеру столичного города или по примеру ближайшего большого города, то такой вывод оправдан (см.: *Szczygiel R.* Lokacje miast w Polsce XVI wieku... S. 12).

⁸⁴ Локационная привилегия Кракову упоминает о трех локаторах (Гевко Стилвойт, Дитмар Волк, Якуб из Нисы), родом из Силезии. Один из них, Гевко, еще в 1254 г. был лавником во Вроцлаве, а уже в 1274 г. был войтом Нового Города Вроцлава (см.: *Bogucka M., Samsonowicz H.* *Op. cit.* S. 49–50).

⁸⁵ АЮЗР. Ч. V, т. 1. С. 82–85. *Билоус Н.* Київ наприкінці XV – у першій половині XVII століття. Міська влада і самоврядування. К., 2008. С. 55.

⁸⁶ Традиционно датой введения магдебургского права в Вильно называют 1387 г., но по утверждению Иво Яворского, эта привилегия Владислава-Ягайла лишь даровала городу войтовство, магдебургское же право Вильно было даровано привилегией 1432 г., подписанной Сигизмундом Кейстутовичем в Троках. О привилегиях для Вильна см.: *Jaworski I.* *Zarys dziejów Wilna.* Wilno, 1929. S. 8; *Jaworski I.* *Studia nad ustrojem miast na prawie litewskim w Wielkim Księstwie Litewskim w dobie Jagiellońskiej // Rocznik Prawniczy Wileński.* 1931. T. V. S. 297–352.

⁸⁷ АЮЗР. Ч. V, т. 1. С. 82–85. *Hauser L.* *Monografia miasta Przemyśla.* Przemyśl, 1991. S. 107 (текст локационной грамоты Перемышля от 1 октября 1389 года). В литературе высказывалась мысль о том, что грамота 1389 г. была для Перемышля релокационной, поскольку есть упоминания о войте города в источниках за 1359 и 1366 годы. А. Бердецкая предполагает, что элементы организации города Перемышля на немецком праве были уже в 1323 г. (см.: *Berdecka A.* *Nowe lokacje miast Królewskich w Małopolsce w latach 1333–1370.* *Chronologia i rozmieszczenie // PH.* 1974. T. LXV. Z. 4. S. 601).

⁸⁸ АЮЗР. Ч. V. Т. 1. С. 82–85. *Przywilej lokacyjny miasta Lubaczowa z 1376 r. / Opr. M. Dalecki.* *Przemyśl,* 1991. S. 10.

⁸⁹ АЮЗР. Ч. V. Т. 1. С. 82–85. *Заяць А.* Заснування міст на Волині у XVI – першій половині XVII століття (Джерелознавчий аспект) // До джерел: 3б.

кая же формула была характерна для городов не только Польши и ВКЛ⁹¹, но и Германии. В частности, магдебургское право по образцу Стендаля получили города Кирииту (1237), Витштох (1248), Нойрупын и Фридланд (1256); по примеру Лейпцига и Галле – Наумбург, Дрезден, Пирна, Вурцен, Ошатна, Лейсниг, Доблин и др.⁹² «Таким образом, – писал Ф. Тарановский, – распространение городского права представляет длинную цепь заимствований: один город получает право от другого и в свою очередь передает его третьему»⁹³.

Интересно, что с конца XV в. города ВКЛ за образец получали именно другие «литовские» города, которые управлялись на основе магдебургского права. К примеру, Сураж по привилегии 1445 г получил магдебургское право по образцу Вильно, Ковно и Бреста. Августов (1557 г.) ориентировался на виленский образец. Высокому привилегией 1503 г. было пожаловано магдебургию по примеру Бреста и Дрогичина, а вот в привилегиях Брянску (1493 г.) и Мельнику (1501 г.) конкретный «материнский» город не был назван, они должны были ориентироваться на «другие города Великого княжества Литовского»⁹⁴.

Иногда в грамоте указывалось, что образцом самоуправления должны были служить два или три города – для украинских земель чаще всего это были Львов и Краков. пожалования городского права по образцу двух городов характерны были и для

наук. праць на пошану Олега Купчинського з нагоди його 70-річчя. Київ; Львів, 2004. Т. II. С. 180.

⁹⁰ АЮЗР. Ч. V. Т. 1. С. 82–85. *Кобилецький М.* Магдебурзьке право в Україні (XIV – перша половина XIX ст.). Історико-правове дослідження. Львів, 2008. С. 138.

⁹¹ Большинство белорусских городов получали магдебургское право по образцу Вильно, к примеру, Брест, получивший грамоту на самоуправление в 1390 г. (см.: *Копыцкий З.* Магдебургское право в городах Белоруссии (конец XV – первая половина XVII в.) // Советское славяноведение. 1972. № 5. С. 30.

⁹² АЮЗР. Ч. V. Т. 1. С. 82–85. *Кобилецький М.* Магдебурзьке право в Україні (XIV – перша половина XIX ст.). Історико-правове дослідження. Львів, 2008. С. 123.

⁹³ *Тарановский Ф.* Обзор памятников магдебургского права западно-русских городов литовской эпохи. Варшава, 1897. С. 6.

⁹⁴ *Jarmolik W.* Rozwój niemieckiego prawa miejskiego na Podlasiu do Unii Lubelskiej 1569 roku // РН. 1982. Т. LXXIII. З. 1–2. С. 32–33.

Польши⁹⁵. Упоминания о двойном образце локации встречаются даже в грамотах для частновладельческих городов, которые получали так называемое неполное магдебургское право, т. е. их самоуправление в значительной степени было ограничено или владельцем, или замковой администрацией (привилегия для Переяслава 1585 г. во владениях Константина Острожского⁹⁶, привилегия для Лубен (Александрова) 1592 г. во владениях Александра Вишневецкого⁹⁷ и др.). Иногда образцами были менее значительные города, в частности для Крупеня – Луцк и Кременец⁹⁸.

Многие украинские города, особенно в Русском воеводстве и на Подолье, получали магдебургское право по образцу Львова. В литературе даже встречается термин «львовское городское право», которым иногда обозначают магдебургию по львовскому образцу⁹⁹. Получение такой магдебургии было очень выгодным. Дело в том, что Львов пользовался самым широким самоуправлением в сравнении с другими украинскими городами. Более того, Львов стал апелляционным центром для русских¹⁰⁰ городов в составе Короны:

---

⁹⁵ К примеру, Кцыня была основана по образцу Гнезно и Познани, в то время, как известны поселения, принявшие только «гнезненское» (Повидз) или только «познанское» право (Срем, Рогозно, Оборники). Подр. см.: Самсонович Г. Указ. соч. С. 341.

⁹⁶ См.: Привілей місту Переяславлі на магдебурзьке право від короля Стефана Баторія року 1585 // Корпус магдебурзьких грамот українським містам... С. 46.

⁹⁷ См.: Привілей на магдебургію місту Лубням (Олександрову) року 1592 жовтня 20 короля Жигімонта Третього // Там же. С. 48.

⁹⁸ См.: Заяць А. Заснування міст на Волині у XVI – першій половині XVII століття... С. 180

⁹⁹ См.: Владимирский-Буданов М. Немецкое право в Польше и Литве // ЖМНП. 1868. Ч. СХІ. С. 524–525.

¹⁰⁰ Здесь и далее термины «русский», «русские» употреблены не в современном значении, а в том, в котором они употреблялись в документах XIV–XVII вв. на территории Польши и ВКЛ. Как известно, «русским» («русью», «русинами») здесь называли восточнославянское население этих государств, отличая его от подданных московского государя, за которыми постепенно закрепились этнополитонимы «московиты», «московские». О специфике формирования смыслового наполнения термина «Русская земля» (русский) см.: Нариси історії Росії / За ред. О. Чубар'яна. К., 2007. С. 105–

17 июля 1444 г. Владислав III Варненчик даровал Львову грамоту, по которой его райцы должны были рассматривать апелляции от других городов, местечек и сел «находящихся во всей нашей русской земле»¹⁰¹, и только после рассмотрения во Львове эти апелляции могли направляться в Высший суд магдебургского права на Краковском замке (создан 1356 г.) или непосредственно к королю. Но и до этого маленькие города региона обращались к городскому совету Львова за разъяснениями, что предусматривалось привилегиями этих городов, как, например, Тереховли¹⁰², Рогатина¹⁰³, Замостья¹⁰⁴ и др.

Иногда формулировки о том, по примеру какого города даровалось магдебургское право новому городу, были не такими конкретными. В частности, даруя самоуправление городу Острогу, Стефан Баторий в своей грамоте указывает: «...Тому месту Встрозскому право маидемьборское наддали, а всякие свободы пожитки и порядок в нем, прикладомъ инъших упривилевныхъ головныхъ местъ в паньствахъ наших спорядити и постановити дозволили...»¹⁰⁵. Хотя далее рекомендуется совершать судопроизводство по примеру главных городов – Львова и Кракова. И это далеко не единственный пример. В частности, 20 июля 1661 г. по просьбе пол-

---

114.; а в отношении XVI в. см.: Русина О. Україна під татарами і Литвою. К., 1998. С. 273–280.

¹⁰¹ ЦДІАУЛ. Ф. 131 (Грамоти на пергаменті). Спр. 134. Арк. 1; Ф. 52 (Магістрат міста Львова). Оп. 2. Спр. 614. Арк. 29–30; опубл.: AGZ. Lwów, 1875. Т. V. S. 137–138; Привілеї міста Львова (XIV–XVIII ст.)... С. 96–98. Подробный анализ данной привилегии и сравнение ее с похожей привилегией для Кракова от 3 июня 1444 г. см.: *Koranyi K. Przywileje dla miasta Krakowa i miasta Lwowa z r. 1444 (z dziejów wikarjatu karnego miast w średniowieczu)*. Lwów, 1936.

¹⁰² См.: *Кобилецький М.* Магдебурзьке право в місті Тереховля // Вісн. Львів. ун-ту. Сер. юридична. Львів, 2004. Вип. 39. С. 111.

¹⁰³ См.: *Царьова Н.* Привілей Волчка Преслужича на надання магдебурзького права новозаснованому місту Рогатину // Рогатинська земля: історія та сучасність. Матеріали першої наукової конференції. Рогатин, 24–25 березня, 1995. Львів; Рогатин, 1995. С. 98.

¹⁰⁴ См.: *Przywilej lokacyjny Zamościa z 1580 r.* / Opr. R. Szczygieł. Lublin, 1980. S. 7.

¹⁰⁵ Привілей польського короля Стефана Баторія київському воєводі... С. 112.

ковника Ивана Лизогуба магдебургскую грамоту из рук Яна Казимира получил Канев¹⁰⁶. Как и в ряде других случаев в этой грамоте четко указано, что каневские горожане освобождаются от всех русских и польских прав, и переводятся на право магдебургское, при этом они освобождались во всех делах, в том числе и криминальных, от юрисдикции гродских, земских и других судов, и должны были отвечать только перед бурмистром, войтом или судами своего города в соответствии с нормами дарованного немецкого права. Эта грамота интересна тем, что в ней четко не указано по примеру какого города учреждалось в Каневе магдебургское право. Также в грамоте на магдебургское право городу Козельцу (29 декабря 1663 г.) указано, что городское самоуправление должно действовать «по примеру других городов наших (королевских. – Т. Г.)»¹⁰⁷. Все это может свидетельствовать о том, что на середину XVII в. в Украине уже хорошо были известны основные нормы этого права.

По мнению К. Каминской, подкрепленному рядом конкретных примеров, образцом для городского самоуправления обычно было самоуправление того города, откуда происходил локатор нового поселения¹⁰⁸. Но этот принцип срабатывал только на начальных этапах распространения магдебургского права, когда еще в нем принимали участие немецкие или силезские колонисты. Позже магдебургское право распространялось без их посредничества¹⁰⁹, и образец определялся по другому принципу – по воле короля (для королевских городов), по просьбе магната или по образцу главного города в его владениях, или, наконец, по просьбе самих горожан.

Но все это – лишь малая часть локационных привилегий отдельным городам региона. В большинстве своем они были значительно информативней. Но при этом следует помнить, что лока-

---

¹⁰⁶ См.: Prawo majdeburskie miasta Kaniowa, iarmarki, targi, młyn wójtowski temusz miastu // Пам'ятки історії Східної Європи. Джерела XV–XVII ст. Т. V... С. 242–244.

¹⁰⁷ Nadanie prawa majdeburskiego miastu Kozielcu służącego // Там же. С. 355.

¹⁰⁸ См.: Kamińska K. Op. cit. S. 124.

¹⁰⁹ См.: Гошко Т. Нариси з історії магдебурзького права... С. 59–82.

ционные привилегии каждого города были в определенном смысле уникальны, так как набор информационных блоков в них был различен, хотя были и общие черты. И именно они вводили украинский город в европейский контекст. Локационные привилегии отдельным городам мы можем сравнить с мозаическими изображениями – они состоят из одинаковых частиц, но разное их сочетание создает уникальный образ. Поэтому отдельные локационные привилегии многое рассказывают о конкретных городах, хотя картина будет неполной, если не привлечь для изучения жизни города другие источники.

**КОНСТРУИРОВАНИЕ ПАМЯТИ:
МОЖНО ЛИ ЗАБЫТЬ НАПОЛЕОНА, НО
ПОМНИТЬ О МОНОМОТАПЕ**

А.В. Гладышев

Саратовский государственный университет,
кафедра истории нового и новейшего времени
E-mail: Gladav2002@mail.ru

В статье рассматривается образ Наполеоновской империи во французских школьных учебниках для начальных и средних классов. Французы, формируя свой национальный миф, старались развить у школьников чувство патриотизма, соединить монархическую и республиканскую традиции, что отразилось и на образе императора Наполеона I. Собственно образ империи и императора распадается на две основные составляющие: военную – Наполеон как полководец – и гражданскую – Наполеон как государственный деятель. Значение Наполеона для исторической памяти французов подчеркивается дискуссией, развернувшейся с осени 2010 г. на Facebook вокруг содержания школьного курса истории во Франции.

Ключевые слова: Наполеон, школьные учебники, историческая память, Facebook.

**MEMORY DESIGNING:
WHETHER IT IS POSSIBLE TO FORGET NAPOLEON, BUT
TO REMEMBER ABOUT MONOMOTAP**

A.V. Gladishev

The image of Napoleonic empire in the French school textbooks for initial and middle classes is considered in the article. Frenchmen, forming the national myth, tried to develop at pupils the feeling of patriotism, to connect monarchic and republican traditions. That was reflected in an image of emperor Napoleon I. Actually the image of empire and the emperor divides on

two basic components: military - Napoleon as the commander - and civil - Napoleon as the statesman. Napoleon's value for historical memory of Frenchmen is underlined by the discussion concerning the maintenance of a school course of history in France developed since autumn of 2010 on Facebook.

Key words: Napoleon, school textbooks, historical memory, Facebook.

Образ наполеоновской империи занимал и занимает во французской коллективной памяти совершенно особое место. Если судить по количеству специальных веб-сайтов или произведений искусства, почтовых марок или рекламных буклетов и календарей, одеколонов или коньяков, сувенирной продукции или детских игрушек, объединений исторических реконструкторов или научных обществ, то тематика наполеоновской империи затмила по популярности даже тему Революции¹. Блеск и громы эпохи побуждают энтузиастов открывать научные институты или сектора по наполеонистике от Каира до Телахаси.

Основу такой коммеморации закладывают еще в школе. Образ Наполеоновской империи во французских школьных учебниках для начальных и средних классов и стал предметом внимания в данной статье.

На страницах просмотренных (выборочно) учебников² собственно Наполеон появляется естественно раньше империи. Образ

---

¹ Статья логически и хронологически продолжает публикацию в предыдущем выпуске нашего сборника (см.: *Гладышев А.В.* Формирование исторической памяти: школьные учебники и Французская революция // История и историческая память. Саратов, 2010. Вып. 2. С. 30–60).

² См.: *Chaulanges S., Chaulanges M.* Premieres images d'histoire de France. Paris: Delagrave, 1958; *Bonifacio A., Maréchal P.* Histoire de France. Cours moyen 1er année. Paris: Hachette, 1964; *Ballot M.* Nouveau livre d'histoire de France. Paris: Colin, 1967; *Grasser J., Colet R., Wadier R.* Notre histoire: Cycle moyen. Paris: Hachette, 1981; *Dorel-Ferré G., Chagny V.* Histoire-géographie: cours élémentaire 1. Paris: A. Colin, 1985; *Dorel-Ferré G., Chagny V.* Histoire-géographie: cours élémentaire 2. Paris: A. Colin, 1985; *Nembrini J.-L., Bordes J., Polivka P.* Histoire CM. Paris: Hachette, 1985; *Drouet J.P., Drouet M., Martinez Y., Hay R.* Histoire. CM 1 - CM 2. Paris: Magnard, 1985; *Belbeoch O.* Histoire, géographie, éducation civique. CE. Paris: Belin, 1986; *Bendjebbar A.* Histoire de la France. Paris: Hachette, 1986; *Benoît M., Charles J.-M.* Histoire, géographie: au cycle élémentaire. Paris: Hatier,

генерала-избавителя от несчастий революции поглощает внимание учащегося; термидорианский Конвент, Директория и, конечно, Консульство выглядят как простые исторические декорации для главного героя.

Французы, формируя, в том числе и через школьные учебники, свой национальный миф, старались развить чувство патриотизма, соединить монархическую и республиканскую традиции³. В учебниках превращение Франции из республики в империю выглядит как нечто не то чтобы само собой разумеющееся, но обусловленное обстоятельствами и обстоятельствами в первую (и единственную) очередь внешними. Это волшебное превращение проистекает из внешней опасности и «блестящих побед» генерала. «Генерал Наполеон Бонапарт после блестящих военных побед в Италии захватил власть. Затем, 2 декабря 1804 г., он был коронован в императоры»⁴. «В виду вражеской угрозы Французская республика окончила свое существование, передав всю власть амбициозному генералу Наполеону Бонапарту. Тот короновался императором французов в 1804 г.»⁵.

1987; Benoît M., Chauvin G., Des Déserts M.-C., Lalouette J. Images et mémoires des français. Histoire: CM. Paris: Hatier, 1985; Combes J. (sous la dir. de). Histoire, géographie, éducation civique. Cours élémentaire. Paris: F. Nathan, 1987; Bon F., Lacoste H., Lassere M., Belbeoch O. Histoire CM. Paris: Belin. 1987; Bastien L. (sous la dir. de). Histoire, cycle d'approfondissement 2e et 3e année. CM. Une terre, des homes. Paris: Magnard, 1991; Baillat G., Boulmer-Nguyen J., Chevalier J.-P., Chossenot M., Demotier A., Field M., Gerard R., Rouffignac J., Szwarc E., Thibault J. Histoire. Géographie. Education civique. CE 2. Paris: F. Nathan, 1995; Fournier C., Mauras A. Histoire-géographie-éducation civique. Paris: Bordas, 1997; Clary M., Dermanjian G. Histoire-géographie. Paris: Hachette, 2006; Nemo J., Monneron Ph. Manuel d'histoire de France. Cycle 3. Paris: Librairie des écoles, 2007.

³ Подр. см. Гладышев А.В. Конструирование исторической памяти и школьные учебники (опыт Франции) // Европа. Тюмень, 2010. Вып. 9.

⁴ Combes J. Histoire. Géographie. Education civique. CE 1. Paris: F. Nathan, 1987. Ср. учебник для средних классов: «Бонапарт благодаря свои победам стал главой правительства, а затем, после 2 декабря 1804, короновался в Париже римским папой в императоры и стал именоваться Наполеоном I» (Drouet J.P., Drouet M., Martinez Y., Hay R. Histoire. CM 1 – CM 2. Paris: Magnard, 1985).

⁵ Bastien L. (sous la dir. de). Histoire, cycle d'approfondissement 2e et 3e année. CM. Une terre, des homes. Paris: Magnard, 1991. Или: «При народной поддержке (курсив мой. – А. Г.) Бонапарт короновался в 1804 императором под

Итак, Бонапарт либо сам «захватывает» власть, либо это республика «передает» ему власть. В описании переворота 18 брюмера сам Наполеон может выглядеть главным действующим лицом⁶, либо, все же делается знаковая ссылка на «волю народа»⁷. Но в 1960-е годы, когда французы старались не разжигать политические страсти, а примирить общество, предпочитали более нейтральный вариант: «В 1804 он стал императором под именем Наполеона I. Он короновался в Париже, в соборе Нотр-Дам, в присутствии папы»⁸. Или: «В 1804 Бонапарт взял титул императора. Он принял имя Наполеона I. 2 декабря 1804 он коронован в Париже римским папой»⁹.

Собственно образ империи и императора распадается на две основные составляющие: военную и гражданскую. Наполеон как полководец – видение сверкающее, но временное, Наполеон как реформатор – картина на века. Исторический баланс: «Несмотря

именем Наполеона I и создал вокруг себя дворянство и двор, как во времена монархии» (*Bon F., Lacoste H., Lassere M. Histoire CM. Paris: Belin, 1987*).

⁶ Напр., в изложении Бенджеббара: «Что станет с Францией, если первый консул умрет? Бонапарт хотел управлять Францией 10 лет, всю жизнь, всегда. Он хотел, чтобы, как и во времена королей, после его смерти вскричали: “Наполеон умер, да здравствует Наполеон!”». И далее следует уже описание церемонии коронации с указанием нарядов Жозефины Богарне (*Bendjebbar A. Histoire de la France. Paris: Hachette, 1986*. Или: «Он провозгласил себя императором в 1804 под именем Наполеона I» (*Baillat G., Boulmer-Nguyen J., Chevalier J.-P., Chossenot M., Demotier A., Field M., Gerard R., Rouffignac J., Szwarc E., Thibault J. Histoire. Geographie. Education civique. CE 2. Paris: Nathan, 1995*).

⁷ Напр.: «В ноябре 1804 французы проголосовали за империю. Бонапарт стал Наполеоном I. Император был абсолютным сувереном, как и прежние короли. Он обладал всей исполнительной властью и контролировал законодательную власть. Создается новое имперское дворянство, которое в отношении сияния и блеска могло ничем не завидовать дворянству Старого Порядка» (*Drouet J.P., Drouet M., Martinez Y., Hay R. Histoire. CM 1 - CM 2. Paris: Magnard, 1985*).

⁸ *Ballot M. Nouveau livre d'histoire de France. Paris: Colin, 1967*.

⁹ *Bonifacio A., Maréchal P. Histoire de France. Cours moyen 1ère année. Paris: Hachette, 1964*. В 1950-е гг. можно было обойтись и без ссылки на римского папу. Как написали Шоланжи в своем первом учебнике: «Генерал Бонапарт стал императором французов. Он именовался Наполеоном I» (*Chaulanges S., Chaulanges M. Premières images d'histoire de France. Paris: Delagrave, 1958*).

на все эти войны, Наполеон был для Франции великим организатором»¹⁰. Военная история империи рисуется как история судьбы лично Наполеона, произведенные же реформы описываются как достояние нации. Возможно, это связано с той шумной дискуссией о содержании школьных курсов истории, развернувшейся во Франции в конце 1970-х гг., которая и привела к акцентированию «национально-культурного достояния».

Начнем с образа полководца.

В 1960-е гг. военная судьба императора изображалась так. Сначала Наполеон одержал «великие победы», собрав никому доселе невиданную армию в 700000 человек. Упоминаются места побед: Аустерлиц, Иена, Ваграм... «К 1811 Наполеон стал главой империи столь же большой, как и у Карла Великого»¹¹.

На самом начальном уровне дети должны запомнить лишь две великих битвы Аустерлиц и Ватерлоо: Наполеон «хочет доминировать во всей Европе. После ряда великих побед как при Аустерлице в 1805, он потерпел поражение при Ватерлоо в 1815 и умер далеко от Франции на английском острове Святой Елены посредине Атлантического океана»¹². Можно расценить такой взвешенный дискурс как попытку демистифицировать национальную историю. В других же учебниках авторы все же не боятся вызвать у учеников эмоции. О. Бальбеош выстраивает логический и хронологический ряд событий в целом повторяющий схемы изложения этого материала в предшествующие годы, но при этом, указывая в конце на практическую возможность учащихся соприкоснуться с великим прошлым. Во-первых, воинственность Наполеона была вынужденной. Во-вторых, он (а вместе с ним и Франция) одно время все же был «хозяином Европы». В-третьих, во всем виноваты русские «ужасные морозы». В-четвертых, французы сражались против объединенной Европы. В-пятых, дети, и сейчас могут лицезреть останки этого великого человека в Доме инвалидов¹³.

---

¹⁰ Drouet J.P., Drouet M., Martinez Y., Hay R. Histoire. CM 1 – CM 2. Paris: Magnard, 1985.

¹¹ Ballot M. Nouveau livre d'histoire de France. Paris: Colin, 1967.

¹² Combes J. Histoire. Géographie. Education civique. CE 1. Paris: F. Nathan, 1987.

¹³ «Он ответил войной на войну и одержал серию побед, которая ему позволила увеличить свою империю: в 1811 г. он стал почти хозяином Европы. В 1812 г. он дошел со своей армией до Москвы, но позволил ужасной

Образ Наполеона-победителя (французы всегда побеждают героически, а терпят поражение из-за погоды или коварства) дополняет образ Наполеона-отца солдат. «Наполеон был великим генералом. Он знал, что сказать своим солдатам, как заставить себя бояться и как заставить себя любить. Так ночью накануне сражения при Аустерлице он нанес визит своим солдатам на бивуаке. Те встретили его аплодисментами: «Маленький капрал!». Раздули костер, подняли факелы, чтобы осветить дорогу и оказать ему уважение»¹⁴. «Наполеон был «одним из самых великих полководцев за всю историю <...> Солдаты любили Наполеона как бога <...> Ему служили прославленные Мюрат, Массена, Ней»¹⁵. «Наполеон хотел, чтобы поэты и журналисты воспевали его славу. <...> Император не забыл, что он солдат, а война – его ремесло», – констатирует Бенджеббар и переходит к живописанию серого мундира, треуголки и тягот, которые император делил с простыми солдатами¹⁶.

Гордость юных французов за своих героических предков призваны вызывать подобранные цитаты из источников. Для начальных классов годится цитата из прокламации Наполеона солдатам после победы французов при Аустерлице: «Солдаты! Я доволен вами! <...> Армия в 100 000 человек под командованием императоров Австрии и России была рассеяна в течение четырех часов. Когда вы вернетесь во Францию, вам можно будет сказать: «Я был при Аустерлице», чтобы в ответ услышать: «Вот герой!»¹⁷.

русской зиме застать себя врасплох. Возвращение назад было катастрофой: солдаты умирали от холода и голода. Почти все страны Европы объединились против него. После многочисленных поражений Париж был оккупирован. В 1815 г. Наполеон был отправлен в изгнание. Наполеон умер на далеком острове Св. Елены. Двадцать лет спустя, его останки были перевезены в Париж и помещены в Дом инвалидов. Здесь можно увидеть его могилу» (*Belbeoch O. Histoire, géographie, éducation civique. CE. Paris: Belin, 1986*).

¹⁴ *Chaulanges S., Chaulanges M. Premieres images d'histoire de France. Paris: Delagrave, 1958.*

¹⁵ *Ballot M. Nouveau livre d'histoire de France. Paris: Colin, 1967.*

¹⁶ *Bendjebbar A. Histoire de la France. Paris: Hachette, 1986.*

¹⁷ *Benoît M., Charles J.-M. Histoire, géographie: au cycle élémentaire. Paris: Hatier, 1987.* Впрочем, эта же цитата встречается и в курсе для средних классов. «В 1804 Наполеон с помощью папы, как и тысячу лет тому назад Карл Великий, короновался и установил свое господство в Европе, основанное на

Из учебника в учебник кочует образ «великого полководца», «великой армии»¹⁸. Но еще более должен впечатлить юных французов образ «великой империи»¹⁹. Среди причин ее краха иногда упоминается испанская герилья, символизирующая борьбу народа против иностранного владычества²⁰, но главное - позиция Англии и русская кампания 1812 года²¹. При этом в 1980-х гг.

военных успехах: Аустерлиц 1805, Фридланд 1807, Ваграм 1809 <...> Знамениты такие его прокламации солдатам, как при Аустерлице: “Солдаты! Я доволен вами. Армия в 100000 человек под командованием императоров России и Австрии менее чем за четыре часа была либо убита, либо рассеяна. Когда вы вернетесь во Францию, вам можно будет сказать: “Я был при Аустерлице”, чтобы в ответ услышать: “Вот герой!”» (*Grasser J., Colet R., Wadier R. Notre histoire: Cycle moyen. Paris: Hachette, 1981*).

¹⁸ «Армия Наполеона была самой сильной и многочисленной в Европе. Она называлась Великой Армией. Наполеон командовал ей сам» (*Bonifacio A., Maréchal P. Histoire de France. Cours moyen 1ère année. Paris: Hachette, 1964*). «Наполеон располагал многочисленной армией называемой Великой армией. С 1800 по 1815 1600000 французов служили в ее рядах. Сила Наполеона основывалась на быстроте его пехоты, мощи артиллерии, напоре резервной кавалерии и личном таланте» (*Nembrini J.-L., Bordes J., Polivka P. Histoire SM. Paris: Hachette, 1985*).

¹⁹ После Аустерлица «французская армия каждый год брала ту или иную столицу Европы: в 1806 – Берлин, в 1807 – Лиссабон, в 1808 – Мадрид, в 1809 – Вену <...> Европа лежала у ног Наполеона, но оставалась еще Англия, которая царствовала на морях, одержав победу при Трафальгаре. Рим, Женева, Амстердам, Гамбург стали столицами французских департаментов» (*Bendjebbar A. Histoire de la France. Paris: Hachette, 1986*). «Он был одним из самых великих полководцев за всю историю. Царствовал Наполеон с 1804 по 1815, он одержал многочисленные победы. Он разбил австрийцев при Аустерлице, пруссаков при Иене и вошел в Берлин. Он также праздновал победу над австрийцами при Ваграме. В 1810 Великая империя простиралась от Пиренейского полуострова до Рейна, от Атлантики до Рима» (*Bonifacio A., Maréchal P. Histoire de France. Cours moyen 1ère année. Paris: Hachette, 1964*).

²⁰ Впрочем, не во всех случаях: Испанцы, «держа в одной руке крест, а в другой кинжал (что можно расценить и как символ фанатичного и коварного убийцы. – А. Г.), атаковали наших солдат» (*Bendjebbar A. Histoire de la France. Paris: Hachette, 1986*).

²¹ Эта тенденция наблюдается как в учебниках 1960-х, так и 1990-х годов. Исток всех проблем Империи заключался в Англии, которую Наполеон хотел ослабить континентальной блокадой. Для того чтобы помешать другим нациям снабжать англичан товарами, надо было стать хозяином конти-

(вероятно, в виду приближающегося 200-летнего юбилея Французской революции) акцентировался образ Наполеона – преемника и наследника завоеваний Революции: «Наполеон продолжил войны Революции. Англия была его принципиальным противником, но он не мог высадиться на ее территории. Он дрался в Европе против союзников Англии и одержал великие победы: в 1805 при Аустерлице, в 1809 при Ваграме. Но Мир не мог быть заключен потому, что суверены Европы видели в Наполеоне наследника Революции, узурпатора»²². «Франция признала Наполеона за его военный гений, работоспособность и организаторские таланты, но для абсолютистских суверенов Европы он был опасным продолжателем дела Революции. Поощряемые англичанами европейские государства образовали против Франции три коалиции. Наполеон разбил все: под Аустерлицем (1805), Иеной и Фридрихсдорфом, а затем под Ваграмом. Желая ослабить Англию,

---

нента. Так началась «драматическая борьба с испанским народом, поддержанным англичанами». И уже совсем «безумной авантюрой» было отправляться в поход в Россию, где Великая армия потерпела тяжелое поражение (*Ballot M. Nouveau livre d'histoire de France. Paris: Colin, 1967*). «Но оставалось еще победить Англию. Не рискнув высадиться на островах, он тогда решил разрушить ее торговлю: введена континентальная блокада» (*Nembrini J.-L., Bordes J., Polivka P. Histoire CM. Paris: Hachette, 1985*). Наполеон «создал обширную империю в континентальной империи. Однако восстала Испания (1808), а мечта завоевателя о России была оставлена (1812). Англия во главе с коалицией против Республики, а затем против Империи одержала победу при Ватерлоо (1815). Она приговорила Наполеона к изгнанию и навязала французам возвращение на трон фамилии Людовика XVI» (*Bastien L. (sous la dir. de). Histoire, cycle d'approfondissement 2e et 3e année. CM. Une terre, des homes. Paris: Magnard, 1991*). «Наполеоновский период отмечен войнами со всеми странами Европы: Англией, Пруссией, Австрией, Россией. Войска императора одержали великие победы при Аустерлице, а затем при Эйлау. Император тогда установил свою власть над большей частью континента. Но такие страны как Испания не приняли французское господство и восстали: репрессии, чинимые французской армией, были ужасными. Однако русская кампания 1812 отмечает военный провал империи. Наполеон I вынужден был отречься от престола, он умер в 1821 г.» (*Baillat G., Boulmer-Nguyen J., Chevalier J.-P., Chossenot M., Demotier A., Field M., Gerard R., Rouffignac J., Szwarc E., Thibault J. Histoire. Géographie. Education civique. CE 2. Paris: Nathan, 1995*).

²² *Bon F., Lacoste H., Lassere M. Histoire CM. Paris: Belin, 1987.*

он ввел континентальную блокаду (экономическую войну, которая должна была уморить Англию, подорвав ее торговлю). Но европейские державы вновь объединились с Англией и разбили французов при Лейпциге, вторглись во Францию и заняли Париж (1814). Наполеон в течение года был заключенным на о. Эльба»²³.

У всякого величия есть своя цена, своя оборотная сторона. Падцифистски настроенные Шоланжи в своем первом учебнике писали: «Наполеон вел войны почти непрерывно на протяжении более 10 лет. Рекруты надолго покидали свои деревни и многие, к сожалению, никогда не вернулись домой. <...> Какая душераздирающая сцена отъезда рекрутов! Многие молодые люди прятались по лесам, чтобы их не забрали в армию, а жандармерия их искала. Но крестьяне снабжали их продовольствием и вообще всячески помогали беглецам. Ни одна эпоха не была столь мучительной для материнских сердец»²⁴. И в дальнейшем авторы, хотя и менее эмоционально ссылались на тяготы войны²⁵. Иногда авторы даже указывают на противоречивость внешней политики Франции: «Французские армии должны были нести свободу. Но французы часто оккупировали страны, часто грабили их. Император рассматривал себя как абсолютного суверена и пренебрегал свободой народов»²⁶. Свобода имеют абсолютную ценность, Наполеон – относительную, образ

---

²³ Drouet J.P., Drouet M., Martinez Y., Hay R. Histoire. CM 1 - CM 2. Paris: Magnard, 1985.

²⁴ Chaulanges S., Chaulanges M. Premières images d'histoire de France. Paris: Delagrave, 1958.

²⁵ «Французы платили тяжелые налоги. Все молодые французы обязаны были служить в армии» (Bonifacio A., Maréchal P. Histoire de France. Cours moyen 1er année. Paris: Hachette, 1964). «В течение почти 12 лет Франция вела континентальные войны, ибо Наполеон хотел стать хозяином Европы. Со своими солдатами (гренадерами) и Великой Армией он одержал заслуженные победы. Франция страдала от этих многочисленных войн, но Наполеон не останавливался» (Drouet J.P., Drouet M., Martinez Y., Hay R. Histoire. CM 1 - CM 2. Paris: Magnard, 1985). «Европа стонала и Франция также. Вот уже 20 лет как люди покинули свои деревни, 20 лет как они воюют и умирают» (Bendjebbar A. Histoire de la France. Paris: Hachette, 1986). «Войны шли беспрерывно. Чтобы обеспечить «великую армию» Наполеон должен был рекрутировать все больше и больше молодых людей. Многие умерли в сражениях» (Bon F., Lacoste H., Lassere M. Histoire CM. Paris: Belin, 1987).

²⁶ Nembrini J.-L., Bordes J., Polivka P. Histoire CM. Paris: Hachette, 1985.

свободы выше образа императора. Война – это всегда насилие, порождающее взаимную ненависть народов. «Когда в немецких школах учитель спрашивал ученика: «Как ты расцениваешь Наполеона, корсиканца, императора французов?», то ученик отвечал: «Я рассматриваю его как отвратительное существо, как первопричину всего зла и конец всего добра»²⁷.

Помимо прочего ссылаясь на моральную и физическую усталость французов от долгих лет непрерывных войн, на нарастание у европейских народов национально-освободительных настроений, психологически подготавливает учеников к объяснению катастрофы французской армии в России.

Иногда авторы учебников упоминают о кампании 1812 г. вскользь²⁸, мимоходом, но, как правило, все же стараются показать школьникам всю грандиозность и невероятность задуманного императором. Это им помогают с одной стороны, сделать цифры, с другой образ ледяных равнин²⁹. «Наполеон отправился воевать с Россией. Он вступил в Москву, находящуюся за 2500 км от Парижа. Но город загорелся, его нужно было оставить. Началась зима, шел снег. Мало пищи, мало фуража для лошадей; умирали от холода и голода. Нашим колоннам не давали покоя казаки. Какое ужасное отступление: 400 000 убитых и раненых, 100000 пленных!»³⁰. «В 1812 Наполеон направился в Россию, он занял Москву, что в 2700 км от Парижа. Но его отступление зимой стало чудо-

---

²⁷ Bendjebbar A. Histoire de la France. Paris: Hachette, 1986.

²⁸ «Затем в 1812 Наполеон начал войну с Россией, Он вступил в Москву. Но вскоре должен был отдать приказ отступать. В 1814 Франция была оккупирована. В 1815 Наполеон потерпел в Бельгии при Ватерлоо окончательное поражение» (Bonifacio A., Maréchal P. Histoire de France. Cours moyen 1ère année. Paris: Hachette, 1964).

²⁹ После взятия Москвы армия была вынуждена отступать с боями через «обширные снежные равнины». Более 500000 солдат умерло «от холода и болезней» (Ballot M. Nouveau livre d'histoire de France. Paris: Colin, 1967). «В ходе одной из войн Великая Армия была вынуждена вернуться во Францию из ледяных равнин России. Отступление из России стало смертью для тысяч солдат. Наполеон был окончательно побежден. Он закончил свою жизнь заключенным на о. Святой Елены» (Drouet J.P., Drouet M., Martinez Y., Hay R. Histoire. CM 1 - CM 2. Paris: Magnard, 1985).

³⁰ Chaulanges S., Chaulanges M. Premières images d'histoire de France. Paris: Delagrave, 1958.

вищной катастрофой. Побежденная страна извлекла пользу из этой ситуации. За два года Наполеон был разбит»³¹. «В 1812 Наполеон захотел подчинить русского царя, но потерпел крах: из 750000 человек, брошенных на огромные просторы России, 450000 исчезли. Это был сигнал для общего восстания Европы. Франция была побеждена, Париж в 1814 оккупирован»³². «Наполеон не отступает, он идет на Россию. “А, где эта Россия?” - спрашивали французские генералы, рассматривая свои карты Европы. “Там, дальше!” - отвечали им. Наконец французы вступили в оставленную жителями Москву <...> Москва загорелась <...> Русские подожгли Москву, чтобы Наполеон остался хозяином только кучи пепла. Оставалось только отступить. Но отступить далеко, лошади вымерли, а русские непрерывно атакуют. Наступили ужасные холода. 5 ноября было еще минус 10 по Цельсию, а 29 ноября – уже минус 30. Россия стала могилой для 500000 солдат»³³. «В 1812 он напал на Россию и вошел в Москву. Пожар разрушил город, и в условиях зимы французская армия должна была отступить. Отступление из России было ужасным»³⁴.

«Ужас», «катастрофа», «могила», «крах», «кучи пепла»... Иногда для усиления эффекта привлекают классиков литературы. Так, для описания отступления французов из России используется отрывок из Гюго³⁵. И комментарии собственно самих авторов: «Диктатор в 30 лет, Наполеон стал императором в 35. Он мечтал реорганизовать Францию и завоевать Европу, чтобы распростра-

---

³¹ Grasser J., Colet R., Wadier R. Notre histoire: Cycle moyen. Paris: Hachette, 1981.

³² Nembrini J.-L., Bordes J., Polivka P. Histoire CM. Paris: Hachette, 1985.

³³ Bendjebbar A. Histoire de la France. Paris: Hachette, 1986.

³⁴ Bon F., Lacoste H., Lassere M. Histoire CM. Paris: Belin, 1987.

³⁵ «Идет снег. Наполеон был побежден завоеванной страной. В первый раз орел ранен в голову. Печальные дни! Наполеон медленно возвращается, оставив позади дымящуюся Москву. Идет снег. Суровая зима намела кучи снега. На белой равнине не видно больше ни командующего, ни знамени вчера еще великой армии, а сегодня просто толпы. Нет более ни флангов, ни центра. Идет снег. Раненые прячутся в утробах павших лошадей: этот унылый бивуак их единственное укрытие. Видно замерзших на своем посту горнистов: <...> белый иней намертво приклеив их губы к медным трубам. Ядра, картечь, шрапнель, – смешались с хлопьями снега...» (Bon F., Lacoste H., Lassere M. Histoire CM. Paris: Belin, 1987).

нить в ней принципы Революции: свободу, равенство, порядок. Его аппетит завоевателя спровоцировал образование против него коалиции. Военный гений позволил ему одержать оглушительные победы (при Аустерлице) и дойти до Москвы (1812). Но «генерал зима» лишил сил великую армию»³⁶.

Это был переломный момент. Последующие события 1813-1815 гг. авторы учебников излагают скупо: как будто итак все понятно³⁷.

Используемый иллюстративный ряд отражает величие событий и людей: сцены коронации, сцены баталий (Аустерлиц, Эйлау, Ваграм), Наполеон (беседует с солдатами, ужинает, осматривает раненых). Отдельная тема – иллюстрации к походу в Россию. Московский пожар, переправа через Березину, разнообразные изображения замерзающей (и отступающей) армии. Венчает этот иллюстративный ряд прощание Наполеона с гвардией в Фонтенбло.

Образ Наполеона не полководца, а человека и государственного реформатора до поры до времени еле просматривается за штандартами и пороховым дымом. Это может быть вскользь брошенное замечание при описании завоевания Европы³⁸ или общие указания на «модернизацию» страны³⁹. Иногда подчеркиваются его личные качества: «Он окружил себя двором столь же

---

³⁶ *Bon F., Lacoste H., Lassere M. Histoire CM. Paris: Belin, 1987.*

³⁷ Все короли Европы вновь поднялись против Наполеона. Победив в битве при Лейпциге, они вторглись во Францию. Наполеон в Фонтенбло отрекся от трона. Он сослан на о. Эльба в то время как Людовик XVIII при поддержке «трех иностранных королей» восстановил монархию (1814) (см.: *Ballot M. Nouveau livre d'histoire de France. Paris: Colin, 1967*). Наполеон «говорил только о реванше». Тогда Англия, Россия, Австрия и Пруссия создали союз, чтобы этот человек не смог больше торжествовать победу. В апреле 1814 г. русские вошли в Париж, и «стук копыт украинских лошадей разносился по Елисейским полям». Наполеон отправлен на Эльбу, «он вернулся к точке отсчета» (*Bendjebbar A. Histoire de la France. Paris: Hachette, 1986*).

³⁸ «Всюду установлены французские законы...» (*Bendjebbar A. Histoire de la France. Paris: Hachette, 1986*).

³⁹ Может быть названа и только одна реформа: «Наполеон модернизирует Францию. Создаются лицеи» (*Combes J. Histoire. Géographie. Education civique. CE 1. Paris: F. Nathan, 1987*). Так школьники, как бы попутно, узнают, что лицеи, в которых многим из них предстоит учиться, придуманы великим и прославленным человеком.

блистательным, что и у королей, раздавая титулы принцев, герцогов, или графов членам своей семьи или же самым прославленным своим генералам. Он женился на австрийской принцессе Марии-Луизе, от которой у него в 1811 родился сын. Наполеон мог надеяться передать корону этому ребенку, которого он сделал королем Рима. Наполеон I хотел видеть Францию хорошо организованной и процветающей. Он хотел везде навести порядок»⁴⁰. «Наполеон – прежде всего солдат, алчный до военной славы, во времена его царствования в Париж украсился монументами, которые были посвящены его победам: триумфальными арками, мостами, колонами. Наполеон доверился одному из своих министров: “Я постоянно работаю, я много размышляю. <...> Я предвижу, что может произойти. Я работаю и ужиная, и в театре. Ночь пробуждает меня работе”»⁴¹. Обращается внимание на авторитарный характер власти императора (будущим республиканцам-борцам с тоталитаризмом это необходимо знать), тем больше юные французы должны ценить нынешние свободы. «Наполеон I управлял один. “Власть ведет наверх, доверие в сторону”, - говорил он. Газеты были поставлены под контроль, полиция была повсюду. Все дети учили императорский катехизис: «Мы должны проявлять в отношении нашего императора Наполеона I любовь, уважение, преданность, верность, готовность служить в армии»⁴². «Но хозяин Франции желал властвовать и над умами. Полиция повсюду имела своих агентов. Оппозиционеры были депортированы или расстреляны»⁴³. «Но остается очень мало свобод, завоеванных в 1789. Полиция помещает протестующих под арест. Закрыты почти все газеты. Авторитарный и амбициозный Наполеон правил как абсолютный монарх»⁴⁴.

Но образ Наполеона-реформатора формируется главным образом в отдельных обобщающих параграфах по истории Революции и Империи (там, где они есть). Когда подводятся итоги эпо-

---

⁴⁰ *Ballot M.* Nouveau livre d'histoire de France. Paris: Colin, 1967.

⁴¹ *Bon F., Lacoste H., Lassere M.* Histoire CM. Paris: Belin, 1987.

⁴² *Nembrini J.-L., Bordes J., Polivka P.* Histoire CM. Paris: Hachette, 1985.

⁴³ *Bendjebbar A.* Histoire de la France. Paris: Hachette, 1986.

⁴⁴ *Ballot M.* Nouveau livre d'histoire de France. Paris: Colin, 1967.

хи, выясняется, что современная Франция (да и Европа тоже!) многим обязаны этому человеку.

Авторы учебников используют практически один и тот же перечень реформ, но с различными акцентами и нюансами. «Он назначал префектов, су-префектов и мэров во главе департаментов, округов и коммун. Все должны были его слушаться. Он составил <...> Кодекс Наполеона (свод правил и законов). Он создал Банк Франции: его казначейские билеты заменили ассигнаты. Он заключил соглашение с папой – Конкордат – по условиям которого, сам назначал священников. Катехизис предписывал детям Франции послушание Наполеону как их религиозный долг. Чтобы поощрить отличившихся своими военными или гражданскими заслугами он в 1802 ввел Почетный легион. <...> Он поощрял развитие промышленности и новых культур в области сельского хозяйства (картошки, табака, сахарной свеклы)»⁴⁵. Учебник под общей редакцией Л. Бастейна оценивает совместный вклад Революции и империи в модернизацию Франции. Из реформ Наполеона обращается внимание, в частности, на создание Банка Франции, введение Гражданского кодекса (по которому, кстати, сообщается ученикам, что «основа общества – это семья», а «глава семьи – отец»), введение системы префектов и су-префектов – «представителей государства», наблюдающих за исполнением законов (а исполнять их, дети, надо!). С сожалением старого профсоюзного работника отмечается, что «корпорации регламентирующие труд и наем на работу были упразднены, как и само право трудящихся на ассоциации. Рабочие оставались изолированными и беззащитными. Более того, они должны были представлять от своего хозяина специальные удостоверения, свидетельствующие об их хорошем поведении»⁴⁶ (а, поведение, дети, должно быть хорошее!). Чуть более расширенный перечень исторических заслуг императора дается в учебнике Ж.-Л. Нембрини: «Наполеон модернизировал Францию; он создал систему департаментских префектов, банк Франции, франк, государственные

---

⁴⁵ *Ballot M.* Nouveau livre d'histoire de France. Paris: Colin, 1967.

⁴⁶ *Bastien L.* (sous la dir. de). Histoire, cycle d'approfondissement 2e et 3e année. CM. Une terre, des homes. Paris: Magnard, 1991.

лицей, Гражданский кодекс, Почетный легион и кадастр»⁴⁷. Другой учебник с участием того же автора вписывает фигуру Наполеона в долговременную историческую перспективу, представляет его как продолжателя дела Революции и одновременно указывает юным французам основные точки системы ценностных координат (уважение к закону и почитание родительского авторитета): «Император завершил объединение Франции. В каждом департаменте государство представлял префект. Гражданский кодекс зафиксировал правила, которые все французы должны были уважать. В семье он закрепил власть отца как ее главы: жена и дети должны были быть ему всецело обязаны. Здесь закреплены все великие реформы Революции: отмена привилегий, гражданский брак и т. д. Были открыты лицеи. Здесь могли учиться только дети буржуа и дворян; им здесь было предназначено стать верными слугами государства. Буржуазия и все собственники извлекали пользу из наполеоновского порядка. Они сохранили приобретенные ими в годы Революции земли дворян и церкви. Кадастр, который начал составляться, устанавливал границы каждого землевладения. Твердая монета – франк и создание Банка Франции способствовали предпринимательству. С наступлением Империи буржуазия становилась все более и более мощной: в стране доминировали банкиры и деловые люди»⁴⁸.

Тот же список важнейших реформ, но с акцентом на личный вклад императора и аллюзией на уроки природоведения мы находим у А. Бенджеббара: «Наполеон Бонапарт беспрестанно публиковал новые регламенты и новые законы. <...> В каждый департамент он назначил префектов, чтобы управлять администрацией. Он основал Банк Франции, реформировал налоги, отчеканил франк в пять грамм серебра. Он организовал лицеи и создал в 1802 Почетный легион». Детям разъясняется значение Почетного легиона: теперь отмеченные храбростью или трудолюбием солдаты и государственные функционеры могли получить вознаграждение за свои заслуги перед государством. «Наполеон Бонапарт покровительствовал индустрии и ученым. Он основал Консерваторию наук и ремесел, в которой теснились новые

---

⁴⁷ См.: *Nembrini J.-L. L'Histoire*. Paris: Hachette, 1995.

⁴⁸ *Nembrini J.-L., Bordes J., Polivka P. Histoire CM*. Paris: Hachette, 1985.

машины. Изобретатели демонстрировали ему свои достижения: паровой двигатель, газовое освещение, электрическую пилу. Музей естественной истории наполнился леопардами, ибисами, альбатросами, пингвинами. Метр и килограмм окончательно заменили локоть и сетье⁴⁹ – старинные меры прежней Франции»⁵⁰.

«С 1799 по 1815 над всей историей Франции и даже Европы возвышалась могущественная персона Наполеона Бонапарта сначала как главы правительства, затем как императора. Большая часть созданных им институтов и сегодня существует в нашей стране. Наполеон не только сохранил принятое в годы Революции деление Франции на департаменты, округа и коммуны, но и поставил во главе их префектов, су-префектов и мэров. Наполеон восстановил финансы. Он создал корпус назначаемых им специальных функционеров для взимания налогов и Банк Франции, который выпустил новые казначейские билеты, чтобы заменить ассигнаты (франк заменил собой ливр). Что касается юриспруденции, то в кантонах появились мировые судьи, заработал апелляционный суд, а все законы объединены в кодекс, получивший название Гражданский кодекс (один и тот же для всей Франции)»⁵¹.

Сто дней и Вторая реставрация вызвали у французских авторов школьных учебников середины 1980-х гг. прямо-таки философическое настроение. В наиболее краткой форме события изложены следующим образом: «Наполеон в течение года был заключенным на о. Эльба. Вернувшись во Францию, он вынудил Людовика XVIII бежать. Тогда новая коалиция образовалась против Франции, и Наполеон I был снова разбит при Ватерлоо (1815). Его возвращение длилось только 100 дней»⁵². Но уже чуть более развернутый вариант изложения заставляет Бенджеббара закончить такой «недетской» сентенцией: «В марте 1815 Наполеон снова вернулся и говорил только

---

⁴⁹ Сетье – старинная мера жидкостей (150–300 литров), сыпучих тел (8 пинт), площади.

⁵⁰ Bendjebbar A. Histoire de la France. Paris: Hachette, 1986.

⁵¹ Drouet J.P., Drouet M., Martinez Y., Hay R. Histoire. CM 1 - CM 2. Paris: Magnard, 1985.

⁵² Drouet J.P., Drouet M., Martinez Y., Hay R. Histoire. CM 1 - CM 2. Paris: Magnard, 1985.

о войне. Он направился к Брюсселю со своими старыми солдатами, которые любили его как отца. Но там его поджидали хорошо укрепившиеся враги. При Ватерлоо 15 июня 1815 английская шрапнель сокрушила героических французских солдат. Наполеон I взят в плен англичанами и вскоре отправлен на остров Святой Елены посредине Атлантики, чтобы французы его забыли, как забывают потерпевших кораблекрушение. Тогда Людовик XVIII, брат свергнутого Людовика XVI, вновь взошел на трон Франции. Говорят, что все возобновляется»⁵³. Здесь сквозь текст просматривается призыв к юным французам не забывать, хранить в памяти и в сердце образ «отца солдат», поверженного коварными англичанами. Не менее философские рассуждения навеивает изложение событий в версии Намбрини и К. Конечно, Франция побита, но не в честном бою один на один, а проанглийской «группировкой». И нечего страшного, ибо в конечном итоге побеждают не армии, а принципы. Французские же «принципы 1789 года» как раз и победили во всей Европе⁵⁴.

...Казалось бы, образ наполеоновской империи как сплава героизма французского народа и удивительной мудрости его вождя вечен и непоколебим. Но мамелюки, кажется, берут реванш. С лета 2010 года во Франции развернулась дискуссия, в которую были втянуты, естественно, и политики, вокруг содержания школьного курса истории. Одно из первых мест в этой дискуссии занял как раз вопрос о Наполеоне и его Империи. Еще в августе 2008 г. в официальном бюллетене министерства образования Франции была опубликована программа по истории для шестого-третьего классов школы⁵⁵. Положения ее вступают в силу поэтапно: для шестого класса – в 2009–

---

⁵³ Bendjebbar A. Histoire de la France. Paris: Hachette, 1986.

⁵⁴ Дословно же это выглядит так: «Отправленный в изгнание на о. Эльба император вернулся во Францию в 1815: это были “Сто дней”. Он пытался сохранить империю, но в июне 1815 при Ватерлоо проиграл свою последнюю битву врагам, сгруппировавшимся вокруг Англии. Франция была побеждена, но реставрированная монархия не могла игнорировать принципы 1789 года, которые завоевали Европу» (Nembrini J.-L., Bordes J., Polivka P. Histoire CM. Paris: Hachette, 1985).

⁵⁵ Programme d'enseignement d'histoire-géographie-éducation civique pour les classes de sixième, de cinquième, de quatrième et de troisième du collège. См.: URL: <http://www.education.gouv.fr/cid22116/mene0817481a.html> (дата обращения: 21.09.2010).

2010, для пятого – в 2010–2011, для четвертого – 2011–2012, для третьего – в 2012–2013. 1 июля 2010 г. Эрик Брюне опубликовал в своем блоге⁵⁶ заметку историка Димитри Казали, «автора тридцати работ», «Наполеон, выкинутый из школьных учебников». Дело в том, что прочтение 116 страниц последней официальной инструкции по составлению программ школьных учебников по истории (такие инструкции издаются ежегодно) вызвало у Казали чувство сюрреальности и печали. Историк скорбит, что Франциск I, Генрих IV, Людовик XIV и Наполеон уступили место на страницах учебниках описанию африканских цивилизаций. Новая программа отводит 3 часа только на изучение одной работорговли, в то время как на изучение всей Революции и Империи вместе взятых отводится 8 часов (ранее отводилось 12). Д. Казали кажется абсурдным, что программа предписывает школьникам освоить только пять дидактических единиц, три из которых полностью игнорируют период Империи: «Новации в политической жизни», «Народ в Революции», «Революция и женщины», «Революция, Империя и религия», «Великие люди Революции и империи». Д. Казали восклицает: «Кажется, что нить нашей национальной памяти – от Вальми до Ватерлоо, через Аустерлиц – будет, начиная с 2011 г., оборвана молчанием!» «Наполеон как император из программы фактически исключен. Наполеон Бонапарт как Первый консул французской республики в программе присутствует, это период с 1799 по 1804 год. Изучаются в основном его достижения в области создания гражданских институтов, например Гражданский кодекс Наполеона. Но исключен весь период, благодаря которому Франция прославилась во всем мире, ведь Наполеон был самым великим стратегом всех времен и народов. Наполеон выиграл больше битв, чем Александр Македонский, Цезарь и Ганнибал вместе взятые. Он выиграл больше 40 битв подряд. Нет ни одного слова о битвах под Аустерлицем, при Йене, под Фридландом, при Ваграме, Бородинском сражении. Все великие победы замалчивают, чтобы никак не задеть никого, чтобы угодить интересам некоторых слоев населения. <...> В учебниках для пятого класса, около 19-20 страниц посвящены африканской империи Мономота-

---

⁵⁶ См.: URL: <http://www.ericbrunet.fr/?p=179> (дата обращения: 21.09.2010).

па⁵⁷. А Людовику XIV посвящено всего 5–6 страниц. Я с этим не согласен»⁵⁸. Ситуацию в которой Людовик XIV вообще рискует быть полностью «забытым» Д. Казали называет настоящей «деконструкцией истории» Франции, подчеркивая при этом, что «народ забывший свою историю – потерянный народ».

16 июля 2010 г. на сайте новостей «24 часа» появилась заметка «Скандал: Наполеон выкинут из учебников истории»⁵⁹. В заметке повторяются сетования Д. Казали на то, что в целях «открыть программы по истории для других мировых цивилизаций» фигуры Франциска I, Генриха IV, Людовика XIV и Наполеона заменяются «элементами контекстуального понимания». 4 августа на сайте петиций-онлайн созданная в сети Facebook инициативная группа «Наша история – наше будущее» разместила обращение к министру образования Франции, собравшее более 8000 подписей «В поддержку Людовика XIV и Наполеона в программах по истории в колледжах».

И вот уже 29 августа 2010 г. Жан-Мари Ле Пен в своем выступлении перед молодежью Национального фронта утверждает, что: «школьная система позволяет украсть у молодежи их культуру и их историю», брошенную и оставленную «в пользу таких далеких цивилизаций, как африканская Мономотапа».

10 сентября 2010 г. на том же сайте появилась новая заметка Д. Казали, который⁶⁰ вынужден оправдываться: он де – убежденный республиканец, антирасист и автор монографии «Великие эмигранты, которые сотворили Францию» (2007). Но он по-прежнему настроен решительно: отказ он «некоторых великих персонажей истории Франции» – акт «почти суицидальный». Задвижка царствования Людовика XIV – наиболее знаменитого из

---

⁵⁷ Мономотапа или Монопотапа (правильнее – Мвене Мутапа) – государственное образование народов банту (нач. II тыс. н. э. – кон. XVII в. н. э.), занимавшее территорию современного Зимбабве и отчасти Мозамбика.

⁵⁸ Алисова Е. Битва Наполеона и Людовика XIV за место в учебниках («Radio France Internationale», Франция. URL: <http://rus.ruvr.ru/2010/09/07/19092930.html>; дата обращения: 21.09.2010).

⁵⁹ URL: <http://24heuresactu.com/blog/2010/07/16/scandale-napoleon-vire-des-manuels-dhistoire/> (дата обращения: 21.09.2010).

⁶⁰ См.: URL: <http://www.ericbrunet.fr/?p=248> (дата обращения: 21.09.2010).

наших королей – в конце программы, охватывающей историю мира более чем за тысячелетний период, делает весьма вероятным, что этот король никогда не будет изучен двенадцатилетними французами: во-первых, в конце июня в классах уже почти никого нет, а, во-вторых, учителя успевают пройти только 70–80% программы. Таким образом, из коллективной памяти рискуют исчезнуть Мольер, Корнейль, Расин, Вобан, Лафонтен, Боссюэ, Фенелон и др., «поглощенные навеки в подземных казематах забвения Истории». «Такое ощущение, что министр образования испытывает стыд за то, что учеников обучают тому, что составляет славу Франции и чему завидует весь мир». Понятно, что это делается в целях социальной адаптации нового поколения эмигрантов, но ведь именно история формирует гражданственность. Д. Казали утверждает: «история не белая и не черная: она общая, полная кровавого пота и слез, но также полная храбрости, отваги и проявлений чистого гения». «Именно история учит нас гражданственности, уважению к законам, авторитетности Государства, моральным ценностям, старательности и напряжению сил, силе воли, верности данному слову, почитанию предков, понятию чести». Впрочем, сегодня во французских колледжах история имеет право только на 45 минут в неделю, в то время как в соседних странах – от 2 до 3 часов. «Вот уже около тридцати лет как мы позволили Национальному фронту фактически приватизировать общие национальные символы, от триколора до Жанны д'Арк. Уже невозможно стало поднять трехцветный флаг, чтобы не быть заподозренным в симпатиях к экстремистам. Весь мир знает «Марсельезу» как гимн свободного народа, а сами французы ищут в ее тексте исторические несоответствия и противоречия. Французы словно забыли, что общая культура – основа совместной жизни, что хорошее знание истории – гарантия успешной интеграции, ибо это история дает понимание механизмов функционирования нашего общества», – пишет автор.

Казали выступает против такого положения, когда в учебниках 20 страниц отводится на африканские империи, против 12 страниц – на период правления короля-солнца: «Людовик XIV – да! Мономотапа – нет!» Дискуссия в сети Facebook продолжилась.

Сам ее ход⁶¹ показывает, что в общем-то никто и не планировал отказаться от услуг Революции⁶² или Империи в обучении детей. Оправдывающаяся сторона в лице Лорана Вирта лишь констатирует, в каких разделах программы речь идет (или может идти) о Наполеоне: «Среди основных изучаемых периодов фигурирует «Консулат и империя: 1799–1815. Наполеон-император Франции». В следующей теме «Формирование новой Франции во время революции и империи» написано следующее: политические, экономические, социальные и культурные основы, и, само собой разумеется, среди всего этого – Гражданский кодекс и остальные реформы Наполеона. И среди тем, которые даются на выбор, либо тема «Революция, империя и религия. Конкордат Наполеона». Либо «Революция, империя и война», так что если преподаватели захотят рассказать о битве под Аустерлицем, при Ватерлоо или о русской кампании Наполеона, то им ничто не мешает»⁶³. Итак – факультативно... Конечно, взаимное лукавство.

---

⁶¹ Аналогичная дискуссия относительно содержания и значения исторического образования в средней школе в свое время прошла в Канаде, в Квебеке. Начало ей положила статья 2006 г. Феликса Бувье и Лорен Ламонтань «Когда история сделалась полезной пропаганде». Статья эта породила многочисленные отклики не только среди публики, но и среди специалистов. Дискуссию подхлестнула полемическая статья Мишель Дагене и Кристианы Лавиль «Крушение проекта «национальной» программы истории». Отклики см.: *Bouvier F. Retour sur le projet de programme d'histoire «nationale» et son education à la citoyenneté // Revue d'histoire de l'Amérique française. 2007. V. 60. № 2.*

⁶² Образовательные программы вообще довольно лаконичны. Так указания программы 1980-х гг. сводились в изучении Французской революции к следующему: «События и принципы 1789 года, основные фазы Революции и утверждение Республики» (Цит. по: *Baldner J.-M., Feuillet J.-P. A l'école primaire // Manuels scolaires et Révolution française. Colloque de Créteil, 7 juin 1989. Val de Marne. 1989).*

⁶³ *Алисова Е.* Указ соч.

УДК 94 (470.4) «18»

**МЕХАНИЗМЫ КОНТРОЛЯ
ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ГУБЕРНАТОРОВ В РОССИИ
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА**

А.Н. Бикташева

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
кафедра отечественной истории
E-mail: biktashi@mail.ru

Статья посвящена изучению коммуникативных возможностей надзорных органов власти за деятельностью местной администрации. В ней рассматривается правовая основа сенаторских ревизий первой четверти XIX в., вскрывается механизм увольнения российских губернаторов, по результатам проверок Сената.

Ключевые слова: Российская империя, губернатор, сенатская ревизия.

**MECHANISMS OF CONTROL
OF GOVERNORS' WORK IN RUSSIA IN
THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY**

A.N. Biktasheva

The article is devoted to the study of communicative possibilities of government bodies supervising the activities of local authorities. The article considers the legal principles of the Senate inspections of the first half of the XIX century, reveals the mechanism of dismissal from office of Russian governors following the Senate inspection.

Key words: Russian Empire, governor, Senate inspection.

Если назначение губернаторов определялось столичной конъюнктурой, то процесс отрешения их от должности зависел от местных обстоятельств. Механизм увольнения губернаторов вы-

рабатывался в контексте институциональных реформ XVIII века. Судя по законодательным текстам, инициировать запуск механизма смены губернаторов могли жалобы и доносы представителей губернской бюрократии, местного дворянства, поданные через рекетмейстеров в Сенат и напрямую обращенные на «Высочайшее имя». Становление министерской системы способствовало регламентации процедуры подачи жалоб «с мест». Для проверки указанных в них «беспорядков и злоупотреблений» назначались сенаторские ревизии. Их деятельность и последующее судопроизводство растягивались на несколько лет, стимулируя порождение новых следственных дел. Образованный в результате этого накопления делопроизводственный нарратив аккумулировал информацию о разных сторонах и обстоятельствах административной жизни в губернии, раскрывал условия службы конкретного губернатора. Таким образом, приоритет относительно данных о стиле и объеме власти начальников губернии следует признать за ведомственным делопроизводством силовых министерств и Сената. Но даже по этим текстам выявить весь комплекс причин, а также латентную мотивацию участников дела об отстранении губернатора от должности очень непросто. Такие дела завершались сенатскими указами с шаблонными формулировками: «за злоупотребления и беспорядки»; «за превышение власти»; «за слабость в образе отправления своей должности». Что означали эти клише? Поиск ответов привел к выявлению управленческих практик, к изучению соотношения институционального и неформального ресурсов власти губернатора.

Как у любого чиновника, карьера начальника губернии завершалась официальным отрешением от должности. Формально его служба временных пределов не имела, так как он пребывал в генеральском чине. Увольнение совершалось именем государя по представлению министра внутренних дел. Следствием этого верховного акта могло стать дальнейшее повышение по службе, перевод в другую губернию, отдача под суд, отрешение от занимаемой должности без права продолжения службы. Отставка могла произойти и по собственному желанию: по состоянию здоровья, по семейным обстоятельствам, «в следствие преклонности лет».

Процедура увольнения проходила следующие стадии: по представлению министра внутренних дел император именным указом выносил решение об утверждении в Сенат. Затем появлялся указ «из Правительствующего Сената» на имя министра внутренних дел об увольнении главы губернии. Тексты подобных указов декларировали «Высочайшее соизволение», «Всемилютейшее повеление» без каких-либо личностных акцентов или пояснений. Коллекция делопроизводственных дел, отложившаяся в архиве Министерства внутренних дел под общим названием «Об определении и увольнении губернаторов»¹, содержит более полную информацию персонального характера. Эти документы позволяют расширить представление о реальных причинах увольнения отдельных губернаторов, судить о практикуемых способах отставки.

Так, увольнение вятского гражданского губернатора Павла Степановича Рунича в 1804 г. произошло по его собственному прошению. «Обремененный многочисленным семейством и по причине старости, а главное бедственным положением по причине долгов», он обратился к министру внутренних дел с просьбой уволить его с занимаемой губернаторской должности. В документе указана и более прозаическая причина желаемой отставки: «...не имея никакого имения, ни доходов, кроме жалования... не могу содержать себя с моим семейством в звании губернаторском, не входя время от времени в большие и большие долги <...> в таком расстроенном состоянии я никак не в силах нести тягостей, с губернаторским званием сопряженных»².

В подобных обращениях часто обыгрывался срок выслуги. Рунич, напоминая о сорокатрехлетней службе, просил увольнения с переводом в Петербург на любую должность соответственно чину. Он желал дать своим детям хорошее образование, «ибо такая возможность терялась в вятской глуши». Семейные обстоятельства были основой официальной мотивировки и при увольнении таврического гражданского губернатора Григория Петровича Милорадовича, имевшего «5-х мальчиков и 4-х девиц в семействе»³.

---

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 13, 87, 117, 178, 236, 256.

² Там же. Д. 256. Л. 54–55.

³ Там же. Л. 79–80.

По болезни, «не в силах продолжать службу петербургского гражданского губернатора», просил об отставке тридцативосьмилетний Сергей Сергеевич Кушников⁴. С мольбой обращался к императору и Владимир Юрьевич Соймонов: «Всемилоостливый государь! Снова возобновились болезненные припадки, доводившие уже меня в Казани до дверей гроба. Между тем возросли и долги мои по случаю двухлетней отлучки из Москвы <...>. Умоляю о увольнении меня на год от всех обязанностей по службе»⁵. По-иному оборвалась карьера волынского гражданского губернатора Гавриила Степановича Решетова. В рапорте на имя императора генерал-губернатор сообщил, что его подчиненный «слабо исполняет возложенную на него обязанность» и не проявляет к нему должного уважения⁶. Разрешая сложившийся межличностный конфликт, Александр I уволил Решетова, сохранив размер его жалованья «в пенсион по смерти». Смещения губернаторов по их прошению, «по домашним обстоятельствам», по состоянию здоровья часто являлись делопроизводственной формальностью, за которой скрывались иные причины.

В первой половине XIX в. в Казанской губернии управляли семнадцать губернаторов⁷. А.А. Аплечеев, Б.А. Мансуров, О.Ф. Розен, И.Г. Жеванов ушли по причине смерти; А.Я. Жмакин был переведен в Симбирскую губернию; А.К. Пирх уволен по болезни; Е.П. Толстой (замещал И.А. Боратынского) получил назначение в Калужскую губернию. Из оставшихся десяти шестеро губернаторствовали в первой четверти века, четверо – во второй. В отмене крепостного права участвовал Петр Федорович Козлянинов. Примечательно, что все казанские губернаторы Александровской эпохи были уволены судебным порядком, гласным решением первого департамента Сената – это П.П. Пуцин, А.И. Муханов, Н.И. Кацарев, Ф.П. Гурьев, И.А. Толстой. П.А. Нилов ушел в отставку по решению Комитета министров. А вот военные губернаторы николаевского времени – С.С. Стрекалов, С.П. Шипов, И.А. Боратынский были по-

---

⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 117. Л. 75.

⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 395. Ед. хр. 123. Л. 112.

⁶ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 117. Л. 59.

⁷ См.: Губернии Российской империи. История и руководители, 1708–1917. М., 2003. С. 120–121.

вышены по службе с дальнейшим пребыванием в Сенате. Отставка П.Ф. Козлянинова «согласно прошению» была организована при Александре II. Такова формальная сторона губернаторских увольнений. Выявленная статистика Казанской губернии в целом соответствует общероссийским показателям⁸.

Правовой механизм увольнения губернаторов в российском законодательстве не был проработан в деталях. В «Наказе губернаторам» от 3 июня 1837 г.⁹ систематизирован накопленный опыт губернаторских отставок, изъятый из текстов предыдущих нормативных актов: оговаривались причины, по которым губернатор должен привлекаться к ответственности, перечислялись виды наказаний. Ст. 324 состояла из перечня пятнадцати случаев, когда «гражданские губернаторы подвергались ответственности пред высшим правительством». Основными являлись: «неисполнение и неточное исполнение Высочайших повелений, указов Правительствующего Сената, министерств...», по результатам ревизий сенаторов – взыскания за причастие к лихоимству, «превышение и бездействие власти», «злоупотребление вверенной власти», допущение «важных беспорядков», «произвольное вмешательство» в следственные дела и т. д. В ст. 325 перечислялись виды наказаний, которым подвергались губернаторы: «замечаниям, выговорам или иным изысканиям, или же суду и удалению от должностей, не иначе, как по ясному доказательству вины, и по Высочайшему повелениям, исходящих непосредственно от Государя императора, или вследствие представлений по установленному порядку, от Правительствующего Сената, Министерств, главных в губерниях начальств, сенаторов, ревизовавших губернию и других уполномоченных сею от высшего правительства лиц». К «иным изысканиям» И.А. Блинов относит денежные штрафы, секвестр на имущество и «опубликование», т. е. предание суду общественного

---

⁸ См.: *Киселев И.Н., Мироненко С.В.* О чем рассказали формулярные списки // *Число и мысль.* М., 1986. Вып. 9. С. 6–31; *Морякова О.В.* Провинциальное чиновничество в России второй четверти XIX века: социальный портрет, быт и нравы // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История.* 1993. № 6. С. 11–22; *Шумилов М.М.* Местное управление и центральная власть в России в 50-х – нач. 80-х гг. XIX в. М., 1991.

⁹ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е: В 30 т. СПб., 1830–1884. № 10303 (далее – ПСЗ-2).

мнения¹⁰. Законодательный текст по изучаемому вопросу формировался как прецедентное право. «Наказ» описывал лишь общие контуры механизма отрешения губернаторов от власти, отсылая к процессуальным нормативным актам уголовного и административного содержания. Вместе с тем, в нем было прописано посредничество учреждений и официальных лиц, имевших непосредственное отношение к увольнениям губернаторов. Это Сенат, Комитет министров, генерал-губернаторы, сенаторы-ревизоры, личные порученцы императора. Очевидно, что за формулировкой «уполномоченные от высшего правительства» подразумевались жандармские офицеры, негласный надзор которых законодателем не афишировался. Как правило, расследование административных преступлений по должности завершалось либо уголовной, либо дисциплинарной ответственностью.

В законодательстве не проводилось строгого разграничения между дисциплинарной провинностью и преступным деянием губернаторов. С 1816 г. инициатива наложения выговоров, замечаний, штрафных санкций на начальников губерний стала исходить «единственно от лиц министров и за их подписанием, извещая каждый раз о сем Комитет министров для сведения. А министру юстиции доводить равным образом до сведения Комитета, когда подобные замечания или выговоры будут деланы от Правительствующего Сената»¹¹. Теперь право наложения дисциплинарных наказаний на губернаторов от Сената перешло к Комитету министров, т. е. к их непосредственному начальству. В исполнение все это приводилось только с «Высочайшего соизволения». При Николае I власть Сената по «опубликованию» губернаторов продолжала суживаться. В 1827 г. по поводу выговора саратовскому гражданскому губернатору Голицыну император отреагировал резолюцией: «впредь Сенату никаких выговоров губернаторам не объявлять, иначе, как представляя на мое разрешение»¹². В 1831 г. был объявлен именной указ, устанавливающий порядок выговоров и их публикации. По нему Сенату

---

¹⁰ Блинов И.А. Губернаторы: историко-юрид. очерк. СПб., 1905. С. 243.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1: В 30 т. СПб., 1830. № 26493 (далее – ПСЗ-1).

¹² ПСЗ-2. № 1656.

дозволялось только ставить на вид и делать замечания, без внесения в формулярный список¹³. Упомянутые именные указы являются нормами правового регулирования процесса переподчинения аппарата управления губернаторов министерствам. Они постепенно изымали исполнительную власть из ведомства Сената.

Самостоятельное место должностным преступлениям впервые было отведено в 15 томе Свода законов (1832) в разделе «О преступлениях чиновников по службе», включавшем 60 статей. Судя по их содержанию, в этом законодательстве не проводилось различий между должностными преступлениями и дисциплинарными провинностями, но оговаривалось, что в одних случаях, «смотря по упущению», взыскания определяются «без производства уголовного суда», в других, «смотря по роду преступления и степени вины», назначаются наказания уголовные. Без производства уголовного суда могли быть назначены следующие взыскания: замечание, выговор, опубликование, временный арест, временное устранение от должности или удаление от нее, денежный штраф. Эти дисциплинарные взыскания, в отличие от судебных, налагались по усмотрению вышестоящего начальства, а наказания за уголовные деяния назначались решением суда.

Наказывали чиновников лишением чинов, прав состояния, ссылкой на поселение, на каторжные работы. Судебная ответственность «за преступления по должности» могла быть уголовной или гражданской. Под уголовной подразумевалось злоупотребление властью или полномочиями, под гражданской – обязанность возместить из своих средств ущерб, нанесенный упущениями по службе¹⁴. Отрешение от должности могло состояться только по суду и только по постановлениям первого департамента Сената. Появление в 1845 г. в законотворческой практике Николая I «Уложения о наказаниях» – свидетельство усиления борьбы с должностными преступлениями.

Понимание юридических терминов, входящих в правовой язык той эпохи, необходимо для адекватного понимания судебной прак-

---

¹³ См.: Там же. № 4698.

¹⁴ См.: *Елистратов А.И.* Основные начала административного права. М., 1914. С. 324–325.

тики отрешения от должности глав губерний. Толкование юридических понятий «превышение власти», «бездействие власти», «злоупотребление властью», применяемых законодателем при обосновании наказаний губернаторов, содержится в специальных работах дореволюционных историков права¹⁵. В исследовании профессора В.В. Есипова приведено наиболее полное, обобщенное определение терминов «превышение власти» и «бездействие власти». Обратимся к его пояснениям этих объектов административной юстиции: «...превышение власти есть всякое действие должностного лица в нарушение закона или вне пределов власти, наносящее вред государству, обществу, вверенной части или отдельному лицу, и совершенное без умысла учинить какое-либо иное преступление при помощи власти, как средства преступления. Бездействие власти есть всякое неупотребление должностным лицом средств предотвращения или преследования злоупотребления или беспорядка, наносящее вред государству, обществу, вверенной части или отдельному лицу, и имевшее место без умысла учинить или попустить какое-либо иное преступление при помощи власти, как средства преступления»¹⁶. По мнению исследователя, самоуправство – как превышение, так и бездействие власти – не является способом совершения злоупотреблений. Сравнивая отличия и сходные признаки «превышения и бездействия власти» в текущем законодательстве и на примерах уложений европейских стран, Есипов приходит к выводу, что оба эти понятия широко применяются для обозначения всех должностных нарушений вообще, за исключением «мздоимства и лихоимства». Вот отчего именно эти понятия наиболее часто фигурируют в судопроизводстве по служебным преступлениям.

Когда же «превышение власти» могло стать предметом уголовной ответственности, т. е. выйти за пределы административной юстиции? В случае, если преступление по должности становилось «злоупотреблением власти», при наличии злого умысла со

---

¹⁵ См.: *Есипов В.В.* Превышение и бездействие власти по русскому праву. 2-е изд., пересмотр. и доп. М., 1904; *Покровский С.П.* Превышение власти во французском административном праве и его отличие от злоупотребления властью. Ярославль, 1914.

¹⁶ *Есипов В.В.* Указ. соч. С. 13.

стороны администратора (губернатора), когда чиновник осознанно выходил за пределы власти, очерченной законом. В «злоупотреблениях» происходит подмена государственных интересов личной корыстью. В таких случаях, действуя вне закона, губернатор терял характер представительства от верховной власти и становился лицом, злоупотребляющим своими полномочиями. Следовательно, строгость наказания тогда напрямую зависела от наличия или отсутствия «злого умысла» в поступках должностного лица. Стоит согласиться с дореволюционными исследователями, что грань эта тонка и часто иллюзорна, да и само несовершенство законодательства первой четверти XIX в., посредством которого осуществлялись отставки губернаторов, свидетельствует о слабой разработанности русского административного права.

И все же закон не есть практика административной жизни, а скорее проект желаемого устройства. Он обращен к реальным людям, расположившимся на должностной лестнице, которым присуще ошибаться, свойственно своекорыстие, они не лишены слабостей и недостатков. Сила закона одним только фактом своего существования не может исключить возможности совершать неправомерные поступки. Нужны гарантии законности управления, чтобы сдерживать, ослаблять и устранять «злоупотребления властью». Безусловно, гарантией законности является само устройство правящей системы, степень развитости институциональных отношений. Применительно к институту губернаторства средством к обеспечению «пределов власти» в местном управлении выступал административный надзор.

Этот контроль на губернском уровне осуществлялся в формах отчетности, ревизий, постоянного гласного и негласного наблюдения. Высшим административным органом, осуществлявшим надзор над губернаторами, являлся Сенат. В ст. 278 «Свода учреждения Правительствующего Сената» за 1832 г. к функциям Первого департамента (административного) относились увольнение и определения должностных лиц, отрешение их от должности, а также «общий надзор за действиями разных мест управления, происходящие от сего меры взыскания, понуждения и поощрения и разрешение между сими местами споров и пререканий о власти». По мнению С.А. Корфа, именно это «незаметно и бессоз-

нительно для самого законодателя» породило зачатки административной юстиции в России, особо проявив себя в царствование Александра I¹⁷. Административная юстиция как система правового регулирования отношений власти и частных лиц в правовой практике XIX в. рассматривалась в качестве охранения государственного правопорядка. Вместе с тем, она «предоставляла для граждан публично-правовую гарантию, как способ обжалования актов управления. По этому признаку она отличалась от различных форм административного контроля за законностью управления <...>. При правильной постановке административной юстиции обыватель приобретал право на административный иск»¹⁸. Впрочем, в полной мере подобная практика так и не сложилась в самодержавном устройстве России. Речь может идти лишь об элементах административной юстиции, входящих в компетенцию Первого департамента Сената и реализовывавшихся посредством подачи «жалоб частных лиц».

Практика обжалования действий администрации через регистратуры Сената была известна уже в XVIII столетии. По мнению И.М. Пекарского, с начала XIX в. у Сената стали появляться функции административной юстиции¹⁹. В 1810 г. в составе Государственного совета учреждалась особая Комиссия для приема и рассмотрения прошений, приносимых на «Высочайшее имя»²⁰. Среди подведомственных ей дел первыми значились жалобы на администрацию и суды. С 1812 г. начал действовать еще один канал подачи «всеподданнейших прошений» – Собственная Его Императорского Величества Канцелярия. После передачи дела соответствующему министру, наведения справок, прохождения процедуры проверки, а иногда с обсуждением в Комитете министров, император назначал сенаторскую ревизию по фактам проверки и расследования поступившей жалобы. Инспекции Сената

---

¹⁷ См.: Корф С.А. Административная юстиция в России: В 2 т. СПб., 1910. Т. 1. С. 271.

¹⁸ Елистратов А.И. Указ. соч. С. 302.

¹⁹ См.: Пекарский И.М. Круг ведомства Правительствующего Сената по делам казенного управления и казенного обложения // История Правительствующего Сената за 200 лет, 1711–1911: В 5 т. СПб., 1911. Т. 4. С. 300.

²⁰ См.: ПСЗ-1. № 24064.

в течение всего XIX в. были основным средством контроля над провинциальной администрацией. Условно ревизии можно поделить на внутренние и внешние. Последние еще назывались «надведомственными», что подчеркивало их непричастность к Министерству внутренних дел (МВД). Сенатские ревизии назначались по особым «Высочайшим повелениям», объем полномочий визитаторов определялся особыми инструкциями. Внутренняя, ведомственная ревизия в порядке подчиненности проводилась вышестоящими учреждениями в иерархии исполнительной власти. В случае с губернской администрацией это были министерские или «внутриведомственные» проверки.

Кроме Сената надзор за местными органами власти осуществлял институт губернской прокуратуры. Прокурор и два его помощника (стряпчие) были подчинены министру юстиции, поэтому формально от губернатора не зависели. Губернский прокурор мог отправлять в Сенат соответствующие донесения и протесты. Его внешний надзор распространялся на производство рекрутских наборов, сбор податей и казенных доходов, осуществление правосудия, деятельность дворянских собраний. Прокурору предоставлялась возможность лично присутствовать в заседаниях и при служебных действиях, требовать сведения и дела для просмотра, делать предложения присутственным местам по существу дел, давать заключения по юридическим вопросам. Он мог просматривать журналы и подавать протесты на определения и решения. Без прокурорской надписи – «читал» ни одно постановление присутственного места не могло иметь законной силы. При этом должностной авторитет губернского прокурора был невысок. Класс этой должности (6–8) был ниже не только губернатора и вице-губернатора, но и председателей палат, поэтому и получаемое жалованье было втрое меньше, чем у губернатора. Статусная разница придавала уязвимость отношениям прокурора и губернатора. К тому же эффективность их деятельности тормозило отсутствие до 1832 г. свода законов, а также профессионально подготовленных юристов.

Екатерина Великая в контекст местного реформирования внесла еще одну возможность внутреннего надзора за деятельностью губернаторов. Как известно, в результате ее губернских пре-

образований управление на местах было возложено как на правительственные, так и на сословные учреждения. Последние были представлены дворянскими собраниями во главе с уездными и губернскими предводителями. Сама идея дворянского предводительства была заимствована из прибалтийских губерний, где главы местных дворянских корпораций изначально выступали наблюдателями законности управления над органами государственной (коронной) власти. Институциональные последствия перенесения этого опыта на русскую почву отмечались в записке Э.Н. Берендтса «О прошлом и настоящем русской администрации». В ней автор высказал ряд интереснейших мыслей. По его мнению, пока во главе местного управления стояли наместники, люди выдающиеся и влиятельные благодаря придворному положению и семейным связям, роль предводителей была незначительна. Но это положение вещей изменилось на рубеже веков. С начала XIX в. губернский предводитель дворянства стал назначаться верховной властью из двух кандидатов, избранных дворянством и представленных губернатором через МВД. Постепенно его статус приравнивался губернаторскому, поскольку при назначении ему присваивался чин 4-го класса. Предводитель возглавлял дворянское общество, председательствовал в депутатских собраниях, был членом всех губернских комитетов, комиссий и присутствий. Он имел право обращаться в центральные органы власти и непосредственно к императору. Все это придавало его должности реальный вес. В помещичьих губерниях создавался дуализм власти, олицетворенный в губернаторе и губернском предводителе, стоявших друг против друга²¹. Само наличие дворянской корпоративности рассматривается автором как региональная специфика помещичьих губерний. Здесь сфера полномочий губернатора пересекалась с пространством власти выборных органов дворянского самоуправления. Здесь губернаторы вынуждены были править с оглядкой на мнение дворян. Имея в виду первую половину XIX в., А.И. Герцен писал: «Власть губернатора растет в прямом отношении расстояния от Петербурга, но она растет в геометрической прогрессии в губерниях,

---

²¹ См.: Берендтс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации: (записка, составленная в дек. 1903 года). М., 2002. С. 24.

где нет дворянства, как в Перми, Вятке и Сибири»²². Те же мысли высказывал его современник, известный юрист А.В. Лохвицкий. Он делил российские губернии с точки зрения административных злоупотреблений на дворянские и чиновничьи. «Во-вторых, – отмечал он, – произвол чиновничий не встречает себе препоны: нет общественного мнения, нет важных должностей, занятых по выбору дворянства, нет общества. Наша жизнь еще не выработала сильного и образованного класса вне дворянства»²³.

До создания «Полного собрания законов Российской империи» социально-экономическая специфика губерний оставалась неучтенной законодателем. Хотя, она оказывала непосредственное влияние на управленческую практику губернаторов. Во втором томе Свода законов Российской империи все местное управление разграничивалось на «общее образование управления в губерниях», имевшее распространение на 45 губерний, и на «особенные» 19 губерний. Стиль управления «внутренними» губерниями отличался от пограничных, сибирских или закавказских. Для прибалтийских губерний вообще имелось особое «Учреждение» для управления. К середине XIX в. в 28 губерниях (из 64 существующих) выборные органы дворянского самоуправления участвовали в управлении наряду с губернатором. Дворянских корпоративных органов не было в 14 губерниях (Виленской, Гродненской, Минской, Подольской, Волынской, Киевской, Архангельской, Олонецкой, Вятской, Пермской и сибирских губерниях)²⁴. Здесь председатели палат уголовного суда, земские исправники, заседатели земских судов не избирались дворянством, а назначались губернатором.

Возникающие конфликты между губернатором, предводителем дворянства, прокурором, вице-губернатором неизбежно подталкивали их к должностному противоборству. Межличностные отношения, выходя за рамки институциональных, запускали в действие

---

²² Герцен А.И. Былое и думы Л., 1947. С. 126.

²³ Лохвицкий А.В. Губерния, ее земские и правительственные учреждения: В 2 ч. 2-е изд., с изм. СПб., 1864. Ч. 1. С. 122–123.

²⁴ См.: Матханова Н.П. Полномочия губернатора в середине XIX в.: региональная специфика // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 53.

рычаги неформального властвования. Оппозиционные губернатору «дворянские партии», используя свой административный потенциал, а также существующую правовую практику смещения должностных лиц, родственные и столичные связи, применяли все способы избавления от неудобного им правителя. На проявления таких конфликтных ситуаций верховная власть особенно чутко реагировала в царствование Александра I и в период отмены крепостного права. Казанская губерния отличалась богатством подобных сюжетов. Спускаемые сюда многочисленные сенаторские ревизии собирали разнообразный компромат против представителей местной власти. Коллегиальное рассмотрение дел в Первом департаменте Сената, а затем на общем собрании определяло дальнейшую судьбу ревизуемого губернатора.

Хронология событий такова. В 1801 г. на имя императора поступил донос на казанскую полицию, которая для получения признаний применяла к подозреваемым жестокие пытки. Для выяснения обстоятельств дела в Казань был направлен царский порученец флигель-адъютант подполковник барон П.И. Альбедиль. По результатам расследования военный и гражданский губернаторы П.П. Пуцин и А.И. Муханов были освобождены «за упущения по должности». В 1803 г. по результатам ревизии сенатора И.Б. Пестеля был уволен и осужден «за допущенные беспорядки и злоупотребления» казанский губернатор Н.И. Кацарев. Следующие десять лет в период губернаторства Б.А. Мансурова в губернской администрации кадровых потрясений не происходило. Его смерть в 1814 г. нарушила хрупкий баланс в отношениях губернской администрации. Один за другим сменили друг друга три правителя – Ф.П. Гурьев, И.А. Толстой и П.А. Нилов. Их отставки были спровоцированы конфликтом с представителями местного дворянства и с самим губернским предводителем. Результатом развития противоборства стала самая масштабная сенаторская ревизия казанской администрации 1819–1820 годов.

Ревизия как механизм административного контроля на рубеже XVIII–XIX вв., прочно вошла в бюрократическую практику империи. Ее повсеместное применение исследователи связывают с царствованием Павла I. Впрочем, истоки подобной «встряски» местного управления восходят еще к петровским временам, но сенатские ре-

визии в XVIII в. все же, не имели систематического характера. Формирование их правового статуса в качестве специфического административного института было результатом реорганизации должности генерал-губернатора и роспуска губернских дворянских собраний в 1796–1797 годах. Стремясь к централизации государственного управления, Павел I пытался упрочить положение Сената, использовать ревизии как меру укрепления государственного аппарата, для выяснения внутривластного и экономического состояния империи. Согласно его указу от 1 декабря 1799 г., осмотр губернской администрации в пределах всей страны должен был осуществляться регулярно, каждые три года²⁵. И хотя впоследствии это правило не соблюдалось, вся империя (41 губерния при Павле I) была поделена на 8 частей, каждую из которых должны были обследовать два сенатора. Первая и единственная такая акция длилась десять месяцев. Тогда для осуществления всероссийской ревизии была разработана специальная «Инструкция» 1799 г.²⁶, которая легла в основу последующих (1805, 1819) наказов сенаторам-ревизорам. Вот с этого времени институт сенатского надзора получил правовые основания и постоянно стал применяться в качестве инструмента контроля над губернской администрацией.

Правовым оформлением сенаторских ревизий послужила специальная инструкция 1799 г.²⁷, составленная для тотального обзора всей Российской империи. Она не могла остаться незамеченной в исследовательской литературе, поэтому содержание этого документа хорошо известно²⁸. «Пункты, служащие в наставление и руководство гг. сенаторам», включали в себя пять позиций, по которым необходимо было собрать следующую информацию: 1) «правосудие» – сведения о решенных и нерешенных делах, об исполнении законов и «нет ли волокиты»; 2) «внутренняя полиция» – о разделении губернии на уезды (по новому

---

²⁵ См.: ПСЗ-1. № 19211.

²⁶ См.: Там же. № 19212.

²⁷ См.: Там же.

²⁸ См.: Правительствующий сенат в царствование Павла I / [сост. бар. А.Э. Нольде, М.А. Полиектов, Н.Д. Чечулин] // История Правительствующего Сената за 200 лет... Т. 2. С. 758–762; Паина Э.С. Сенаторские ревизии и их архивные материалы (XIX – нач. XX в.) // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX – нач. XX века. Л., 1967. С. 154–156.

губернскому строительству они должны были состоять из 10 уездов), число жителей в них, промыслы, торговля и цены на продукты, везде ли есть полиция и «спокойствие»; 3) «поборы», т. е. налоги, их законность и недоимки; 4) «о земледелии» – особое внимание сенаторов обращалось на казенных крестьян для дальнейшего совершенствования земледелия и наделения землей или их переселения; 5) «о казенных лесах». Кроме того, ревизующие сенаторы должны были получить сведения о деятельности отдельных учреждений: приказа общественного призрения, дворянских опеки, сиротских судов и т. д. Таким образом, всесторонней проверке подвергались губернское управление; деятельность судебных учреждений; финансовое состояние губернии; экономическое положение населения. В дополнение следовало собрать сведения «от кого надлежит» о нуждах, недостатках и «пользах общих» с мнением первых лиц местной администрации об улучшении жизни в губернии. Этот пункт инструкции не был обязательным, он должен был заполняться, если губернатор выступал с каким-либо конкретным проектом или предложениями. Официальное заключение ревизора относительно высказанных инициатив выступало в данном случае мнением эксперта. Думается, идея создания этой части инструкции затем переместилась в структуру будущих губернаторских отчетов.

Следующая инструкция «господам сенаторам, предназначаемым для осмотра губерний», была издана 1 августа 1805 года²⁹. Она включала 18 пунктов, основу которых составили нормы предыдущей инструкции 1799 года. В ней отсутствовали пункты о собирании сведений экономического характера. Эта задача теперь решалась за счет губернаторских отчетов. Теперь наравне с Сенатом порядок уведомления «вверенных управлению министров по губерниям» оговаривался в 14-м пункте. Появилась совершенно новая, 15-я, позиция: о наблюдении «нет ли каких-либо от местных губернских начальств народу притеснений, безгласных налогов, также жестокостей в употреблении власти и тому подобных обстоятельств». Следующий раздел пояснял, что если же сенаторы при осмотре найдут злоупотребления или беспорядки, то «исправляя возможное там же на месте, о виновных подлежащих

---

²⁹ См.: ПСЗ-1. № 21861.

суду предлагают губернскому правлению. В разбирательство же дел между частными людьми сенаторы не вступают, ибо они посылаются не яко судьи, но как инспекторы». В соответствии с этим положением оказывалось доверие местному правительству во главе с губернатором по нарушениям, выявленных проверкой. Остальные пункты, 1-14 и 17-18, детально расписывали положения предыдущей инструкции. Ревизирующему сенатору поручалось: «выяснить существуют ли на самом деле все те учреждения, которые по букве закона должны существовать; истребовать от них ведомости о решенных и нерешенных делах»; собрать сведения о числе и содержании арестантов, о деятельности полиции по охранению порядка и безопасности, о том, насколько правильно идет взимание налогов и податей, о состоянии опекунских учреждений и общественного призрения. Указывалось, что сенаторы могут осматривать не только губернские, но и уездные учреждения, подчиненные министерствам. В завершение расписывался порядок донесений императору и Сенату. Оговаривалось, что приведенные наставления не должны стеснять сенаторов, ибо они обязаны руководствоваться «важностью своей присяги, достоинством звания и правилами чести». Отныне ревизиям Сената отводились лишь административно-надзорные функции. В тексте инструкции улавливается разграничение функций Сената от исполнительных обязанностей министерств.

В 1819 г. публикуется очередная редакция инструкции³⁰. Подготовительный этап составления этого документа начался в 1817 г., когда министр юстиции получил от императора распоряжение составить список сенаторов для всероссийской ревизии. Эта акция должна была происходить «на том самом основании, как таковое произведено было в 1799 году». Александр I распорядился «заняться пересмотрением вновь сенаторской инструкции (от 1 августа 1805 г.) на тот конец, дабы как самые предметы ревизии подлежащие, исчислены были в оной подробнее, так и самый способ производства изложен был определительно»³¹. Видимо, всеобщая ревизия задумывалась как часть будущего предполагаемого губернского реформирования.

---

³⁰ См.: ПСЗ-1. № 27722.

³¹ ПСЗ-1. № 26728.

Текст новой инструкции создавался непросто. В ходе его обсуждения возникали существенные разногласия в Сенате. Только вмешательство Комитета министров в поддержку проекта министра юстиции завершило его утверждение³². Окончательный вариант новой инструкции включал 29 пунктов. Она состояла из двух частей: «о первоначальных действиях сенаторов» и «о ревизии вообще». В этих разделах описывался порядок ее проведения. Первая часть начиналась словами: «Сенаторы, командированные для ревизии, прибыв в назначенную им губернию, объявляют о сем губернскому правлению и требуют...». Далее шел перечень ведомостей для предоставления ревизорам в губернском правлении и в казенной палате за последние три года, т. е. «со времени окончания последней бывшей пред тем ревизии сенаторов». Вторая часть инструкции предписывала сенаторам после ознакомления с полученными сведениями и личного осмотра присутственных мест приступать к осмотру учреждений. Судя по перечню исследуемых отраслей, программа предполагала фронтальную инспекцию всех присутственных мест губернии. Вот только часть составленного вопросника: «производится ли действительное исполнение по Высочайшим и Сенатским указам?»; «все ли Судилища и места наполнены определенным числом чиновников?»; «имеются ли беспорядки при выборах дворянских?»; «нет ли в числе уголовных дел таких, по коим подсудимые изнуряются долговременным содержанием под стражею?...»; «на точном ли основании законов собираются государственные подати»; «где есть казенные недоимки, то сколько их на каком именно состоянии числятся?...».

В отличие от предыдущей практики сенаторы обязывались не только доносить Сенату, но и уведомлять министров, по ведомству которых «осматривались части». Относительно порядка проведения ревизии новая инструкция не давала однозначных предписаний. К примеру, в 21-м пункте говорилось, что «сенаторы кроме присутственных мест в губернских городах могут и должны осматривать оные и в уездных городах, на пути лежащих; в стороне же находящиеся, ревизуются тогда, когда признают сие нужным». Получается, что ревизия уездных учреждений могла

---

³² См.: Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета министров: В 5 т. СПб., 1902. Т. 1. С. 80.

начаться еще до прибытия ревизора в столицу губернии, до предоставления губернским правлением необходимой документации, до выстраивания схемы проверки. А ведь это противоречило содержанию всей первой части. Следовательно, ревизоры могли по своему усмотрению выстраивать тактику осмотра. Кроме того, инструкция 1819 г. содержала существенные добавления: «Сенаторы, быв озабочены общею ревизией, если по каким-либо обстоятельствам признают необходимым произвести где-либо в губернии особое исследование, то могут поручить оное по своему выбору, сверх должностных чиновников, кому-либо из почетных дворян той губернии, хотя и службу неотправляющих, но общею доверенностию пользующихся»³³.

Таким образом, ревизоры получали возможность при увольнении одних чиновников (определяемых Сенатом) замещать их на местах другими, а также получили право требовать «всякое содействие и исполнение» не только от начальников внутренней стражи, но и прочих воинских команд. Кроме того, могли производить следствия по злоупотреблениям не только гражданских, но и военных чиновников, рассматривать жалобы или просьбы проживающих в соседних губерниях. Все это значительно расширило полномочия ревизующего сенатора, который выступал отныне в роли не просто «агента», а фактически наместника императора, призывающего для исполнения особо важных государственных поручений частных лиц и единолично вмешивающегося в отношения служебной иерархии. Изобилие понятий «лихоимство», «злоупотребления», «важные беспорядки» указывали на карательную направленность документа. Сравнивая два текста, невольно осознаешь, что разработчики последнего значительно расширили полномочия ревизоров для пресечения злоупотреблений местной администрации. При этом правительство декларировало свое намерение производить ревизионный надзор систематически раз в три года. В окончательной редакции инструкция была опубликована 17 марта 1819 года. Первыми ощутили ее на себе Казанская и Подольская губернии, но до тотального осмотра всех губерний дело не дошло. Попытки преобразовательной деятельности на местах ограничились введением

---

³³ ПСЗ-1. № 27722.

наместничеств в отдельных губерниях. В этом эксперименте участвовала и Казанская губерния. В дальнейшей истории сенаторских проверок изменений в тексте инструкции не происходило.

Созданная благодаря пунктам инструкции единая матрица сенаторских проверок, способствовала фиксации сведений неофициального свойства: о личных и профессиональных качествах губернаторов, их частной жизни, служебном окружении, отношениях с местным обществом, о должностных доходах и т. д. Пункты этих документов определяли направление и характер интересующей верховную власть информации. Сейчас можно утверждать, что сами эти инструкции отражали принятую в указанное время позицию центра по отношению к перифериям империи. В частности, на персональном уровне, когда проверка касалась деятельности «хозяина губернии», материалы ревизий предоставляют возможность говорить о критериях эффективности его власти. Таковыми были: количество «решенных и нерешенных» дел в губернском правлении, отсутствие жалоб и доносов на губернатора и губернское правление, состояние дел в полиции, организация рекрутских наборов, количество недоимок в губернии и т. д. По этим формальным показателям Петербург судил о деятельности своего ставленника, о результативности применения делегированных ему полномочий. Следует отметить, что комплексного исследования, основанного на фронтальном прочтении текстов ревизий Сената по отдельным губерниям до сих пор не существует. Применение этого подхода к материалам ревизий Казанской губернии в первой четверти XIX в. позволило выявить сюжетную канву административной жизни, вживить в нее реалии служебной деятельности казанских губернаторов, составить представление о практиках их власти.

В границах исследуемого периода основными коммуникативными каналами получения знаний о состоянии губернских властей служили сенаторские ревизии и сводки жандармских офицеров. В первой четверти XIX в. верховная власть предпочитала гласные источники информации, во второй четверти – тайные донесения. Постепенно сужался круг должностных лиц, имевших доступ к этим сведениям. При Николае I в него входили министры юстиции, внутренних дел и шеф жандармов. Естественно, что тексты тайного наблюдения предназначались для слу-

жебного пользования и носили секретный характер. Исключение составляли административные происшествия, ставшие предметом сенатского разбирательства. Думается, избирательность сюжетов этих «распубликований» следует рассматривать как рассказ государства о самом себе.

В контексте своего времени деятельность надзорных органов содействовала укреплению имиджа верховной власти, целенаправленно выступая в защиту населения от злоупотреблений губернской администрации. Вместе с тем гласный надзор Сената не принес ожидаемых изменений в систему функционирования губернских властей, что привело к свертыванию этого механизма надзора и переходу на интертекстуальные формы контроля. При Николае I общественное мнение стало фиксироваться «по долгу службы» в донесениях жандармских офицеров. Их содержание не подвергалось жесткой регламентации. Они представляли собой своего рода персональные тексты должностных лиц, обремененных служебной ответственностью.

УДК 94(470.23-25) 084.8

СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВСТВЕННЫХ НОРМ В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ: ЛЮДИ В ОЧЕРЕДЯХ

С.В. Яров

Санкт-Петербургский институт истории РАН,
Отдел современной истории России
E-mail: iarov@eu.spb.ru

В статье рассматриваются формы поведения ленинградцев в самые трудные месяцы осады города (осень 1941 – весна 1942 годов). Показаны формы взаимоподдержки и причины конфликтов, возникавших во время стояния в очередях, оценены представления о морали в дни блокадной катастрофы.

Ключевые слова: Ленинград, блокада, война, голод, очереди, продуктовые карточки.

OBSERVATION OF MORAL NORMS IN BESIEGED LENINGRAD: THE PEOPLE IN LINES

S.V. Yarov

The article deals with the forms of behavior of the Leningraders during the hardest months of the siege – between the fall of 1941 and the spring of 1942. It describes the forms of mutual support and the causes of conflicts which arose in the queues, estimates ideas of the morale during the disasters of the siege.

Key words: Leningrad, Siege, war, hunger, lines, cards.

«Очереди» стали символом военного Ленинграда. О них говорит почти каждый из очевидцев «смертного времени». Особый размах они приобрели начиная с сентября 1941 г., когда произошло понижение норм пайков. Страх, усиленный слуша-

ми о пожаре на Бадаевских складах и началом бомбежек, заставил горожан быстрее скупать еще имевшиеся в свободной продаже продукты. Магазины опустели. Резкое сокращение подвоза продовольствия привело к тому, что «карточки» на мясо, сахар, крупу не удавалось «отovarить», даже обойдя несколько районов. Поскольку срок их действия был ограничен, люди искали любую возможность хоть что-то получить по ним. Следствием стали километровые «очереди», причем горожане готовы были часами стоять и у пустых прилавков, и у закрытых дверей магазинов¹. У булочных «очереди» встречались менее часто, и, увидев одну из них в марте 1942 г., М. В. Машкова объясняла это тем, что «народ ждал и мечтал о прибавке и накануне трепел, не забирал хлеба вперед»². Не менее гигантским являлись очереди у городских столовых: здесь можно было еще в октябре 1941 г. получить «бескарточные» блюда. Позднее они были закрыты, но большие скопления людей стали приметой и приходившим им на смену так называемых столовых «усиленного питания». Остро ощущавшаяся с конца октября 1941 г. нехватка керосина привела к тому, что даже за стаканом горячего кофе или чая у кондитерских собирались сотни горожан³.

---

¹ См. запись в дневнике И.Д. Зелинской: «У магазинов очереди стоят как приклеенные даже при запертых дверях» (*Зелинская И.Д. Дневник. 27 ноября 1941 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 35. Л. 37*); запись в дневнике А.П. Остроумовой-Лебедевой от 2 ноября 1941 г.: «...Везде <...> были длиннейшие очереди, которые стояли у <...> пустых магазинов <...> совершенно не зная, будут ли привезены какие-нибудь продукты» (*Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки: В 3 т. М., 2003 Т. 3. С. 264*); воспоминания Л. Разумовского: «Выходит заведующий и говорит, что крупа не получена, мяса нет, макарон тоже. Взрыв возмущения. Никто не уходит. Все что-то требуют, что-то выкрикивают. Стоять тошно, но и уйти страшно. А вдруг? Стоим. Молчим. <...> Проходит час, может быть, два. Многие не выдерживают, уходят. Магазин пустеет» (*Разумовский Л. Дети блокады // Нева. 1999. № 1. С. 28*).

² *Машкова М.В. Из блокадных записей. 1 марта 1942 г. // Публичная библиотека в годы войны. СПб., 2005. С. 22.*

³ См. запись в дневнике А.П. Остроумовой-Лебедевой от 16 ноября 1941 г. об одной из знакомых: «Утром идет на Невский и там становится в очередь перед кондитерской «Норд», чтобы выпить стакан сладкого горячего суррогатного кофе. В эту очередь набираются тысячи людей, так как

Молчаливых «очереди» почти никто не видел⁴. Сообщали оптимистические новости о победах Г.И. Кулика и И.И. Федюнинского, о скором снятии блокады, но чаще разговоры касались привычных житейско-бытовых вопросов⁵. Передавались разнообразные слухи о грядущем повышении норм пайков обычно накануне праздников или первого дня месяца⁶. Учили друг друга как надо приготавливать суррогаты. Так, А.И. Винокуров увидел в «очереди» женщину, которая «уверяла своих соседок, что из столярного клея получается чудесное заливное»⁷. Стойкий интерес в «очередях» вызывали рассказы о том, где можно «отovarить» нехлебные талоны. В.Г. Даев подчеркивал, что беседы в «очередях» в каждый период времени имели свою особую «болеву точку»: «Если в сентябре, например, разговоры касались ракетчиков, то в октябре гово-

---

ни у кого нет керосина, нет дров, чтобы вскипятить чайник воды» (*Остроумова-Лебедева А.П.* Автобиографические записки... Т. 3. С. 264). Ср. с отмеченными в спецсообщении Управления МВД по Новгородской области 29 января 1953 г. жалобами студентов на работу буфета в Новгородском педагогическом институте: «...Стоим за стаканом чая два часа в очереди, как во время блокады» (Новгородская земля в эпоху социальных потрясений: В 4 кн. Новгород, 2009. Кн. 4. С. 132).

⁴ С.И. Малецкий писал позже, что в «очереди» не было ни шума, ни ссор, но в 1942 г. ему было всего три года (*Малецкий С.И.* [Запись воспоминаний] // 900 героических дней. Новосибирск, 1994. С. 165). В.Г. Григорьев видел «полуживых людей <...>, безучастных ко всему», стоявших в «очереди», но едва бы они оставались таковыми, если бы кто-то посмел, не имея прав, подойти первым к прилавку. «Очередь» «молча наблюдала» и за его схваткой с «ремесленником», пытавшимся вырвать у него хлеб, но из других источников мы знаем, что «очередь» обычно участвовала в избиении грабителей (*Григорьев В.Г.* Ленинград. Блокада. 1941–1942. СПб., 2003. С. 37).

⁵ См. воспоминания А. Томашевской: «Рядом со мной в очереди стояла молодая женщина лет 20–25. <...> Вид у нее был, как у всех нас, – дистрофический. Она сетовала на то, что не может устроиться на работу и получает иждивенческую карточку. Я посоветовала ей зайти к моей маме. Говорили мы долго» (*Томашевская А.* Я услышала вздох толпы... // Память. Письма о войне и блокаде. Л., 1987. Вып. 2. С. 197).

⁶ *Готхарт С.* Ленинград. блокада // Две судьбы в Великой Отечественной войне. СПб., 2006. С. 46; *Машкова М.В.* Из блокадных записей. 1 марта 1942 г. // Публичная библиотека в годы войны... С. 22.

⁷ Блокадный дневник А.И. Винокурова // Блокадные дневники и документы. СПб., 2006. С. 244.

рилось <...> о пропитанной сахаром земле Бадаевских складов, о том, что милиция получила приказ расстреливать на месте спекулянтов. В ноябре говорилось об аферистах, подделывавших хлебные карточки, <...> о баснословных ценах на хлеб. Постепенно совершенно прекратились разговоры о немцах, их считали чем-то вроде стихийного бедствия <...>, прошедшего стадию кульминации»⁸. Содержание разговоров менялось не только в зависимости от «злости дня», но и потому, что люди «перегорали», уставали говорить об одном и том же, и тема казалась им исчерпанной.

«...Встретила на площади Льва Толстого неизвестного человека, который шел, плакал, смеялся, хватался за голову», – рассказывала одна из блокадниц о том, что увидела 25 декабря 1941 года⁹. В этот день повысили нормы пайка. «Очереди» могли быть и шумными, и сдержанными, но когда случалось нечто, вызывавшее небывалый прилив радости, люди не стеснялись своих чувств, исчезали их угрюмость, чинность, раздражительность. Это наблюдалось и 9 декабря 1941 г., когда узнали об освобождении Тихвина. Никто в «очередях» не ругается, ждут прибавки к пайку, все «делятся услышанным, громкие голоса, оживление на улицах», – вспоминал об этом дне Л. Разумовский¹⁰.

Тот взрыв ликования, который произошел 25 декабря 1941 г., пожалуй, не имеет примеров в истории осажденного Ленинграда, такого не было даже во время снятия блокады. «Какое счастье, какое счастье! Мне хочется кричать во все горло. Боже мой, какое счастье! Прибавили хлеб! <...> Нет, это просто спасение, а за последние дни мы так все ослабли, что еле передвигали ногами. <...> Ура, ура и еще раз ура. Да здравствует жизнь!», – запишет в дневнике Е. Мухина¹¹. З.В. Островская вспоминала о жившей в бомбоубежище с тремя детьми «девочке-маме»: «Руки у нее тряслись, она со слезами радости показывала всем кусок клейкой тяжелой буханки и все повторяла: “Прибавили, видите, прибавили!

---

⁸ Даев В.Г. Принципиальные ленинградцы // ОР РНБ. Ф. 1274. Л. 89.

⁹ Инбер В. Собр. соч.: В 3 т. М., 1965. Т. 3. С. 167 (Дневниковая запись 25 декабря 1941 года).

¹⁰ Разумовский Л. Дети блокады.... С. 27.

¹¹ Мухина Е. Дневник. 25 декабря 1941 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 72. Л. 67.

Будет теперь ребятам”»¹². Ленинградцы в «очередях» обещали, что теперь пойдут работать, обращались к тем, кто встречался на пути. Все вслух, все навзрыд, все с криком: «...Обнимались и поздравляли друг друга с большим праздником, в ряде булочных <...> кричали ура, качали от радости завмагов...»¹³.

Своеобразное «сцепление» людей в очередях, разрушавшее преграды между ними, возникло не только во время всеобщего ликования. Есть темы, которые обычно обсуждаются охотно многими людьми, о которых любому есть что сказать. Частыми в блокадных «очередях» являлись рассказы о несправедливостях, о мошенниках, спекулянтах, ворах и грабителях, о «ловчилах», которые живут лучше прочих, не имея на это прав. Негодование соединяло горожан, упрочивало их моральные оценки, укрепляло присущий им нравственный канон и ведь это происходило каждый день. Когда однажды маленькая девочка с радостью сказала о смерти матери, давшей возможность питаться по лишним «карточкам», на нее оглянулась «половина очереди». Только здесь, под чужими взглядами, в скоплении людей, а не в пустых «выморочных» квартирах, человек должен был еще следовать цивилизационным правилам. А если не хотел этого делать, то встречал резки и незамедлительный отпор – очередь дисциплинировала всех, порой жестоко, даже доводя их до гибели. Она сама обеспечивала порядок там, где и милицию то никто давно не виде – равновесием людей разных возрастов, характеров, привычек.

«Психология очереди: завидуют передним и желают им всяческих бед, чтобы ушли из очереди <...>. Презируют задних. Образуется симпатии и антипатии. Идут на маленькие хитрости – помогают “своим”, следят, чтобы то же не делали остальные. Система номерков, проверки, слезки. Публика сдержанна. Когда одна говорит, что дома умер муж и лежат распухшие дети – другая отвечает, что ее муж умер давно, а из троих детей умерло двое» – удивительно, как это удалось написать в Ленинграде в 1947 го-

---

¹² Цит. по: *Адамович А., Гранин Д.* Блокадная книга. Л., 1984. С. 94-95.

¹³ *Машкова М.В.* Из блокадных записей // Публичная библиотека в годы войны... С. 16. Ср. с записью в дневнике М.М. Кракова 25 декабря 1941 г.: «Радость у всех на лицах! Народ повеселел, поздравляют друг друга...» (*Краков М.М.* Дневник // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 53. Л. 4).

ду¹⁴. Нетрудно предположить, что автору данных строк, Э. Левиной, едва ли был известен внутренний настрой «очередников»: не публично же накликали беду на тех, кто стоял впереди. Но и по жестам, взглядам, случайным репликам, оговоркам и междометиям, чутко отмеченных ею вероятно, можно отчасти предугадать мотивы ожиданий голодных горожан, часами мерзнувших на улицах. Разумеется, Э. Левина едва ли могла побывать во всех «очередях», но и какие-то из подчеркнутых ею «сцен нравов» все же оказывались типичными.

В «очередях» всегда настороженно всматривались в лица «чужаков», подозревая их во всяких прегрешениях: попытках вырвать хлеб, украсть «карточки», опередить других, обмануть их¹⁵. Ругань, резкие разговоры, раздражительность – обязательные приметы «очередей»¹⁶. В них стояли сколько могли, даже если прилавки были пустыми: «держали место», не пропускали никого. У О. Берггольц есть стихи о том, как очередь поставила перед продавцом сдавленного ею умершего человека. Случай считается подлинным. Какой же должен быть зазор между людьми и как цепко они должны были подхватывать друг друга при подходе к весам, если не заметили, что донесли до прилавка мертвое тело? «Я-то крепко держалась, вцепившись обеими руками в пальто впереди стоявшей женщины. Так с ней и качались, как волны, то влево, то вправо», – вспоминала Е.П. Ленцман¹⁷.

В «очередях» выработывались свои правила поведения, как основанные на традиционной этике, так и учитывающие блокадные реалии. Не всем было под силу терпеть мороз много часов подряд,

---

¹⁴ Левина Э. Письма к другу // Ленинградцы в дни блокады: Сб. Л., 1947. С. 203.

¹⁵ Михайлов Б. На дне войны и блокады. СПб., 2001. С. 61; Интервью с А.Н. Цамутали // Нестор. 2003. № 6. С. 263.

¹⁶ Машкова М.В. Из блокадных записей. 29 марта 1942 г. // Публичная библиотека в годы войны... С. 38; Пелевин М. Повесть блокадных дней // ОР РНБ. Ф. 1273. Д. 36. Л. 25; Лепкович А. Дневник. 5 декабря 1941 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 59. Л. 2; Разумовский Л. Дети блокады... С. 28; Интервью с А.Н. Цамутали... С. 263; Кок Г.М. Дневник. 12-14 декабря 1941 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11 Д. 48. Л. 12 об.

¹⁷ Ленцман (Иванова) Е.П. Воспоминания о войне // ОР РНБ. Ф. 1273. Л. Зоб.-4.

но другого выхода не было. Так, М. Бубнова вынуждена была стоять, чтобы получить хлеб, с 3.30 до 12.40¹⁸ – в конце января 1942 г. задержали его выдачу. Н.И. Ерохина, придя в магазин в 4 часа утра, обнаружила, что «была <...> 33-я»¹⁹. Те, кто приходил позднее, едва ли мог рассчитывать на удачу. «Вчера простояла на морозе 5 часов с 12 до 5 ч[асов]. Я была 2354 номером за томатным соком, но его, конечно, не хватило», – записала в своем дневнике Н.Л. Михалева²⁰. Выстоять в очереди чаще могли только те, кого сумели подменять. Попытку пропустить кого-нибудь вперед «очередь» встречала крайне враждебно: «Никто не пытается пролезть к прилавку <...>. Знает, что очередь его все равно не пропустит, никаких знакомых или соседей для очереди нет»²¹. Это не всегда спасало от ссор и споров. Неизбежным поэтому стало появление «номерков» на место в «очереди». Никем не уполномоченные люди сами устанавливали их порядок, но не все считали его справедливым. Самочинно выданные «номерки» отказывались признавать²². Не всегда удавалось восстановить очередность после прекращения обстрелов – во время их магазины закрывались. Как правило, после «отбоя тревоги» у магазинов «очереди» выстраивались в прежнем порядке²³, но иногда случалось и иначе, особенно в первые блокадные недели, когда еще не все привыкли к новым правилам. «По окончании тревоги все бегом по-

---

¹⁸ Из дневника М. Бубновой. 28 января 1942 г. // Ленинградцы в дни блокады... С. 230.

¹⁹ Ерохина (Клишевич) Н.И. Дневник. 24 ноября 1941 г. // РДФ ГММОБЛ. Оп. 1л. Д. 490. Л. 31.

²⁰ Пострелова Т.А. Выписки из дневника Н.Л. Михалевой. (1941–1943) // Женщины и война. О роли женщин в обороне Ленинграда. 1941–1944 гг. Сб. статей. СПб., 2006. С. 300 (Дневниковая запись 24 января 1942 года).

²¹ Даев В.Г. Принципиальные ленинградцы // ОР РНБ. Ф. 1273. Л. 80.

²² См. воспоминания Е.П. Ленцман (Ивановой): «...Когда <...> много людей соберется, кто-нибудь из активистов раздавал порядковые номера, вроде как узаконить очередь, и с этими номерками многие уходили домой попить теплой водички, а в это же время другой “активист” раздаст свои номера. Мы приходим через какое-то время, нас в очередь <...> не пропускают, ибо номерки <...> не те, очередь бранилась» (Ленцман (Иванова) Е.П. Воспоминания о войне // Там же. Л. 30б.).

²³ Готхарт С. Ленинград. Блокада... С. 46; Ратнер Л. Вы живы в памяти моей. Воспоминания блокадного мальчика // Нева. 2020. № 9. С. 140.

бежали обратно в булочную, очередь, конечно, спутали, становились по мере вбегания и я оказалась не первой у кассы, а двадцатой», – отмечала М.С. Коноплева в дневнике 10 сентября 1941 года²⁴. Нравы быстро менялись и из ее записи 1 ноября 1941 г. мы узнаем о том, что образование новых, «незаконных», очередей «доводило домашних хозяек до рукопашных боев»²⁵.

Обычно в километровых «очередях» люди вели себя спокойно, но по мере приближения к прилавку, у дверей магазинов во время их открытия «нервность» толпы возрастала. Всегда существовало опасение, что кто-то в последний момент опередит и не удастся получить те редкие продукты, которые отсутствовали в прочих местах и ради которых стояли обмороженные и изможденные, столько томительных часов. В магазине «бакалея» на углу Разъезжей ул[ицы] и ул[ицы] Марата во время продажи масла, как сообщал в дневнике Н.П. Горшков, 6 февраля 1942 г. «произошла давка, шесть человек раздавлено насмерть, шесть сильно перемяты»²⁶. То, как «толпа с криком буквально вламывалась в магазин», пришлось увидеть и И.Д. Зеленской²⁷. Н.П. Заветновская передала «отоварить» свою «карточку» приятельнице, объясняя это так: «Упадешь, нет сил подняться и сомнута»²⁸. О том же говорит С.Я. Меерсон: «...В магазин могли прорваться немногие. В дверях создавалась давка, сутолока»²⁹.

Ни «номерки», ни крики, ни мольбы не помогали. Люди хотели жить, и не у одного в ту минуту, когда открывался магазин, возникал соблазн оттолкнуть, воспользоваться случайно образовавшейся «прорехой» в толпе, замешательством у входа. стоило здесь кому-нибудь на миг остановиться, решая, к какому прилавку подойти, и кто-то сразу обгонял его, за ним бежали, тесня, другие. Они увлека-

---

²⁴ Коноплева М.С. В блокированном Ленинграде. Дневник // ОР РНБ. Ф. 368. Д. 1. Л. 71.

²⁵ Там же. Л. 156.

²⁶ Блокадный дневник Н.П. Горшкова // Блокадные дневники и документы... С. 74.

²⁷ Зеленская И. Д. Дневник. 27 ноября 1941 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 35. Л. 37.

²⁸ Н.П. Зветновская – Т.В. Заветновской. 5 февраля 1942 г. // ОР РНБ. Ф. 1273. Л. 33.

²⁹ Меерсон С.Я. Из дневника блокадной школьницы // Там же. Л. 4.

ли за собой и тех, кто старался придерживаться порядка, но боялся потерять место – все перемешивалось. Впечатляющую картину «свалок» у прилавков мы находим в записках Л. Разумовского: «...Дверь открывается и вся эта лавина, толкая и сшибая друг друга, врывается в помещение. Я вцепляюсь в пальто стоящей передо мной женщина. Толпа, напирая сзади, втискивает меня в магазин и отрывает от нее. Очередь внутри магазина загибается и под напором толпы ломается и перемешивается. <...> Где-то заплакал ребенок <...>. Слышен истошный крик: – “Тише, ребенка задавите!” Никто не слушает. Их передних я оказываюсь в конце. Пробриться к кассе нет никакой возможности. ...Каждый старается восстановить свою утерянную в свалке очередь и встать поближе к кассе. От этого происходят сутолока и перебранка»³⁰.

Было ли это типичным для того времени? Могут возразить, что блокадники прежде всего отмечали самые драматические, а не рутинные эпизоды, и молчаливо стоящие «очереди», где не было ни драк ни давки, меньше обращали на себя внимание. Доля истины в этом есть. Описанные нами истории стоит сверить со свидетельством В.М. Лисовской: «...Я могу отметить, люди никогда не лезли вне очереди, все спокойно стояли, никто никого не обзывал. Люди были как люди. В Ленинграде теперь народ не тот, я была там недавно».³¹ Потребность сравнить прошлое и настоящее обычно ведет к идеализации былых времен: здесь ищут и находят более благородство в человеческих отношениях. Нет нужды описывать все «очереди» как место постоянных склок. Мы почти не встретим в них мятущихся горожан, утративших представление о морали, обуянных лишь животными страстями и ломающих все традиции только потому, что голодные и сильнее тех, кого способны оттолкнуть. Как бы отвратительно не выглядели ссоры, они вызваны прежде всего нарушением принципа справедливости: восстанавливая его, возвращали и себе чувство человеческого достоинства. Но принцип справедливости имел не один лишь этический смысл. Он являлся и инструментом спасения. Он давал возможность слабому выстоять в борьбе с сильным

---

³⁰ Разумовский Л. Дети блокады... С. 28.

³¹ Лисовская В.М. Запись воспоминаний // 900 блокадных дней. Новосибирск, С. 157.

и обеспечить себе право на жизнь. Отсюда и та настороженность, та нервность, та пугливость, с которыми оценивали любой жест людей, подозреваемых в попытке обойти других. Не случайно драки и давка возникали именно у дверей магазинов. Чрезмерная постепенность, неосторожные действия, обусловленные стремлением не выпасть из толпы, но воспринятые как оскорбление – и начинался шквал обвинений.

Каждый хотел справедливости – но ведь защищая ее, человек не мог жить по волчьим законам. Нравственный канон сохранялся во всех этих горестных сценах, когда даже «дистрофик» цеплялся за любой довод, лишь бы его не втаптывать в грязь. И мы видим здесь же, в булочных и магазинах, другие сцены. З.А. Игнатович описывала, как находившаяся в «очереди» женщина участливо расспрашивала мальчика, которого никто не сменял³². «Очередь» могла никак не откликнуться на смерть стоявших в ней людей³³, но к живым она еще проявляла сострадание. «...Видела старуху с иссиня-красными, кошмарными пальцами, цепляющуюся за свою авоську и бессильно сидящую на снегу», – отмечала в дневнике 31 января 1942 г. Н.Л. Михалева³⁴. Кто-то из сердобольных блокадников взял у нее «карточку», чтобы получить хлеб: «Вот, поест, говорят, тогда встанет»³⁵.

А. Томашевская рассказывала, как познакомилась в «очереди» с женщиной. В это время передали слух, будто в «филипповской»

---

³² «...–А ты почему не пойдешь погреться? – спросила его стоявшая в очереди женщина.

– Да все одно дома холодно.

– Ну а сменить разве тебя некому, ты ведь не один живешь?

– Нет, с мамкой живу, да она не может придти.

– Больна, что ли? – спросила женщина.

– Не больна, а мертвая, – как-то виновато ответил мальчик» (Игнатович З.А. Очерки о блокаде Ленинграда // ОР РНБ. Ф. 1273. Д. 26. Л. 6).

³³ См. воспоминания В.И. Гредасова: «Видим: стоит большая очередь <...>. Продавали <...>. Хлеб по карточкам. Идем. Видим: один человек падает – женщина. Люди – никакого внимания, так как сами еле держатся на ногах. Мальчик кричит: “Мама, мама!” А она, женщина, <...> умерла» (Гредасов В.И. [Запись воспоминаний] // 900 блокадных дней. Новосибирск, 2004. С. 83).

³⁴ Пострелова Т.А. Выписки из дневника Н.Л. Михалевой... С. 304.

³⁵ Там же.

булочной на ул. Введенской привезли круглый хлеб. Условились, что женщина пойдет туда и постарается купить хлеб на «карточки» девочки. Узнав об этом, в «очереди» ей посоветовали немедленно догнать «благодетельницу» и отобрать талоны. Растерявшись, А. Томашевская побежала в булочную на Введенской – женщины рядом не было. Может быть, она стоит внутри, у кассы? Обычная картина: толпа не пропускает никого вперед. Но девочка заплакала, стала говорить о своей беде и мысли не возникло о том, чтобы кого-то опередить у прилавка: «карточек» то не было. И люди расступились: «Стоящие сзади кричали передним: “Пропустите девочку, пусть найдет, кого ищет”. “Ищи, девочка, ищи <...>” – повторяли мне люди, продвигая меня вперед»³⁶.

Никого она не нашла и вернулась обратно. Пришло ее время подойти к весам – «карточек» не было. Выйдя на улицу, остановилась у дверей. Плакать не могла, стала ко всему безразличной: «Женщины, выходя из булочной, качали головами, ахали, охали. Некоторые уходили, другие оставались, сочувствовали, жалели, спрашивали»³⁷ – у каждой из них имелись, наверное, свои заботы, но как примечательно это первое движение: утешить, возмутиться алчностью <...>. Можно долго говорить о жестокости и неуступчивости толпы у магазина, об окаменевших и мрачных лицах людей, готовых с кулаками броситься на нарушителей порядка – но вот эпилог этой истории. Хлеб ей женщина вернула, и радость девочки поделили те, которым, казалось, было мало дела до ее переживаний: «Люди задвигались вокруг меня, и я отчетливо услышала общий облегченный вздох всей толпы»³⁸.

Ленинградцы по-разному вели себя в очередях. Здесь сказались не только сиюминутные причины, но и общий уровень культуры, воспитания, образования. Инциденты в очередях не могли не возникнуть, учитывая крайнюю ограниченность продажи нехлебных продуктов в городских магазинах. Вместе с тем, в силу ряда причин, (жесткий государственный и гражданский

---

³⁶ Томашевская А. Я услышала вздох толпы... // Память. Письма о войне и блокаде... Вып. 2. С. 198.

³⁷ Там же. С. 199.

³⁸ Томашевская А. Я услышала вздох толпы... // Память. Письма о войне и блокаде... Вып. 2. С. 199.

контроль, различные формы воздействия, включая репрессивные, самодисциплина), удалось сохранить цивилизованные формы поведения в блокадном обществе.

ОТ ПОЛИТИКИ ЗАБВЕНИЯ К ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ

УДК 7(4+5) (09)+904(4+5)

КУЛЬТ ВЕПРЯ В ИСКУССТВЕ ДРЕВНИХ ИНДОИРАНЦЕВ. Опыт образно-логической реконструкции одного из объектов исторической памяти

В.А. Лопатин, А.С. Леонтьева

Саратовский государственный университет,
кафедра региональной истории,
историографии и археологии
E-mail: srubnik@yandex.ru

В работе представлен опыт образно-логической систематизации изображений дикого вепря, известных в памятниках скифского звериного стиля. По мнению авторов, канонические позы зверя, зафиксированные в различных артефактах, соответствуют алгоритму утраченного героического мифа древних индоиранцев, который отражает традиционные символы исторической памяти. Это непреходящие ценности борьбы, преодоления зла, жертвоприношения, продолжения жизни, которые показаны в авторской модели реконструированного зрительного ряда.

Ключевые слова: звериный стиль, культ вепря, историческая память, Ригведа, Авеста, Нарты, эпос, памятники археологии.

THE CULT OF A WILD BOAR IN THE ART OF ANCIENT INDO-IRANIANS. The experience of image-logical renovation one of the objects of historical memory

V.A. Lopatin, A.S. Leontyeva

The experience of image-logical arrangement of pictures of a wild boar, known in the monuments of the Scythian animal style, is presented in this research. According to the authors, canonical postures of the beast, fixed in

various artifacts, match algorithm of the lost heroic myth of the ancient Indo-Iranians, which reflects the traditional symbols of historical memory. This is eternal values of struggle, of overcoming evil, of sacrifice, the continuation of life, which are shown in the author's model of the reconstructed visuals.

Key words: animal style, cult of wild boar, historical memory, the Rigveda, the Avesta, the culture heroes, epos, archaeological sites.

Древнейшее изобразительное искусство представляет собой неопределимый источник дописьменной истории человечества. Как средство фиксации глубоких пластов исторической памяти, оно формируется еще в палеолите, практически одновременно с первыми попытками устного мифотворчества, мотивированного естественными функциями абстрактного сознания и конструирующего картину мира. Нередко устный миф и начертательная практика органично переплетались и создавали фантастические образы, абсолютно понятные их современникам, но непостижимые в наши дни. Более того, даже вполне реалистические изображения животных и человека, не связанные композиционными решениями, часто являются условными символами кодифицированной информации, мощных пластов исторической памяти и сокровенных знаний, скрытых в утраченных мифах. Древнейшие тотемные культы, посвященные животным, практически недоступны для фиксации современными научными средствами. Этнографические комплексы оказываются либо значительно редуцированными, либо трансформированными и отвечающими современным потребностям духовной жизни. В данной ситуации памятники изобразительного творчества и уцелевшие нарративы представляются уникальными источниками, способными осветить архаические варианты культовой практики.

По некоторым косвенным признакам, фиксированным в памятниках археологии, культ дикого кабана в Евразии начинает свое становление в эпоху неолита. В дальнейшем он проявляется в изобразительной и сакральной сферах многих последующих археологических культур, но более всего в «звериных стилях» раннего железного века. В этот период культ вепря и разнообразные фиксации его образа распространились на обширной территории от При-

черноморья до Китая, включая Поволжье, Кавказ, Казахстан, Алтай, Иранское нагорье.

Во все времена охота на вепря была трудна и опасна, этот промысел требовал особого опыта, знания повадок животного, незаурядного хладнокровия и отваги. Этот трофей считался особенно почетным и приносил удачливому охотнику славу и уважение соплеменников. Не случайно, наряду со многими животными персонажами (хищниками и копытными), образ вепря был одним из ключевых мотивов в прикладном искусстве скифской эпохи.

В число немногочисленных наиболее архаичных изображений входит каменный скипетр с головой кабана, изготовленный из песчаника розовато-коричневого цвета. Этот предмет поздненеолитического искусства, найденный в Саратовском Заволжье на Варфоломеевской стоянке, одновременно являлся символом власти в гипотетическом социуме раннеродового общества¹. Варфоломеевский скипетр уникален по изобразительной трактовке образа дикого кабана. Протома зверя выбита в камне техникой пикетажа с последующей протиркой деталей рельефа и общей ошлифовкой. В условно-реалистической манере здесь намечены пасть и скуловая дуга нижней челюсти, глаза показаны в виде выпуклых полусфер, очень правдиво отражены общие пропорции и узнаваемые черты животного.

Подобное изображение головы животного встречено также на памятнике времени позднего камня в Оренбургской области², что не оставляет сомнений в верности трактовки образа на варфоломеевском жезле. Это наиболее ранние изображения, проявляющиеся в искусстве неолита и отражающие некоторые формы мировоззрения степного охотничьего населения раннеродовой эпохи, возможно, связанные с тотемизмом.

Вероятно, в бронзовом веке образ кабана продолжал оставаться одним из символов традиционного бестиария, но изобразительных воплощений в это время он не получал, как, впрочем, и все другие мифологизированные представители животного мира.

---

¹ Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Заволжья. Саратов, 2004. Рис. 57.

² Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург, 1995. Рис. 76, 2.

Вполне очевидны сакрализация образа вепря и перевод этого персонажа в пласт устной мифопоэтики. Косвенно данное предположение подтверждается устойчивыми упоминаниями в Ригведе. Ведийская мифология сохранила сюжет, где Индра борется с кабаном по имени Эмуша и, в конечном счете, убивает его своим загадочным оружием ваджрой. Нет никаких сомнений в том, что древнейшие тексты индоиранцев, письменно зафиксированные только в начале I тысячелетия до н. э., как устные комплексы формировались намного раньше, еще в бронзовом веке. По мнению Т.Я. Елизаренковой нарратив создавался в период между XV и X вв. до н. э.³ в форме устных сказаний, передаваемых из поколения в поколение народными сказителями риши.

В более поздней авестийской литературе, которая исторически связана с ведической и формировалась между XII и VI вв. до н. э.⁴, фигурирует вепрь с металлическими конечностями и челюстями, который является одной из инкарнаций бога войны и победы Веретрагны. Сюжет, очень близкий ведическому эпизоду с противостоянием Индры и Эмуши, содержится в нартском эпосе, где культурный герой Батраз также в единоборстве побеждает демона в обличье кабана, который похищал и пожирал людей⁵.

По данным археологии отчетливо заметно, что к этому животному степные скотоводы относились с особым почтением. Его костные останки встречаются в археологических комплексах редко, но это всегда избранные части скелета. Как на поселениях, так и в погребениях именно с культовыми действиями и особой ритуалистикой связаны нижние челюсти вепря, оснащенные мощными клыками и указывающие на главные отличительные особенности зверя⁶. Таким образом, в эпоху бронзы табуализация изобразительной практики, очевидно востребованная по идеологическим

---

³ РВ. I-IV, 437.

⁴ Там же, 440.

⁵ Нарты. Осетинский героический эпос: в 3 кн. М., 1990. Кн. I. С. 180.

⁶ Сошлемся на сакральное помещение кабаньей челюсти во второй колодец Песковатского поселения, а также на признаки охотничьей ритуалистики в некоторых погребениях Золотой Горы (см.: Лопатин В.А., Четвериков С.И. Родовой некрополь Песковатского поселения // АВЕС. Саратов, 2007. Вып. 4. С. 107-131; Юдин А.И., Матюхин А.Д. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное. Саратов, 2006).

мотивам, успешно возмещалась сакральными и мифологическими аспектами эволюции культа кабана.

Новый подъем изобразительного творчества наблюдается в карасукско-тагарское время, на рубеже эпох бронзы и железа. Отдельные проявления образа вепря фиксируются теперь на «оленьих» камнях – священных стелах, широко распространившихся в Южной Сибири и Центральной Азии. Особо отметим камень из раскопок М.П. Грязнова в царском кургане Аржан, на котором выгравирован пояс с подвешенными к нему оселком, луком и кинжалом. В нижнем ярусе четко изображены подвески вотивных фигурок кабанов и оленей, трактованных в позах жертвенных животных⁷. Смысл жертвенности позы заключается в преднамеренном придании изображаемой фигуре выражения безжизненности (обмякшее, как бы мертвое, туловище, свисающие конечности с протянутыми книзу копытцами, уроненная вниз голова с оскаленной пастью).

По стилистике их можно отнести к раннескифским изображениям, но М.П. Грязнов особо отметил, что некоторые черты саяно-алтайского стиля прослеживаются в искусстве этого региона еще на рубеже позднего бронзового и раннего железного веков. Подобное изображение кабана в «жертвенной» позе встречено также в Минусинском регионе на ручке бронзового кинжала, относящегося к раннему периоду тагарской культуры⁸.

Протомы кабана представлены на бляшках различного функционального назначения. Бронзовая уздечная бляха из кургана 4 Семибратнего могильника⁹ очень похожа по стилистическому воплощению на бляшку с Таманского полуострова¹⁰, где грива и шерсть, ниспадающая с нижней части морды животного, трактованы в виде узких, прилегающих друг к другу клочков. Им близка также плакировочная пластина с зеркальным изображением голов двух каба-

---

⁷ Грязнов М.П., Маннай-оол М.Х. Третий год раскопок кургана Аржан // АО 1973 года. М., 1974. С. 194.

⁸ Артамонов М.И. Сокровища саков. Аму-Дарьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото. М., 1973. Рис. 131.

⁹ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 621.

¹⁰ *Borovka G. Scythian art. London, 1928. S. 4.*

нов, найденная в кургане Бабы¹¹. Все перечисленные изделия сосредоточены в Причерноморье, и в данном случае в изображении вепря мы наблюдаем, очевидно, стилевые особенности регионального характера.

Резные изображения животных иногда встречаются на расширенных или узких концах кабаньих клыков, они отливались также на их бронзовых имитациях. Особенно интересен резной кабаньей клык из Новопривольного с изображением головы вепря на узком заостренном конце¹². Голова с такой же узкой мордой изображена на псалии из кургана 5, исследованного в могильнике Карбон.¹³ Совсем недавно на городище Гривки, расположенном на севере доно-волжского междуречья в Саратовской области, найдены бронзовые браслеты с окончаниями в виде стилизованных и таких же вытянуто-узких голов вепря¹⁴.

Известно множество изображений целых фигур этих животных. Схематичная сцена охоты конных всадников на кабанов¹⁵ представлена на серебряном сосуде, найденном в Волгоградской области. В драматической схватке фигуры зверей динамичны и исполнены яростью борьбы за жизнь.

Характерно, что позы изображаемых животных, в том числе вепря, могут быть самыми различными, отражающими многие состояния (жертвенности, покоя, настороженности, ярости, смерти). И наиболее канонизированными и, вместе с тем, самыми вариативными в данном контексте являются воплощения образа дикого кабана. В связи с этим основной целью представляемой работы авторы считают проведение экспериментальной *образно-логической*

---

¹¹ Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Гос. Эрмитажа. Прага; Л., 1966. С. 121.

¹² Максимов Е.К. Новые находки савроматского звериного стиля в Поволжье // ССЗС. М., 1976. Рис. 1, 1.

¹³ Чежина Е.Ф. Орнаментированные кабаньи клыки и их имитации в скифскую эпоху // АСГЭ. 1991. Вып. 31. С. 30–42.

¹⁴ Леонтьева А.С. Новый памятник скифского времени на севере Саратовской области // XLIII междунар. Урало-Поволж. археолог. конф.: Материалы и тезисы докладов. Оренбург, 2011. Рис. 3, 1–3.

¹⁵ Мамонтов В.И. Сарматские погребения из курганного могильника Вербовский II // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2008. Вып. 9. Рис. 4, 2.

систематизации вариантов канонических поз вепря, которые выстраиваются в последовательный алгоритм, отражающий охотничью (мужскую) символику утраченного эпического мифа.

В имеющейся в нашем распоряжении выборке изображений вепря наблюдаются *семь канонических поз*, соответствующих определенным состояниям объекта, которые условно можно обозначить в качестве структурных элементов образно-логической систематизации:

1 – *живой зверь в состоянии покоя*, медленно перемещающийся в пространстве пастбища (ноги показаны в коротком шаге, голова опущена к земле, хвост задран вверх, поза отражает умиротворенность);

2 – *живой зверь в состоянии неясной настороженности* показан застывшим на месте, почуявшим опасность (голова еще опущена, хвост поджат, поза отражает первое предощущение угрозы);

3 – *живой зверь в состоянии напряженной настороженности* изображен пристально вглядывающимся в чащу, оценивающим степень угрозы (голова приподнята, морда протянута вперед, хвост поджат, поза отражает ощущение реальной угрозы);

4 – *живой зверь в состоянии ярости* показан в сцене схватки с охотниками или хищником (голова приподнята, морда протянута вперед, передние ноги вытянуты в броске на противника, хвост выпрямлен, поза отражает отчаянное единоборство);

5 – *мертвый зверь в состоянии охотничьего трофея*, показан лежащим ничком (ноги поджаты, морда опущена к земле, пасть оскалена, поза отражает маску смерти после недавнего единоборства);

6 – *мертвый зверь в процессе транспортировки*, редкое изображение безвольно обмякшего тела с протянутыми ногами следует рассматривать в перевернутом виде (ноги сведены вместе, как бы связаны, голова отвисает книзу, поза отражает полную утрату жизни и переход в ритуальную плоскость);

7 – *мертвый зверь в ритуальном жертвоприношении*, часто встречаемое изображение безвольно обмякшего тела с протянутыми вниз ногами, уроненной головой (ноги не сведены вместе и безвольно отвисают, копытца протянуты вниз, голова опущена,

поза отражает состояние водруженности зверя на жертвенный столб).

Следующий уровень систематизации предусматривает компоновку реконструируемых моделей нашего алгоритма, в котором запечатлены ключевые и самые драматические фрагменты универсального мифа. Каждая скомпонованная модель (яркий эпизод) может соответствовать только одной из выделенных канонических поз, или объединять две позы смежных состояний.

В рамках *первой модели* обобщены три реальных изображения. Это фигура на золотой оковке деревянной чаши из Филипповского кургана V–IV в. до н. э.¹⁶, которая по стилистике похожа на резное изображение с саркофага-колоды из Башадара, датированной VI в. до н. э.¹⁷. В данном случае их сближает не только поза, но и другая характерная черта – спираль на крупе кабана, что интерпретируется как солярная символика. Этот прием изображения со спиралевидными завихрениями и завитками, характерный для алтайского стиля, распространился и на прилегающие регионы в Южном Приуралье и Средней Азии.

Изображение пасущегося вепря на центральной ручке бронзового зеркала кургана у с. Бобрица в Черкасской области, явно отличается от алтайских аналогов по технике и стилистическим особенностям микропластики¹⁸. Вместе с тем, такие зеркала с центральными ручками также датируются VI в. до н. э., кроме того канонические позы изображений абсолютно совпадают.

Общим и наиболее важным для нашей систематизации моментом в данной группе фигур является спокойно-расслабленное состояние живого зверя, мирно пасущегося в лесной чаще. Примем это за основную идею *первой* гипотетической модели.

В единый зрительный ряд *второй модели* объединены *вторая и третья канонические позы* с тремя реальными изображениями, где

---

¹⁶ Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб, 2006. Табл. 10, 1.

¹⁷ Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тысячелетия до н. э.). М., 1961. Рис. 29б.

¹⁸ Ковпаненко Г.Т. Курганы раннескифского времени в бассейне реки Рось. Киев, 1981. Рис. 10,1.

животное находится в состоянии двух смежных фаз настороженности. Золотая обкладка деревянного сосуда IV в. до н. э., выполненная в стилизованной манере, найдена в Александропольском кургане из Нижнего Приднепровья¹⁹. На короткой морде александропольского вепря выделяется большой, торчащий вверх клык, на опущенной голове мастер изобразил несоразмерно большие по отношению к телу уши, напоминающие сложенные крылышки. Близкие варианты наблюдаются на объемных изображениях кабанов, представленных в виде ручек сосудов. В 1970 г. Б.Н. Мозолевским раскопан курган Хомина могила под Днепропетровском, где в богатом погребении IV в. до н. э. была найдена серебряная с позолотой ручка (утраченного сосуда) в виде стоящего кабана. Подобный предмет в виде трехмерной фигуры кабана, спаянный из двух половинок на серебряном сосуде парфянского типа, найден в сарматском погребении I–II в. н. э. у с. Косика Астраханской области²⁰.

Общие характеристики данной группы изображений соответствуют состояниям настороженности зверя, который уловил внешнюю угрозу и начинает реально ее ощущать. Это поза внезапной остановки, в которой канонично показаны попарно соединенные ноги и напряженное внимание, застывшее на протянутой вперед морде.

К *третьей модели* логической систематизации относятся «сцены борьбы», соответствующие *четвертой канонической позе*. Их можно разделить на две группы «борьба человека с кабаном» и «противоборство с хищником». Наиболее схематичное изображение представлено петроглифом из третьей группы писаниц Онгудайского аймака в горном Алтае²¹. Примечательно, что здесь поза яростной атаки оскалившегося вепря композиционно не связана с прочими фигурами. В этом весьма выразительном наброске на скальной поверхности художник как бы ищет характер од-

---

¹⁹ Королькова Е.Ф. Указ. соч. Табл. 25, 6.

²⁰ Сергацков И.В. Проблема становления среднесарматской культуры // Раннесарматская и среднесарматская культуры. Проблема соотношения. Волгоград, 2006. Рис. 6, 1.

²¹ Минорский А.И. Древние наскальные рисунки горного Алтая // КСИИМК. М.; Л., 1951. Вып. XXXVI. Рис. 56, 4.

ного зверя, в общих чертах, несколькими росчерками обозначая выражение стремительного нападения.

Явным подтверждением ведического сюжета о борьбе кабана и хищника служит сюжет, где кабан сражается с собаками. Близкое по смыслу силуэтное изображение выполнено на обломке чернолакового аттического кратера, датируемого второй четвертью VI в. до н. э., найденном в поселении Широкая Балка²². Сцена выполнена в образно-реалистической манере. Животные напряжены и вот-вот вступят в схватку. Их торсы несколько отклонены назад перед решающим броском, пасти оскалены, торчащие шерсть и грива выдают в состоянии зверей нарастающую ярость. Есть аналогичные сюжеты, в которых кабана травят две собаки²³. Они присутствуют также в сценах охоты человека на дикого вепря²⁴.

Два других варианта также относятся к уже описанному сюжету. На изображении персидской печати ахеменидского времени из коллекции Моргана человек и кабан уже вступили в схватку²⁵. Всадник пытается нанести удар зверю своим копьем, а рядом с ним неизменно присутствует собака. На рельефном изображении этой печати VI в. до н. э. тонко проработаны детали одежды всадника, конской сбруи, при сильном увеличении заметны особенности головы вепря. Другой сюжет выполнен в гравировке на серебряном с позолотой кубке с ручками в виде волков из курганного могильника Вербовский II²⁶. Как и сосуд из Косики он датируется I-II веков н. э. Это трехъярусное изображение, отражающее идею вертикального строения макрокосма, содержит сцену охоты на вепрей (верхний ярус) и фантастическую картину хтонического мира, где крылатые грифоны терзают

---

²² Рабицкий Б.М. Поселение у Широкой балки // КСИИМК. М., 1951. Вып. XL. Рис. 34.

²³ Савинов Д.Г. О культурной принадлежности северокавказских камней-обелисков // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977. Рис. 1.

²⁴ Шульц П.Н. Раскопки Неаполя Скифского // КСИИМК. 1947. Вып. XXI. Рис. 7а; Girshman R. Persia from the Origins to Alexander the Great // Art of Mankind. London, 1964. V. 5. P. 442.

²⁵ Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тысячелетия до н. э.). М., 1961. Рис. 17.

²⁶ Мамонтов В.И. Указ. соч. Рис. 4, 2.

оленя и лошадь (нижний ярус). Всадники реального мира, одетые в легкие одежды, на всем скаку стремятся поразить копьями огромных вепрей, бросающихся им навстречу. Художнику не удалось показать драматическую динамику происходящего, фигуры выглядят статичными и гротескно непропорциональными. Вместе с тем, мастер знал символический код изобразительного канона, и его неумелая гравировка полностью соответствует показателям нашей модели. Кабаны из Вербовского устремлены вперед, головы вытянуты в яростном намерении нанести удар клыками, передние ноги выброшены в прыжке, хвост выпрямлен.

Сцена борьбы получила отражение в уже упоминавшихся выше письменных источниках Ригведе, Авесте и Нартском эпосе. В Ригведе нет прямых указаний на то, как Индра убивает кабана. Мы можем лишь реконструировать сцену сражения по отдельным гимнам²⁷. В Нартском эпосе борьбу с кабаном ведет эпический герой Батраз²⁸. Возможно эти сцены борьбы, взятые из ведийской мифологии, скифских и сарматских легенд, позднее осетинского эпоса, явились основой изобразительной практики, воплощенной в различных предметах. Мастера, изображавшие сцены борьбы, наверняка были хорошо знакомы с народным творчеством и самые яркие сюжеты переводили в торевтику.

Небезынтересно, что мифологические сцены борьбы ведических божеств с демоническими вепрями фигурально мало соответствуют идее охоты. Индра поражает кабана Эмушу ваджрой²⁹ за то, что тот похитил приготовленную богам жертвенную кашу, олицетворяющую солнце. Причем, Индра – главный в ведийском пантеоне бог грома и молний – совершает свой подвиг, «едва родившись»³⁰ или в «юном» возрасте³¹. Если учесть, что жертвой также может выступать бог солнечной природы Вишну, иногда персонифицируемый как брат Индры, то становится совершенно очевидным большой вред отвратнейшей выходки вепря. Поэтому в некоторых вариантах мифа Вишну помогает Индре победить

---

²⁷ РВ. I, 61, 7; VIII, 77, 6 и 10; VIII, 69, 14.

²⁸ Нарты... Кн. I. С. 180.

²⁹ РВ. I, 121, 11.

³⁰ Там же. VIII, 77, 1.

³¹ Там же, 69, 14.

злобного демона³². В Нартском эпосе культурный герой Батраз также убивает кабана в юном возрасте, мстя за смерть брата. Причем, в этом позднем тексте позиционируется определенная неуязвимость вепря-демона. Батраз пытается одолеть его железной палицей, затем мечом, но все тщетно. Зная о слабом месте чудовища, изловчившись, герой отрывает ему ухо и побеждает³³.

Сила поэтического образа в действии с победой над Эмушей настолько велика, что в поздних пластах Ригведы он приобретает качество яркого гротеска, транслируемого на совершенно неожиданные ситуации. В частности, в очень неотчетливом сюжете утраченного мифа с загадочным риши (сказителем) Тритой, заключенным в колодезь, называется одно деяние этого персонажа, которое следует расценивать именно как художественный прием. Выражение «...Трита убил кабана стрелой с железным наконечником» может означать силу поэтического дара, искрометного слова, которые сравнимы с великими победами³⁴.

С другой стороны, примечательно, что в Ригведе эпитет «кабан» расценивается не однозначно как отрицание, иногда он адресован разным богам: Соме³⁵, Рудре³⁶, Марутам³⁷. Вепрь, как опасный противник, достоин уважения и почитания, носить его титул не зазорно. И кабан, и его божественный убийца одинаково стремительны, молниеносны, иногда они подобны ветру. Это сравнение с природной стихией является очень выразительной поэтической символической, в которой кабан обладает настолько мощным дыханием, что даже может сносить деревья, а Индра издает сокрушающий свист³⁸, возможно, отсюда происходит один из его эпитетов «Индра-вайю»³⁹. Сильный ветер – одна из инкарнаций авестийского Веретрагны, образ которого с известной переработкой, судя по всему, заимствован из более ранней ведий-

---

³² РВ. X, 99, 2.

³³ Нарты... Кн. I. С. 180.

³⁴ РВ. X, 99, 6.

³⁵ Там же. IX, 97, 9.

³⁶ Там же. I, 114, 5.

³⁷ Там же, 88, 5; X, 67, 7.

³⁸ Там же. II, 11, 8.

³⁹ Там же. I, 2; I, 135; VII. 90-92.

ской мифологии. В осетинском эпосе кабан также может являться олицетворением ветра.

Такая глубокая инкорпорированность образа вепря в различные пласты первобытной культуры показывает его высокую значимость, особенно в тех сюжетах изобразительного искусства и литературы, которые демонстрируют драматические картины одоления зла и борьбы героев за устройство мира. Как часть мифологического мировоззрения вепрь олицетворяет многие качества суровой героической эпохи – силу и гордость, стремительность и ярость, мужество и бескомпромиссность, все то, что высоко ценится мужской частью родового коллектива, будь то кланы воинов, или охотников, скотоводов или мастеров-профессионалов. В позднепервобытном патриархальном обществе устаревшие тотемные символы не отбрасывались только в том случае, если оставались востребованными насущными проблемами повседневности. Таким емким образом, соответствовавшим парадигме войны, в раннем железном веке был дикий вепрь.

Четвертая модель объединяет следующие две смежные позы (*пятую и шестую*) мертвого кабана, куда вошли 4 реальных изображения, символизирующие охотничьи трофеи. В Ригведе эта идея звучит редко, в качестве добычи, лишь однажды упоминается вепрь, пораженный богом Вишну⁴⁰. По всей вероятности, многократная трансляция нарратива уже в значительной степени переработала ее в следующий мифопоэтический пласт, связанный с абстракцией преодоления зла и переустройства мира.

Но предшествующая эпоха фиксировала символ охотничьего трофея как в устном творчестве, так и в изобразительной практике. Насущным он оставался также в ареале варварской периферии времени раннего железа. В богатом погребении воина из скифского кургана «Самарский», исследованного на Днепропетровщине, помимо прочего инвентаря, был найден меч в золотых ножнах с лопастью, украшенной изображением поверженного вепря⁴¹. Похожая поза характерна и для фигуры кабана на сереб-

---

⁴⁰ РВ. VIII, 77, 10.

⁴¹ Ковалева И.Ф., Волковой С.С., Костенко В.И., Шалобудов В.Н. археологические исследования в зоне строительства оросительной системы учхоза «Самарский» (Днепропетровского сельскохозяйственного института) // Курганные

ряном навершии IV в. до н. э., найденном в кургане из аула Уляп⁴². Интересно, что уши и клыки (самая уязвимая и наиболее грозная части) на фигурке вепря отделаны золотом, что может означать стремление мастера специально выделить существенные качества зверя. Таким же поверженным мы видим и второго кабана на Башадарском саркофаге⁴³.

Следующую фазу развития идеи охотничьего трофея иллюстрирует единственное изображение кабана в позе со связанными ногами и запрокинутой головой. Эта фигурка на роговой застежке VII в. до н. э. была обнаружена в могильнике Тасмола V⁴⁴. Если рассматривать этот вариант в перевернутом виде, то логично моделируется положение мертвого зверя при транспортировке его на шесте как охотничьей добычи. При всей невероятности такого предположения, иное объяснение странной позе мертвого зверя подыскать вряд ли возможно. Существенно, что фигурка вепря, с соблюдением принципа пространственной перспективы, показана на фоне других охотничьих трофеев – трех козлов, таких же безжизненных, с запрокинутыми головами, увенчанными большими изогнутыми рогами.

Пятая модель нашей образно-логической систематизации, завершающая весь алгоритм, представлена *седьмой канонической позой* и самой многочисленной группой изображений. Они очень вариативны по материалу воплощения (золотая фольга, кость, металл, камень), но все объединены идеей жертвоприношения, которая во все эпохи была квинтэссенцией мироощущения, построенного на необходимости трансферной коммуникации, постоянного общения живых с богами и предками. Это очень устойчивая, канонизированная поза, в которой мертвый зверь представлен в виде безжизненно обмякшего тела, водруженного на жертвенный столб, со свисающими головой и ногами, с протя-

---

древности степного Поднепровья (III–I тыс. до н. э.). Днепропетровск, 1978. Рис. 2,2.

⁴² Эрлих В.Р., Шамба Г.К. К вопросу о влиянии прикубанского искусства на звериный стиль центральной Абхазии // МИА. Краснодар, 2005. Вып. 5. Рис. 3,8.

⁴³ Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тысячелетия до н. э.). М., 1961. Рис. 29,а.

⁴⁴ Королькова Е.Ф. Указ. соч. Рис. 10,5.

нутыми книзу копытцами. Жертвенный столб, по принципу «pars pro toto» («часть вместо целого»), незрим, композиционно обо всем свидетельствует сама поза заклания, но иногда изображаемые «жертвы» остроумно вписаны в фактуру и форму украшаемого предмета (окончание резного клыка, рукоять кинжала), и тогда скрытый смысл изображения становится предельно конкретным.

Изображения, выполненные на золотой фольге, очень близки по особенностям жертвенной позы (ноги свисают по диагонали относительно тела). Различие в данном варианте состоит лишь в том, что две фигурки из Чиликты более изящны⁴⁵. Костяной гребень из Тоора-Хем с ручкой-навершием в виде кабана по изяществу зооморфного украшения более всего близок чиликтинским находкам⁴⁶. Подобные варианты датируются VII в. до н. э.

Более массивная фигурка, гравированная на фольге, найдена в мужском погребении центрального кургана могильника Ключи. А.Н. Телегин отметил, что по погребальному обряду этот комплекс близок материалам сакских памятников Чиликты, Тагискена и Уйгарака и его можно датировать VI–V вв. до н. э.⁴⁷ По мнению Е.Ф. Корольковой такие украшения из золотой фольги могут являться нашивными бляшками⁴⁸.

К указанной группе следует отнести также бронзовую бляшку из Карагалинска, которая по стилистике близка золотому варианту из Ключей⁴⁹. Фигурка вепря здесь такая же массивная, с большой и тяжелой головой. Аналогично наскальное изображение кабана из аула Тамураши⁵⁰.

Другой вариант составили изображения на камне, кости и металле, на которых показаны жертвенные вепри с ногами, сви-

---

⁴⁵ Артамонов М.И. Сокровища саков... Рис. 36, а, б.

⁴⁶ Дэвлет М.А., Косых Т.Н., Цыбиктаров А.Д. Раскопки в Тодже // АО 1975 года. М., 1976. С. 239.

⁴⁷ Телегин А.Н. Раскопки в Кулунде // АО 1996 года. М., 1997. Рис. 43.

⁴⁸ Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб., 2006. С. 236.

⁴⁹ Грязнов М.П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. М., 1956. Вып. 61. Рис. 4, б.

⁵⁰ Черников С.С. Наскальные изображения верховий Иртыша // СА. М.; Л., 1947. Вып. IX. Рис. 15, 1.

сающими перпендикулярно телу. На клыке из Новопривольного фигурка вписана в широкое окончание, что придает сюжету впечатление присутствия жертвенного столба⁵¹. Голова зверя опущена, пасть с торчащим клыком приоткрыта. По образному выражению Е.К. Максимова кабан изображен стоящим «на цыпочках»⁵², это крайнее выражение безжизненного состояния зверя с безвольно свисающими книзу ногами. Таковую же позу и контекст жертвенного столба мы видим на навершии бронзового кинжала VIII в. до н. э. из царского кургана Аржан⁵³.

В таком же стилевом исполнении показаны жертвенные кабаны на камне из Аржана⁵⁴. Если учесть ярко выраженную сакрализованность объекта, то можно предположить, что здесь мы видим конкретную информацию о видовом составе и количестве диких животных, принесенных в жертву при погребении царственной особы в этом кургане.

***

В мировой изобразительной практике образ кабана получил основное развитие в раннем железном веке, приблизительно в период с VIII в. до н. э. по I–II в. н. э. В это время возникают многочисленные трактовки вепря в разнообразных фактурах (камень, бронза, золото, кость, рог, органические материалы) и функционально различных группах предметов (украшения, оружие, инсигнии власти, сакральные атрибуты). В многочисленных вариантах микропластики образ вепря воплощался как полнофигурно, так и в редуцированном виде (головы, протомы).

Проведенный в данной работе анализ известных изображений и образно-логическая систематизация показали четкую канонизацию мотивированных поз этого зверя, которые в системе моделирования последовательного алгоритма являются отражением фиксации в комплексе исторической памяти некоего универсального мифа, соответствующего значимым идеологическим реалиям первобытного общества. Вместе с тем, готовый миф эпо-

---

⁵¹ Максимов Е.К. Указ. соч. Рис. 1, 1.

⁵² Там же. С. 211.

⁵³ Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980. Рис. 11, 3, 4.

⁵⁴ Там же. Рис. 29, 2.

хи раннего железа, адресованный полузабытой героике с участием вепря, – не более чем фрагмент общеисторической «эволюции знаковых форм»⁵⁵. В этом дискретном процессе множество парадоксов, подчиненных диалектическим непреложностям, но нам в особенности интересно то, что древнейшая охотничья идея, направленная на фиксацию главных драматических сюжетов промысла проходит красной линией от палеолита до наших дней, а в скифском искусстве находит свои ярчайшие проявления. Суть парадокса в неизменности сформировавшейся психологии Человека разумного.

Изначально заложенная в мужской психологии, парадигма борьбы и преодоления произвела великие шедевры пещерного творчества и современные полотна батального жанра, неандертальские гриффады и скифский звериный стиль, героические эпосы древних ариев и охотничьи рассказы новейшей литературы. В их основе присутствует побудительный универсум, сыгравший ключевую роль в происхождении мирового искусства, – глубокие эмоции и яркие переживания, связанные с борьбой за жизнь и продолжение человеческого рода. В данном контексте позднемустьеерские экспозиции с костями пещерного медведя из альпийского Драхенлоха⁵⁶ и дискретный изобразительный миф с кабаном из степной Евразии скифской эпохи – явления одного порядка, но разных идейно-хронологических уровней. Скифское искусство решало очень многие задачи по фиксации исторической памяти, но именно образ вепря получил в зверином стиле наиболее полно развернутую мифопоэтическую трактовку, заключенную в кодифицированную схему «жизнь-борьба-смерть-жертвоприношение».

---

⁵⁵ Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. М., 1985. С. 135.

⁵⁶ Там же. С. 144–145.

УДК 75(470)+929 Свиньин

ВИРТУАЛЬНЫЙ «МУЗЕУМ» ПАВЛА СВИНЬИНА – ЗАБЫТАЯ СОКРОВИЩНИЦА РУССКОГО ИСКУССТВА¹

Е.А. Вишленкова

Государственный университет – Высшая школа экономики,
Институт гуманитарных историко-теоретических
исследований им. А.В. Полетаева
E-mail: evishlenkova@mail.ru

В статье рассматривается ныне забытый проект создания «русской школы» живописи и сокровищницы русского национального искусства. В журнале «Отечественные записки» и в иллюстрированных книгах Павел Свиньин утверждал место России в мире искусства, аргументировал признаки художественной русскости. Анализ этого проекта позволяет увидеть историю становления искусствоведческого дискурса и его участие в порождении национальной солидарности.

Ключевые слова: русское искусство, русскость, национальное сознание, национальные образы, живопись, искусствоведческий дискурс.

VIRTUAL MUSEUM BY PAUL SVINJIN – FORGOTTEN THESAURUS OF THE RUSSIAN ARTS

E.A. Vishlenkova

The author explores forgotten project of creation of the ‘Russian painting school’ and thesaurus of the Russian arts. Due to journal ‘Otechestvennie zapiski’ and illustrated editions Pavel Svinjim had been institutionalizing the role of Russia in the arts world, designing the treats of the graphical Russianness. Analyze of his project allows to reconstruct of emergence of dis-

---

¹ Индивидуальный исследовательский проект № 10-01-0023 «Визуальное народоведение Российской империи второй половины XVIII – первой трети XIX веков» выполнен при поддержке Программы «Научный фонд ГУ-ВШЭ».

course of art criticism and its participation in construction of national solidarity.

Key words: Russian arts, Russianness, national consciousness, national images, painting, discourse of art criticism.

Имя Павла Петровича Свиньина было известно каждому читающему человеку в России 1810–1840-х годов. Издаваемый им журнал «Отечественные записки» и иллюстрированные книги были популярны и расходились в продаже большими тиражами. Сейчас они большей частью забыты, а его рассуждения о «русскости» и «русском искусстве» оцениваются как архаичные и наивные. Однако это ретроспективный взгляд на вещи, порожденный изменившимися представлениями о «нации» и «национальном». Историческое значение творчества Свиньина состоит в том, что его публикации порождали в современниках чувство «русской солидарности», побуждали их размышлять на национальные темы, гордиться художественными произведениями российских мастеров. В связи с этим я полагаю, что они должны рассматриваться в контексте истории русского национализма и становления искусствоведческого дискурса. Его рождение в России было частью борьбы за канон, т. е. за нормы создания, критерии оценки и сортировки художественных произведений.

В пространство действия западных художественных канонов Россия вступила довольно поздно – в конце XVIII века. Сама по себе её интеграция стала возможной лишь после обособления в среде российских элит слоя «любителей изящного». С этого времени в обсуждении критериев, назначения, сферы применения канона стали принимать участие не только выпускники Академии художеств, но и художники-любители, а также «критики», т. е. «просвещенные» современники, не участвовавшие в художественном производстве. Именно они присвоили себе сначала право судить о «настоящей красоте», «возвышенном» и «прекрасном», оценивать изящество произведений, осуществлять их сортировку, а потом и право пропагандировать отобранное соотечественникам, объясняя зрителям скрытые смыслы и значения. Они же объявили впоследствии Россию приоритетным объектом художественного увековечивания и потребовали от создателей изобразительных произведений «патриотиз-

ма», выраженного в сотворении привлекательных образов страны и ее людей.

Относительно позднее вхождение в поле действия западных художественных канонов предопределило специфические черты российского эстетического сознания. Во-первых, для него характерно усвоение ранее существовавших в Западной Европе конвенций без учета их генеалогии и внутренних противоречий (в результате чего они были восприняты как единый пакет «цеховых норм»). Вторая особенность состояла в том, что заключение собственных договоренностей шло в контексте становления национализирующего дискурса. Поэтому проблематизация художественного канона оказалась связанной с вопросом о необходимости формирования сокровищницы русского искусства².

Желание сделать Россию субъектом и объектом мирового искусства отчетливо зазвучало в отечественной публицистике с конца 1810-х годов. Тогда же появились заявления о российской специфике понимания красоты и необходимости её учёта русскими живописцами. Предполагалось, что ориентация художника на вкус местных потребителей, а в более широком смысле и на отечественную культурную традицию, может стать основой для образования особой «русской школы» живописи.

Правда, поначалу о ней говорили лишь как о посильном вкладе России в «большую культуру». «Есть ли обстоятельства, – предсказывал К.Н. Батюшков, – позволят живописцу заниматься постоянно сочинением больших картин, то можно ожидать, что он, утвердись в выборе, в употреблении и согласовании красок и познакомясь со многими механическими приемами (тайны, которые должен угадывать художник в живописном деле) при твердой, правильной и красивой его рисовке, при изобретательном и благоразумном даровании, со временем не уступит лучшим живописцам Итальянской, Французской и Испанской школы»³. В

---

² См.: Вишленкова Е.А. Сокровищница русского искусства: история создания (1780–1820-е годы). Препринт ГУ-ВШЭ. WP6/2009/03. Сер. WP6. Гуманитарные исследования. М., 2009. – 63 с.

³ Прогулка в Академию художеств // Сын Отечества. 1814. Ч. 18. № 50. С. 176.

этом пассаже очевидно понимание «русского» как художественного производства, подчиненного западным нормам.

Возможность рождения отечественной школы живописи поэт увязывал не только с совершенствованием художественного производства, но и с появлением в России писателей-искусствоведов, своего рода посредников между властями, творцом и зрителем. «В Париже, – делился он впечатлениями от жизни во Франции, – художники знают свою выгоду. Они живут в тесной связи с писателями, которые за них сражаются с журналистами, со знатоками и любителями, и проливают за них источники чернил»⁴. Пока в России таких специалистов нет (а значит, некому придать форму художественному поиску), а потому некому развивать художественное воображение зрителей⁵.

Таким образом, в отличие от XVIII в. в российской послевоенной публицистике речь шла уже не только о приобщении соотечественников к универсальному «вкусу» и к мировой классике, а о возможности участия зрителей в оценке художественных произведений. При отсутствии публичного обсуждения творений живописцев «русская школа», как полагал Батюшков, останется уделом будущего.

Но, как оказалось, это будущее было ближе, чем представлялось современникам. Уже в 1818 г. в России появился журнал, специально посвященный «русскому искусству». Его издатель Павел Петрович Свиньин был человеком, на редкость подготовленным для обсуждения художественных проблем⁶. Воспитанник Благородного пансиона при Московском университете и выпускник Академии художеств (1806–1810), он имел опыт длительного пребывания в Старом и Новом Свете (1810–1816). Похоже, что именно знакомство с европейскими формами интеллектуальной жизни подвигло его на новое предприятие – создание искусствоведческого языка описания России и «всего русского». Пространством и способом реализации данного намерения стал основанный им журнал «Отечественные записки».

---

⁴ Прогулка в Академию художеств... С. 214.

⁵ Там же.

⁶ Ковалева Л., Резепин П. Предисловие // Свиньин П. Американские дневники и письма (1811–1813). М., 2005. С. 6.

В конце 1830-х гг. И. Делакроа оценивал его как издание «неоспоримо более других распространившего в прошедшем десятилетии любовь и уважение к родному, народному, Русскому»⁷. Но, приступая к изданию, свою посредническую роль Свиньину еще предстояло отстоять, т. е. добиться интереса и доверия к своему журналу читателей. Доказывая перед ними собственную компетентность в искусствах, редактор ссылался на свою принадлежность к художественной корпорации, знание и признание её законов. Именно это обстоятельство, как он полагал, давало ему право на критику собратьев и на воспитание зрителей. «Ограничимся единственно предостережением наших читателей, – писал он, – от суждений некоторых знатоков-самозванцев в искусствах, кои высокопарно, начиненными неуместною ученостию описаниями думают показать себя просвещенными судьями и закрыть пристрастие ими руководившие»⁸.

Действуя в рамках принятого в Академии художеств классицистического канона, Свиньин утверждал наличие мировой универсальной сокровищницы искусства, существование которой возможно благодаря автоматизму визуального удовольствия⁹. Соответственно, назначение критика виделось ему в том, чтобы отделять «зерна от плевел» и приобщать профанных зрителей к неприкасаемой «классике», т. е. знакомить с художественными правилами. В этом качестве Павел Петрович взялся описывать не только выставки Академии, но и частные коллекции, выявляя в них произведения «хорошего», или «изящного» вкуса.

Вторая задача, которую он ставил перед собой, – обнаружить «русские творения» и «русских художников», собрав их произведения и имена на страницах «Отечественных записок». Составив своего рода виртуальную галерею, он рассчитывал утвердить за Россией статус полноправного члена мирового художественного

---

⁷ Делакроа И. Предисловие издателя // Свиньин П.П. Картины России и быт разноплеменных ее народов из путешествий П.П. Свиньина, изданные И. Делакроа с портретом автора. Ч. 1, содержащая 40 гравюр на стали. СПб., 1839. С. II.

⁸ Свиньин П.П. Открытие Академии художеств и чрезвычайное оной собрание // ОЗ. 1820. Ч. 4. № 6. С. 271.

⁹ [Он же.] Выставка в Императорской Академии художеств // Там же. 1827. Ч. 32. № 90. С. 130.

производства. «Как иностранцам, – убеждал Свиньин, – иметь об нас верное понятие, когда мы сами себя не знаем; как им на счет нас не заблуждаться, когда мы сами себя не понимаем?»¹⁰ В этом отношении он чувствовал себя первооткрывателем культурных миров и создателем нового знания об отечестве.

Оглядываясь назад, Павел Петрович говорил о времени учреждения своего журнала как о другой культурной эпохе, в которой ему пришлось выдержать сопротивление, пройти сквозь непонимание и кривотолки. Это в 1830-е гг. его идеи о «русской школе» стали общим местом. И в том, что это так, он не без оснований видел собственную заслугу и личное достижение.

Текстов, зафиксировавших реакцию на его проект соотечественников, не много. Один из них Свиньин опубликовал в своем журнале. Анонимный корреспондент благодарил издателя: «Вам, м[илостивый] г[осударь], кажется, предоставлено Провидением искапывать Русские сокровища гения из Российских рудников. Вы доказали истинную любовь и принесли пользу своему отечеству, указавши России на её сокровища <...> Вы неутомимо отыскиваете их в хижинах, в мастерских; гоняетесь за ними во все пределы обширной Империи нашей, ходатайствуете за них и, наконец, выводите их на поприще полезных трудов и славы»¹¹.

Одновременно с этим Свиньин приступил к публицистическому обзору и анализу произведений, демонстрируемых публике на выставках Академии художеств. Подражая Д. Дидро, который в 1751–1781 гг. публиковал свои впечатления о посещении салонов Королевской Академии живописи, он рассказывал читателю о ценности выставленных полотен и скульптур. В соответствии с британской системой, все они были распределены по жанрам – историческая, ландшафтная, портретная живопись и произведения скульптуры. Работы мастеров и учеников экспонировались отдельно.

В ходе виртуальной экскурсии по залам Академии Свиньин ввел дополнительное разделение, отдельно описав произведения

---

¹⁰ [Свиньин П.П.] Первое письмо из Москвы. Частные библиотеки, Галереи, разные Кабинеты и русские художники // ОЗ. 1820. Ч. 1. № 2. С. 238.

¹¹ Иль-Радо. О русском художнике Тарасе // Там же. 1823. Ч. 14. № 36. С. 131–132.

«русские» и «иностранные». Критерием для отнесения произведения к той или другой категории в данном случае служило физическое проживание художника в пределах или за пределами Российской империи. Впрочем, как видно, граница была довольно изменчивой: картины российского поляка А. Орловского и давно живущего за границей В.К. Сазонова были отнесены к «русским».

В 1820 году критик посчитал, что экспонаты выставки не позволяют утверждать наличие «русской школы». Основанием для неутешительного приговора послужила малочисленность работ, оказавшихся в рубрике «русские». И, судя по последующим публикациям, тогда же Свиньин решил наполнить эту рубрику произведениями неизвестных миру «русских левшей». Ему как обладателю особых чутя и зрения предстояло стать открывателем талантов – ездить по стране, отыскивая безымянных гениев и делая известными миру их шедевры. Обнаружив в глубинке России очередной талант, Свиньин писал: «Имею удовольствие познакомить отечественную Публику с новым Русским феноменом, могу подарить обществу нового члена, заслуживающего дарованиями своими общего содействия к усовершенствованию их и обращению на пользу общую»¹².

Ради искомой школы издатель считал необходимым расширить границы самого понятия «искусство» за счет введения в него самобытных творений. Очевидно, он исходил из посыла, что «русское в искусстве» – это произведения, созданные руками, душой и сердцем российских простолюдинов. Подобно немецким интеллектуалам, воспевающим национальный талант крестьянских поэтов и самоучек¹³, Свиньин призывал соотечественников приобщиться к народной кладовой¹⁴. Соответственно, объектами его описаний, а следовательно, и внимания читателей стали не столько профессиональные художники и скульпторы, сколько каменотесы, лубочные мастера, искусные пряжи, изобретатели, кукольники, раёшники. В первом же номере издания были размещены статьи

---

¹² [Свиньин П.П.] Сибиряков, природный стихотворец // ОЗ. 1819. С. 96.

¹³ Люзебринк Х.-Ю. Цивилизация // Мир Просвещения: ист. словарь / под ред. В. Ферроне и Д. Роша. М., 2003. С. 179.

¹⁴ Свиньин П.П. Письмо 3-е о Русском Заводчике // ОЗ. 1818. Ч. 1. С. 238.

с характерными названиями: «О Русском Химике», «О Русском Механике», «Приключения Суханова, природного Русского Ваятеля», «О Русском заводчике». «Постараемся, по крайней мере, – писал он, – показать Русским, что и между ними есть много людей достойных во всех отношениях, во всех состояниях и званиях; людей с отличными дарованиями и благородными чувствами»¹⁵. Благодаря его публикациям, способность к художественному творчеству становилась своего рода идентификационным знаком России, делала её просвещенной и самодостаточной.

Вместе с тем, Свинын не раз задавался вопросом: «А много ли сих идеалов совершенства?» Ретроспективно отечественные искусствоведы описывают художественную жизнь России той поры как весьма вялую и фрагментарную.

Развитие русского искусства, – писал В.С. Турчин, – выглядит довольно стройным, когда рассказы об отдельных мастерах следуют, написанные друг за другом, более того, там намечается и какая-то определенная эволюция (казалось бы). Тем не менее, это искусство хаотично, и вообще как-то по-особому пустынно. Даже когда мастеров собирают вместе в «рассказанной» истории искусства, ничего не имеющей общего с реальной, поражает, как их мало¹⁶.

Однако Свинын был преисполнен пафоса открытия и созидания, а потому уверял соотечественников, что «гении всегда и везде редки»¹⁷ или что гений «не принадлежит ни веку, ни стране, ни состоянию»¹⁸. Повторяемые вновь и вновь, данные сентенции позволяли сблизить художественную ситуацию в России с другими странами, представить пространство европейской художественной культуры более гомогенным, нежели оно было в действительности.

Ссылаясь на опыт собственных знакомств, Свинын убеждал читателей, что невидимое реально наличествует. Если его не видно, это

---

¹⁵ [Свинын П.П.] Третье письмо в Москву. О изобретателе Кукине // ОЗ. С. 224.

¹⁶ Турчин В.С. Александр I и неоклассицизм в России: стиль империи или империя как стиль. М., 2001. С. 145.

¹⁷ [Свинын П.П.] Выставка в Императорской Академии художеств... С. 132.

¹⁸ [Он же.] Сибиряков, природный Стихотворец... С. 95.

еще не значит, что его нет. «В заключение письма моего, – писал он в 1820 г., – познакомлю я тебя с отличными Русскими художниками в Москве. Их очень много и некоторые с большим дарованиями, но, не имея случая усовершенствоваться изучением оригиналов или выставить свои труды на суждение публики, что делается во всех столицах, они остаются в неизвестности и не занимаются ничем, могущим прославить их таланты»¹⁹. Соответственно, «русское» затемнено и неизвестно в мире искусства потому, что правительство и интеллектуалы мало сделали для его высвечивания, считал критик.

Вторая причина малого числа известных стране и миру отечественных художников, по мнению Свинына, заключалась в том, что культурная зависимость Российской империи от Западной Европы поставила местную художественную продукцию в дискриминационное положение. В результате творения отечественных мастеров ценятся заведомо ниже их иностранных коллег, в том числе и в самой России. Своими силами российские художники не могут преодолеть этого предубеждения, так как не владеют языками элит²⁰. В связи с этим задача «любителей изящного» виделась в том, чтобы защитить отечественные таланты, стать посредниками в их общении с элитарными зрителями и ценителями. Писателям предстояло изменить общественное мнение в пользу российского производителя²¹. Это было бы возможным при условии, что отечественные элиты преодолеют чувство собственной неполноценности и усвоят чувство национальной гордости. «Но как не хотеть... – восклицал он, – не почитать счастьем быть Русским – принадлежать нации великой, благородной, великодушной?»²²

Своим творчеством Свинын не разрушал канона «идеальной формы» и даже не подвергал его сомнению. Он лишь доказывал, что в России много произведений, а среди ее жителей много художников, работы которых соответствуют его нормам. Что отли-

---

¹⁹ [Свинын П.П.] Первое письмо из Москвы... С. 234.

²⁰ Там же. С. 236–237.

²¹ [Он же.] Шубин, Казаманов и Немиллов, художники достойные покровительства // ОЗ. 1820. Ч. 3. № 6. С. 83.

²² [Он же.] Третье письмо в Москву... С. 221.

чает «совершенного художника» по Свиньину? Достоинства выбранной темы, верность и тщательность изображения, «дар избирать лучшую сторону описываемых им предметов, счастливо схватывать главные отличающие их черты и строго наблюдать им одним свойственный характер»²³. Все эти требования вполне созвучны академическим трактатам.

Априорно желаемая «русская школа» виделась Свинину как своего рода локальная корпорация художников. Ориентируясь на представление Дж. Вазари о логике развития искусства, он составлял антологию русской живописи как биографический нарратив. На страницах «Отечественных записок» он публиковал персональные истории отечественных художников, многих из которых знал лично. Темпоральная вертикаль таких рассказов создавала впечатление непрерывной летописи и последовательно разворачивающейся логики развития. Каждая история являлась не только вехой пройденного пути развития, но и была представлена как типичная для большей части россиян. «Частная жизнь Суханова, – объявлял издатель очередную находку, – не менее любопытна и заключает в себе некоторые национальные черты Русского характера»²⁴.

В просвещенческий дискурс «Отечественных записок» укладывается понимание роли А.Г. Венецианова и «венециановцев». Приветствуя тему «народности» в изобразительном искусстве, издатель не касался технологических вопросов её раскрытия. Он рассказывал читателю о дидактическом эксперименте художника, о том, при каких обстоятельствах каждый ученик попал к учителю, об особенностях характера Венецианова, прогнозировал, каких успехов можно ждать от него в будущем.

Виртуальную (на страницах «Отечественных записок») и реальную (в собственном доме) коллекции русской живописи Свиньин составлял одновременно. В 1829 г. он опубликовал опись предметов, образующих его собственный «Русский музей». То, что в данном случае речь шла о презентации России, а не «русскости», подтвер-

---

²³ [Свиньин П.П.] Русский Художник, совершивший путешествие к Святым Местам // ОЗ. 1822. Ч. 11. № 28. С. 246.

²⁴ [Он же.] Приключения Суханова, русского природного ваятеля // Там же. 1818. Ч. 1. С. 190.

ждает авторское предисловие. Каталог открывался пафосным вступлением: «Нет на Свете земли, которая бы имела способы, равные России, для составления Отечественного Музеума, столь разнообразного и богатого во всех отношениях <...> Исследуя с беспристрастием степень успехов наших в Художествах, я нашел основательные причины думать, что есть возможность составить Русскую школу, если употребить старание приобретать те произведения Русских Художников, кои совершены ими были в первых порывах огня и честолюбия»²⁵.

Как явствует из каталога, всего Свиныну удалось собрать 82 произведения 41 художника: А.А. и Ф.Я. Алексеевых, А.И. Бельского, К.П. Брюллова, Ф.А. Бруни, А.Г. Варнека, А.Г. Венецианова, Р.М. Волкова, М.Н. Воробьева, А.Е. Егорова, К.А. Зеленцова, А.А. Златова, О.А. Кипренского, М.Г. Крылова, С.С. Курляндцева, Д.Г. Левицкого, И.И. Летунова, А.П. Лосенко, А.М. и Ф.М. Матвеевых, Н.А. Майкова, А.Е. Мартынова, А.О. Орловского, И.Я. Пескорского, В.К. Сазонова, А.А. Сергеева, Н.А. Синявского, М.А. Скороспелова, П.П. Свинына, П.И. Соколова, В.А. Тропинина, А.В. Тыранова, В.К. Шебуева, Я.А. Швецова, Семена Федоровича и Сильвестра Феодосьевича Щедриных, С.С. Щукина, Н.Г. Чернецова, Г.И. Угрюмова, И.П. Якимова и И.Е. Яковлева. Предметы декоративно-прикладного искусства и народного творчества собиратель описал в рубрике «Собрание воспоминаний».

Такой была созданная Свиныным национальная сокровищница. Ей не была суждена долгая жизнь. С точки зрения имперских интересов и репрезентации России, её состав был скудным и неубедительным. Действительно, значительную часть представленных в ней имен сейчас трудно отыскать даже в специальных справочных изданиях, не то что обнаружить среди «классиков» живописи. А в контексте сложившегося позднее национального дискурса, созданный Свиныным национальный музей представлялся лишенным главной идеи и критерия отбора – «русского стиля». В связи с этим Н.Н. Врангель писал в начале XX в.: «...Либо в современной “петербургской” России мало что сделано чисто славянской расой, либо

---

²⁵ Краткая опись предметов, составляющих Русский Музей Павла Свинына. СПб., 1829. С. 4.

многое, что мы считаем “своим” и “отечественным”, только кажется нам таковым. Ведь не признаем же мы «чисто-русскими» дона Сальватора Тончи, прозванного в Москве Николаем Ивановичем, Ореста Кипренского – сына Адама Карловича Швальбе, “отца русского жанра” Венецианова – из фамилии Фармакки Венециано, и Карла Брюлло, получившего “вэ твердый знак” по Высочайшему повелению?»²⁶.

Реакция барона Врангеля есть результат победы иной версии «русского искусства». Главный оппонент Свинына – издатель «Журнала изящных искусств», секретарь Общества поощрения русских художников В.И. Григорович утверждал, что это не есть простая сумма художественных работ жителей Российской империи. И если Свинын локализовал «русскую школу» в пространстве (в границах Российской империи), то Григорович – во времени (она представляла результатом развития этнического самосознания). Свинын пропагандировал местночтимые «образцы» и даже прибегал к приёму циклопичности (представляя культурно значимые объекты неоправданно большими). Григорович же от лица «русского искусства» вступал в равноправный диалог с европейской классикой²⁷.

Развитие «русской школы» издатель «Журнала изящных искусств» ставил в зависимость от местной визуальной культуры, порожденной опытом эмпирических наблюдений. Во время своего становления она впитала технические достижения западных «школ», но ей свойственны специфические нормы показа и видения²⁸. Это было провозглашением принципа живописности в русском искусстве, утверждавшего красоту некрасивого.

Подобно Свиныну Григорович попытался написать историю «русской школы», но это была не кладовая произведений, а генеалогия художественной традиции. Другое дело, что поскольку историю

---

²⁶ Врангель Н.Н. Иностранцы в России // Врангель Н.Н. Венок мертвым. СПб., 1913. С. 175.

²⁷ См.: [Григорович В.И] О состоянии художеств в России // Северные Цветы: альманах на 1826 г. / сост. барон Дельвиг. СПб., 1827. С. 22.

²⁸ См.: Он же. Разбор Караважевой картины: Мучение Св. Апостола Петра, находящейся в Имп. Эрмитаже // Журнал изящных искусств. 1823. Ч. 1. № 1. С. 74–75.

живописи он сопрягал с историей этнической группы, а не государства (к тому времени более или менее разработанной трудами В. Татищева и Н. Карамзина), то её запутанный генезис и отсутствие научных изысканий в данной области не позволили ему утвердить её континуитет.

«Изящный», но нелюбезный спор Свинына и Григоровича был первой артикуляцией искусствоведческого видения национального и первым столкновением в пространстве художественного воображения просвещенческой парадигмы (в которой категория «русский народ» применялась ко всем подданным Российской империи и представляла его политической нацией) и романтического дискурса «народа» как культурного и этнического феномена. В правление Николая I и в идеологическом контексте «особого пути» версия русского искусства Свинына подверглась архаизации, а версия Григоровича стала основой для разработки «русского стиля»²⁹.

---

²⁹ О реализации такого проекта в 1830-е гг. см: *Жабрева А.Э.* «Страстный любитель точности в костюмах»: Штрихи к творческому портрету А.Н. Оленина // Российская национальная библиотека и отечественная художественная культура: сб. ст. и публикаций. СПб., 2002. Вып. 2. С. 127–135.

УДК 94(47).081/.083+311.313(470-89)(09)+929

ВОСПОМИНАНИЯ ЗЕМСКИХ СТАТИСТИКОВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

С.В. Лёвин

Балашовский институт (филиал)
Саратовского государственного университета,
кафедра истории
E-mail: serg.lewin@yandex.ru

Изучение социально-экономического развития крестьянского хозяйства пореформенной России, истории земства, невозможно без использования такой категории источников, как воспоминания земских статистиков. В них объективно отражены события общественно-политической жизни страны второй половины XIX – начала XX века. Воспоминания земских статистиков содержат и анализ методологии статистических исследований. В статье рассматриваются мемуары, как самих статистиков, так и земских деятелей, экономистов и публицистов, в той или иной мере связанных с земской статистикой.

Ключевые слова: Воспоминания, губерния, земские статистики, земская управа, крестьянское хозяйство, подворные переписи, статистический отдел.

MEMOIRS OF ZEMSTVO STATISTICIANS AS A HISTORICAL SOURCE

S.V. Lyovin

The study of socio-economic development of the peasant household in the period after the reform in Russia, the history of zemstvo is impossible without using such a group of sources as memoirs of zemstvo statisticians. The events of social and political life of the country of the second half of the 19 century – the early 20 century are objectively exposed in them. Memoirs of zemstvo statisticians also contain an analysis of the methodology of statistical research. The articles deals with memoirs of both statisticians and zemstvo ac-

tivists, economists and publicists who are one way or another connected with zemstvo statistics.

Key words: Memoirs, a gubernia, zemstvo statisticians, a municipal council, a peasant household, household censuses, the department of statistics.

Одним из ценных источников по социально-экономической истории России пореформенного периода являются воспоминания земских статистиков. Земская статистика – уникальное явление в русской общественной жизни. Её появление было вызвано практическими потребностями земства и, прежде всего, необходимостью иметь чёткое представление об экономическом положении крестьянского хозяйства, с целью обложения его земскими налогами. Статистические данные требовались также при открытии земских больниц и школ. С расширением внутреннего рынка страны возникла необходимость бюджетных исследований, учитывающих доходы и расходы населения.

Специальные статистические отделы (бюро) стали появляться при губернских земских управах в 1870-х гг. и к середине 1880-х гг. существовали почти во всех земских губерниях. Их возглавляли специалисты, настоящие энтузиасты своего дела. Подавляющее большинство заведующих земскими статистическими отделами, так или иначе, участвовали в народническом движении 70-х гг., но, разочаровавшись в нелегальной революционной деятельности, отошли от неё и поступили на земскую службу, сохраняя при этом, в значительной мере, верность народническим идеалам, выразившимся в стремлении «узнавания народа» и, насколько возможно, «служения» ему.

Условно мемуары земских статистиков можно разделить на следующие группы: а) воспоминания, отражающие события общественной жизни страны конца XIX – начала XX вв. и участие в ней земских статистиков; б) свидетельства статистиков, в которых рассматриваются актуальные вопросы их профессиональной деятельности, анализируются способы и методы собирания первичного статистического материала, приёмы его научной обработки и группировки, а также, приёмы построения таблиц в ко-

торые сводился цифровой материал. Довольно значительную группу мемуарных источников составляют воспоминания о самих земских статистиках их близких, знакомых, государственных и общественных деятелей, т. е., лиц, далёких от статистики.

Достаточно полно общественную деятельность земских статистиков осветил в своих воспоминаниях видный общественный деятель, публицист и земский статистик И.П. Белоконский. Необходимо отметить, что кроме собственно мемуаров он написал также несколько работ по истории земства. В них, анализ событий, современником которых был автор, тесно перемежается с его воспоминаниями. Рассматривая состав земских статистических бюро в самом начале их функционирования, И.П. Белоконский писал: «Первые кадры их, несомненно, образовались из активных народников, тех, что или «ходили» ранее в «народ», или видели в экспедиционных работах осуществление их мечты – проникнуть легально в народную среду и детально изучить её. Вообще в первое время земскими статистиками делались люди принципиальные, искренно стремившиеся принести народу пользу, как они её понимали; и только этим обстоятельством можно объяснить быстрое развитие земской статистики при самых неблагоприятных условиях для статистиков. В самом деле, служба статистическом бюро не только не делала карьеры, но, наоборот, компрометировала каждое лицо, вступившее в него, накладывая неизгладимое клеймо неблагонадёжности. Затем, оплата статистического труда была нищенская, а он требовал массы времени и сил, не говоря уже о тех лишениях, которые приходилось претерпевать статистику во время объезда сёл, деревень и хуторов. Но идейные люди всё это выносили, не замечая даже трудности своего пути»¹.

Действительно, земские статистики в глазах правительства были лицами с «сомнительной политической благонадёжностью». По данным Департамента полиции в 1882 г. из 232 земских статистиков «76 или немного более одной трети (подчеркнуто в тексте документа. – С. Л.) всего их состава, представляются неблагонадёжными в политическом отношении»². В 1886 г. губернаторам всех земских губерний, градоначальникам и высшим чинам

---

¹ Белоконский И.П. В годы бесправия. Воспоминания. М., 1930. С. 49.

² ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. Оп. 78. 1882 г. Д. 625. Ч. 2 (3). Л. 177 об.

полиции был разослан циркуляр министра внутренних дел Д.А. Толстого, в котором говорилось следующее: «Представляется существенно важным, чтобы лица политически неблагонадёжные не допускались к занятиям земскою статистикою, а находившиеся уже на службе были отстранены от этих занятий»³. «Политическая благонадёжность», при подборе сотрудников для статистических отделов, губернской администрацией ставилась на первое место; все другие аспекты, в том числе, уровень профессиональной подготовленности, практический опыт, деловые качества рассматривались во вторую очередь. По образному выражению Б.Б. Веселовского, земский статистик для правительства являлся «синонимом неблагонадёжного лица», а статистические исследования социально-экономического положения крестьянских хозяйств, – «опасным в государственном отношении делом»⁴. «В земских статистиках, – писал «Вестник Европы», – одни видели пионеров нового метода, одинаково важного и в научном и в практическом отношении, другие – опасных агитаторов, которых не следует допускать в деревню»⁵.

Гонения, которым подвергалась, со стороны правительства земская статистика, зафиксированы практически во всех воспоминаниях земских статистиков. Так, в мемуарах В.Е. Варзара говорится, что в 1880-х гг. «всякая статистика вообще считалась наукой «подозрительной и даже вредной», а сам статистик всегда был неблагонадёжен в глазах жандарма. Но и в позднейшее время статистика считалась, если не бесполезным, то во всяком случае, второстепенным делом; все вопросы государственной важности решались «принципиально», на глазомер; к статистике прибегали в крайности, когда надо было в политических спорах одного сановника с другим подкузьмить своего противника какими-либо цифрами, хотя бы и сомнительными, но с ног сшибательными»⁶. «Земские статистики представляют из себя одну из видных и типичных групп земской интеллигенции. Обвинение во влиянии на общий ход земского дела к ним предъявляется чаще, чем к какой либо другой категории зем-

---

³ ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. Оп. 82. 1886 г. Д. 761. Л. 15.

⁴ *Веселовский Б.Б.* История земства за 40 лет: В 4 т. СПб., 1911. Т. 3. С. 471.

⁵ Из общественной хроники // ВЕ. 1898. Кн. 3. С. 439.

⁶ *Варзар В.Е.* Воспоминания старого статистика. Ростов-н/Д., 1924. С. 19.

ских служащих. <...>. Опытные и знающие статистики то и дело устранились от дела, на смену им не приходят или не успевают вырастать новые, а если и вырастают, то в один прекрасный день оказываются лишёнными возможности выступить в роли руководителей», – с сожалением констатировал земский статистик и общественный деятель А.В. Пешехонов⁷. «Гонения на представителей «третьего элемента в земстве» вообще, и на занимающихся исследованием народной жизни – статистиков – в частности, не имеют за собою разумных оснований, а потому являются большею частью совершенно напрасными. Зачем преследовать людей, поставивших задачей для своей деятельности исследование экономических условий народной жизни, – недоумевал земский статистик Д.М. Рихтер. – Работа их может принести только пользу, и единственный вред, могущий произойти, это – если собранные сведения окажутся неверными; но последнее обстоятельство быстро обнаружится, а следовательно может быть своевременно и устранено»⁸.

Заведующий самарским земским статистическим бюро И.М. Краснопёров просил уполномоченных, приехавших в Самару с целью выяснения причин и размеров голода, охватившего Поволжье, оказать содействие в том, чтобы статистическое бюро не закрыли. «На прощание, – вспоминал он, – уполномоченные пришли благодарить меня за оказанное им содействие.

– Мы у вас видели много английских и немецких книг, – обратился ко мне Ф.Ф. Оом, – скажите, пожалуйста, какие вам надо выписать иностранные книги, мы выпишем и вышлем вам... Мы так благодарны...

– Мне теперь не нужны никакие книги, а если понадобится, то сам выпишу. Пожалуйста, не беспокойтесь. Но если вы действительно желаете быть чем-нибудь полезным мне и вообще статистическому бюро, то сделайте так, чтобы нас статистиков не теснили, чтобы не мешали нам работать, не грозили бы нам постоянно закрытием статистического бюро.

– Кто же смеет закрыть вашу статистику, когда без неё и шагу теперь сделать нельзя? Ведь в этом и мы убедились.

---

⁷ Пешехонов А.В. Кризис в земской статистике // РБ. 1901. № 12. С. 185-186.

⁸ Рихтер Д.М. Земская статистика и её работы // ВЕ. 1904. Т. IV, кн. 7. С. 331.

- Кто смеет! Да все... губернатор, земство. Часто закрывают статистику только потому, что не понравится кому-нибудь, за то, что не так передан факт в сборнике»⁹. Данный разговор представляет собой яркую зарисовку той обстановки, которая сложилась в ряде губернских земств в неурожайный 1891 год.

Наряду с правительственными чиновниками отрицательно к земской статистике относились крупные помещные дворяне, для которых она, по образному высказыванию известного писателя и общественного деятеля В.Г. Короленко, «была вообще пугалом...»¹⁰. Не случайно, симбирский предводитель дворянства В.А. Оболенский, открывая губернское земское собрание 1897 года, категорично заявил: «Самое большое наше зло – это статистика и статистики, с которыми мы не можем бороться»¹¹.

В ряде земств негативно к статистике относились сами земские гласные, выступавшие даже за закрытие земских статистических учреждений при губернских управах. Вот как писала об этом в своих воспоминаниях жена руководителя саратовской земской статистики С.А. Харизоменова Е.А. Реброва-Харизоменова: «Много он потратил молодых сил, чтобы вырывать каждый год на земских собраниях необходимые мизерные суммы на ведение дела. Чего стоило убедить земцев, – и каждого в отдельности, и всех вместе – на собраниях в полезности вообще статистики, в серьёзности и достоверности тех знаний и истин, которые добываются статистическими исследованиями. Какие абсурды и дикости высказывали земцы на собраниях, какие обвинения возводили на статистику просвещённые земцы, так это смешно и вспомнить»¹². Тягостную атмосферу, царившую в рязанском земстве, особенно во время обсуждения результатов статистических работ, передаёт бывший гласный этого земства А.И. Кошелев, оставивший следующую запись в своём дневнике: «21 декабря 1882 г. Возвращался я из Рязань

---

⁹ Краснощёв И.М. 1891 год (отрывки из воспоминаний) // Мир божий. 1898. № 12. С. 52.

¹⁰ Короленко В.Г. Третий элемент // Короленко В.Г. Собр. соч.: В 10 т. / подгот. текста и примеч. С.В. Короленко. М., 1955. Т. 8. С. 273.

¹¹ Цит. по: Писаренко Э.Е. От земского статистика до заместителя председателя Совнаркома // ВС. 1970. № 12. С. 32.

¹² Реброва-Харизоменова Е.А. С.А. Харизоменов // Каторга и ссылка. 1924. № 4 (11). С. 267–268.

ского губернского собрания с самыми тяжкими чувствами. Вначале шло там очень сонно и дела продвигались медленно и почти безучастно со стороны гласных. Но вдруг Николай Муромцев обратил внимание собрания на изданный «Статистический сборник» и в особенности, приложенные к ним примечания и указал, как осуждаются в них помещики-дворяне. Он прочёл несколько отрывочных замечаний и возгорелись страшные обвинения и возражения. Затем, три дня были страшные скандалы. <...>. Затем, последовали бедовые постановления – об уничтожении вторых частей этих сборников, об увольнении всех статистиков и приглашении новых»¹³. Эти события настолько сильно подействовали на А.И. Кошелева, что он, в знак протеста, сложил с себя обязанности председателя и члена статистической комиссии, образованной при губернском земстве с целью рассмотрения итогов статистических исследований крестьянских хозяйств губернии.

Рассматривая данный аспект, нельзя не согласиться с мнением Н.М. Пирумовой, считавшей, что разногласия земских гласных с статистиками происходили «в наиболее политически отсталых земствах»¹⁴. В тех же земствах, где большинство гласных составляли лица с либеральными, прогрессивными взглядами, «земства, – по образному выражению И.П. Белоконского, – в большинстве случаев, горю стояли за статистику и статистиков, мужественно защищая от администрации»¹⁵.

Справедливости ради, стоит привести оценку земских статистических работ и характеристику статистиков и тех земских гласных, общественных деятелей, которые отнюдь не благоволили к земской статистике, полагая, что её содержание слишком дорого обходится земству, а сами статистики, во время своих разъездов по сёлам и деревням, ведут революционную пропаганду среди крестьян. Например, публицист консервативного направления К.Ф. Головин отмечал, что главным недостатком земской статистики являлось запаздывание выхода из печати статистических сборников, вследствие чего, содержащийся в них цифровой материал к моменту изда-

---

¹³ Записки А.И. Кошелева (1812–1883 годы). Берлин, 1884. С. 267.

¹⁴ Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977. С. 116.

¹⁵ Белоконский И.П. Земское движение. М., 1914 С. 36.

ния частично, а по отдельным вопросам полностью, устаревал. Сам же земские статистики в представлении К.Ф. Головина были революционно настроенной «провинциальной интеллигенцией»¹⁶.

Несмотря на трудности, земские статистики, тем не менее, продолжали свою работу, оставаясь при этом активными участниками общественно-политической жизни страны. Они стремились создать свои профессиональные объединения. Так, ещё в начале 1880-х гг. в составе юридического общества при Московском университете была образована секция статистики, на заседаниях которой обсуждались актуальные теоретические и практические вопросы статистики, разрабатывалась методология проведения статистических исследований. Важные проблемы, стоявшие перед земской статистикой, рассматривались на съездах русских естествоиспытателей и врачей.

Ценные свидетельства о работе данных съездов содержатся у И.П. Белоконского. Автор на основе собственных воспоминаний и с привлечением других источников показал, в общих чертах, процесс консолидации земских статистиков, как «третьего земского элемента», особо отметив состоявшийся в Москве в январе 1894 г. IX съезд русских естествоиспытателей и врачей, в работе которого в составе секции географии участвовали и земские статистики. «Это был замечательный съезд, отмеченный первым открытым выступлением земских статистиков», – вспоминал И.П. Белоконский¹⁷. Будучи сам непосредственным участником съезда, он указывает его состав, рассматривавшиеся на нём вопросы, даёт оценку, как работе подсекции статистики, так и активизации общественной деятельности земских статистиков, участвовавших в работе съезда. Общественная атмосфера, царившая накануне съезда в Москве, ярко и образно передана в мемуарах видного российского историка А.А. Кизеветтера: «В 1894 г. в Москве происходил IX-й съезд естествоиспытателей и врачей. При этом съезде была образована при географической секции подсекция статистики. Это дало возможность съехаться в Москву из разных губерний земским статистикам, составлявшим одну из наиболее влиятельных групп в земском «третьем элементе». Приезд земских статистиков очень оживил Москву. В различных частных

---

¹⁶ Головин К. Мои воспоминания: В 2 т. СПб., 1910. Т. 2. С. 207.

¹⁷ Белоконский И.П. В годы бесправия: Воспоминания... С. 92.

домах был устроен ряд политических обедов, на которых речи лились рекой, все в духе признания невозможности оставаться долее при старом порядке, который не удовлетворяет новым жизненным требованиям»¹⁸.

Образованная на IX съезде русских естествоиспытателей и врачей, подсекция статистики успешно функционировала и в работах последующих съездов.

Несомненный интерес в воспоминаниях земских статистиков представляют описания подворных переписей. Все участники переписей отмечали исключительную важность соблюдения статистиками психологического такта во время опроса крестьян на сходе, поскольку, как справедливо заметил видный земский статистик С.М. Блеклов «разъяснить на сходе крестьянам, что такое за штука эта «перепись» или «повирка», для чего она, что нет в ней никакой каверзы, вещь крайне трудная»¹⁹. «При начале переписи селения, крестьяне относятся обыкновенно с недоверием. Всецело от такта статистика зависит изменить подобное настроение на первых же порах требованием пунктуальных и точных ответов, уменьем деликатно показать крестьянам, что неправильность показаний ему ясна. Раздражаться, резко обличать во лжи безусловно вредно – это может повести к систематическому запирачеству. Выражение полного доверия к показаниям – лучшее средство получить правдивые ответы», – инструктировал своих сотрудников С.А. Харизоменов²⁰.

Надо отдать должное земским статистикам; во время проведения переписей крестьянских хозяйств они проявляли максимум терпения и деликатности по отношению к крестьянам. «Во время своих статистических разъездов, – вспоминал выполнявший обязанности счётчика П.И. Ковалёв, – я никогда ни с кем не вступал в принципиальные споры и, стараясь сам не высказываться, пытался побольше выспрашивать своих случайных собеседни-

---

¹⁸ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914. М., 1996. С. 141.

¹⁹ Блеклов С.М. За фактами и цифрами: Записки земского статистика. М., 1894. С. 71.

²⁰ Свод статистических сведений по Саратовской губернии / под ред. С.А. Харизоменова. Саратов, 1888. Ч. 1. С. 29.

ков»²¹. Статистик С.В. Кривуша указывал на исключительную важность соблюдения, во время проведения подворной переписи крестьянского хозяйства, «тактических соображений», с которыми «всегда приходится считаться статистику, в виду того, что перед ним проходят деревенские люди различных положений, – богатые и бедные, сильные и слабые, и надо показать, что для того дела, которое делает статистик, они все равны, от них всех просят одинаково правдивых ответов и одинакового доверия к «переписи»²².

Многие воспоминания земских статистиков содержат анализ способов и методов собирания первичных данных, приёмы их обработки, группировки и сведения в статистические таблицы. Особенно ярко это проявилось в воспоминаниях И.П. Белоконского, С.М. Блеклова, А.А. Кауфмана, А.А. Русова. К данной группе источников с полным основанием можно отнести обзоры земских статистических работ одного из идеологов народничества 1880-х – 1890-х гг., экономиста и публициста В.П. Воронцова. Они содержат обстоятельный разбор методологии земских статистических исследований. В.П. Воронцов очень высоко оценивал вклад земских статистиков в изучение главной производительной силы страны – крестьянского хозяйства, считая данные земской статистики более точными и полными, чем правительственной. «Нет никакого сомнения, – писал он в одном из своих обзоров, – что в приёмах исследования земских бюро немало промахов, в добытых ими цифрах – ошибок, в заключениях – поспешности и натяжек. Но решительно то же самое вы можете сказать о любой отрасли науки, не исключая самых точных из числа индуктивных, и если указанные недостатки достаточны для стеснения свободы научного исследования, в таком случае последнее должно, прежде всего, начаться с естествознания. Если же сравнить земскую статистику

---

²¹ *О-ский* [Ковалёв П.И.] В русской глуши: Из воспоминаний земского статистика // РМ. 1910. Кн. 3. С. 115.

²² *Волков С.* [Кривуша С.В.] «Вор он, а всё спасибо ему, – от него кормимся»: набросок земского статистика // Русская мысль. 1902. № 8. С. 66. О том же см.: *Светилин* [Харизоменов С.А.] Мирская душа: Очерки народного быта // Там же. 1881. Кн. 1. С. 71–88; Кн. 2. С. 35–49; Кн. 5. С. 58–78; *Щербина Ф.А.* Добрые обычаи и нравы // Там же. 1902. № 8. С. 36–58; *Белоконский И.П.* Маша. Из записок земского статистика // Там же. 1903. № 9. С. 51–70.

с однородною ей областью знания – официальной статистикой, то невозможно и сомневаться в том, какая из них заслуживает всяческого поощрения и развития и какая требует специальных мер для обеспечения верности собираемых данных»²³.

Воспоминания о земских статистиках – это, прежде всего, дань уважения их человеческим качествам, гражданской позиции, признание высокого профессионального уровня. Характеристики земских статистиков, главным образом заведующих губернскими статистическими отделами, присутствуют в воспоминаниях И.П. Белоконского, А.А. Кауфмана, А.В. Пешехонова, Д.И. Рихтера, А.А. Русова, А.Ф. Фортунатова и др. Большинство авторов обращали внимание на практическую деятельность своих коллег. Например, Д.И. Рихтер, выступая на общем собрании Вольного экономического общества 9 февраля 1913 г. с речью в память о руководителе нижегородской статистики Н.Ф. Анненском, особо отметил его деятельность по оказанию продовольственной помощи голодающим крестьянам Нижегородской губернии в неурожайный 1891 год²⁴. На этом же акцентировал своё внимание друг Н.Ф. Анненского В.Г. Короленко. Освещая его деятельность на посту заведующего нижегородским губернским земским статистическим отделом, писатель отдельно выделил тот факт, что сотрудники статбюро во главе со своим заведующим были вынуждены в 1891 г. выступить в роли «хлеботорговцев» и успешно с этим справились, оказав тем самым большую помощь голодавшим крестьянам. «Земство, – вспоминал В.Г. Короленко, – целиком отстояло свою смету, и теперь, разбуженный этой живой суетой от дорожной полудремоты, я думал о том, что значили цифры сухих статистических выкладок в этой борьбе за интересы людей, голодающих в деревнях глухого уезда. Статистика определила и отстояла их нужду. <...>. Статистики же, по поручению земской управы, превратились в скупщиков хлеба и выполнили эту непривычную задачу гораздо добросовест-

---

²³ В. В. [Воронцов В.П.] Научный обзор: земская статистика // РМ. 1888. Кн. 6. С. 179–180.

²⁴ Рихтер Д.И. Н.Ф. Анненский – земский статистик. Речь, произнесённая в Общем собрании Императорского Вольного экономического общества 9 февраля 1913 г. СПб., 1913. С. 3–4.

нее и успешнее, чем могли бы это сделать профессиональные хлебопечники»²⁵.

К данной группе воспоминаний следует отнести и некрологи земских статистиков, написанные, в подавляющем большинстве случаев, на основе личных воспоминаний их авторов.

Таким образом, можно констатировать, что воспоминания земских статистиков представляют собой уникальный источник, поскольку содержат объективный анализ экономического положения крестьянского хозяйства страны пореформенного периода, событий и явлений общественно-политической жизни, непредвзятые характеристики своих коллег, земских и государственных деятелей.

---

²⁵ Короленко В.Г. Указ. соч. С. 282.

УДК [027.021: 091] (470.44-25)+929 Мальцев

**КНИЖНОЕ СОБРАНИЕ П.М. МАЛЬЦЕВА
В НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕ-
ТА**

Н.А. Попкова

Зональная научная библиотека им. В.А. Артисевич
Саратовского государственного университета,
Отдел редких книг и рукописей
E-mail: otdel_redkih@sgu.ru

В статье дается характеристика одной из значительных в количественном, историческом, культурном и научном плане коллекций научной библиотеки Саратовского университета – книжном собрании П.М. Мальцева.

Ключевые слова: Паисий Михайлович Мальцев, рукописи, старопечатные книги, издания XVIII века.

**BOOKS` COLLECTION OF P.M. MALTSEV IN SCIENTIFIC LI-
BRARY OF SARATOV STATE UNIVERSITY**

N.A. Popkova

The article is devoted to manuscripts and oldprinted books` collection of Paisiy Mikhailovitch Maltsev. This collection is one of the most important collections in Saratov State University Regional Scientific Library. It has greate historical and cultural importance.

Key words: Paisiy Mikhailovitch Maltsev, manuscripts, oldprinted books, editions of XVIII century.

В проекте «Места памяти», который был осуществлен французскими историками в середине 80-х годов XX века, авторы опираются на концепцию, суть которой Пьер Нора высказал следующим образом: «Изначальная общая идея основывалась на

научном и избирательном изучении <...> отдельных точек кристаллизации нашего коллективного наследия, на создании перечня тех главных «мест» <...>, в которых сосредоточена национальная память»¹ Эти «точки кристаллизации» определяются как «места памяти», которые, по словам названного автора, формирует «игра памяти и истории»². К ним относятся «музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации – все эти ценности в себе, – свидетели другой эпохи, иллюзии вечности»³. Библиотечные собрания также можно отнести к «местам памяти». Научное изучение подобных собраний, изучение истории формирования фондов и коллекций крупных библиотек можно назвать одной из важнейших задач современных исследователей. История формирования научной библиотеки Саратовского университета достойна самого пристального внимания, тем более что многие ее страницы остаются для нас совершенно неизвестными.

Поступлению книжного собрания Паисия Михайловича Мальцева в научную библиотеку университета предшествовала тяжба, отзвуки которой сохранились в архиве библиотеки, в недавно опубликованной переписке Бориса Матвеевича и Юрия Матвеевича Соколовых⁴. Борис Матвеевич был в той славной когорте ученых, которые приехали в Саратовский университет для организации в нем филологического образования. Его «научные интересы отличались большой широтой. Он был не только фольклористом, но и лингвистом, и литературоведом, и этнографом-музееведом»⁵. Работал в университете он с мая 1919 года по декабрь 1923 года. Юрий Матвеевич в это время работал в Москве, в Отделе научных библиотек Наркомпроса. Отдел был создан как центральный орган для руководства деятельностью госу-

---

¹ Нора П. Как писать историю Франции // Нора П., Озуф М., Пюи-меж Ж. де, Винок М. Франция – память. СПб., 1999. С. 67.

² Он же. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Там же. С. 40.

³ Там же. С. 26.

⁴ См.: Из далеких двадцатых годов двадцатого века (исповедальная переписка фольклористов Б.М. и Ю.М. Соколовых) / сост. В.А. Бахтина. М., 2010.

⁵ Саратовский университет. 1909–1959. Саратов, 1959. С. 118.

дарственных научных и публичных библиотек РСФСР. Он занимался проблемами конфискации и распределения книжных коллекций, в том числе находящихся в частном владении. «Его непосредственным участием и инициативой были сохранены некоторые из крупнейших библиотечных коллекций <...> (они. – Н. П.) попали не в частные руки, а в университетские библиотеки крупных городов, в том числе и Саратова»⁶.

Уже 28.V.1919 г. Борис Матвеевич описывает брату свои первые впечатления о Саратове: «Вот и в Саратове. Университет своими зданиями произвел на меня поразительное впечатление. Роскошь! Но от чего я в восторге и сразу душевно успокоился – это от библиотеки: чудный подбор книг, многие журналы с основания. Но что прямо для меня – это 40000 томов библиотеки Шляпкина, которая уже значительно разобрана, и превосходная библиотека братьев Барсуковых. Лафа! Очень приличная библиотека кабинета русской филологии <...> Это очень ободрило меня»⁷. Борис Матвеевич привез в Саратов необходимую для работы часть своей личной библиотеки, но для продуктивной преподавательской и научной деятельности, конечно, нужно было большее количество книг.

4 августа 1919 г. Борис Матвеевич сообщает интересную для нас деталь: «Нынче целый день возился с другими некоторыми профессорами относительно одной очень ценной (около 60000 томов) библиотеки П.М. Мальцева (есть и рукописи), который хочет ее пожертвовать в университет, а у него уже реквизирует Горотнароб, т. е. Городской отдел народного образования. Пока библиотека перевозится в одно из помещений Архивной комиссии. Для университета это был бы просто клад»⁸. Вероятно, согласно желанию Мальцева, книги привезли в университет, но из-за недостатка места было решено «пока» перевезти их в помещение Архивной комиссии.

Тогда понятно, почему 26 сентября 1919 г. в канцелярию университета приходит бумага из Отдела научных библиотек Наркомпроса с просьбой прислать «заключение о библиотеке Маль-

---

⁶ Из далеких двадцатых годов... С. 5–6.

⁷ Там же. С. 26.

⁸ Там же. С. 102.

цева, а именно: из каких отделов она состоит, сколько томов насчитывает. Означенные сведения нужны, чтобы определить назначение этой библиотеки. Зам. зав. Ив. Друганов»⁹. Но к тому времени, как видно из письма Бориса Матвеевича, библиотеку Мальцева «реквизировал Городской отдел народного образования, временно же она будет храниться при Архивной комиссии, а затем Горотнароб думает образовать из нее публичную библиотеку. В университет же передавать ее Горотнароб не хочет, т. к. рабочие и широкие круги общества в университетскую библиотеку не ходят. Ну что ж, если будет библиотека в целостности и хорошо устроена (в Горотнаробе говорили, что для ее разборки и организации пригласят ученых специалистов – профессоров) с этим можно мириться, тем более что пока у Университета нет отдельного специального здания под библиотеку. Она занимает часть одного из медицинских корпусов...»¹⁰.

Однако университет не терял надежды на получение библиотеки Мальцева и, видимо, предпринимал кое-какие шаги, поэтому 7 октября 1919 г. Библиотечная секция внешкольного подотдела Отдела народного образования Саратовского Городского Совета сообщает в университет, что сотрудники библиотеки «должны прибыть в среду к 1 часу дня в библиотеку Народного Дворца на заседание для обсуждения вопросов о Мальцевской библиотеке»¹¹. Обсуждение явно было не в пользу университета, потому что Борис Матвеевич 17 октября 1919 г. отмечает: «Городской отдел присвоил в свое ведение ценнейшую библиотеку Мальцева, несмотря на пожелание Библиотечной комиссии, чтобы библиотека эта передана была в университет. А там, между прочим, масса рукописей. Губотнароб с Горотнаробом во взаимной вражде»¹². Дело было в том, что на библиотеку Мальцева стал претендовать и Губернский отдел народного образования и обратился с соответствующей просьбой в Отдел научных библиотек. Сообщая брату об этом, Юрий Матвеевич пишет: «По единогласному мнению нашей Коллегии, эта научная библиоте-

---

⁹ Архив ЗНБ СГУ. А 12. № 22.

¹⁰ Из далеких двадцатых годов... С. 107.

¹¹ Архив ЗНБ СГУ. А 12. № 24.

¹² Из далеких двадцатых годов... С. 179.

ка должна перейти не туда, не сюда, а в Фундаментальную библиотеку Университета»¹³.

8 ноября 1919 г. Отдел научных библиотек Наркомпроса сообщает Саратовскому Губернскому отделу народного образования, внешкольному подотделу, что Коллегия 24 октября постановила: «передать библиотеку бывшего помещика Мальцева Саратовскому университету. Ему же предоставляется право дальнейшего распределения книг. Зам. зав. Ив. Друганов»¹⁴. 14 ноября 1919 г. Юрий Матвеевич подтверждает: «Коллегия нашего Отдела научных библиотек постановила библиотеку Мальцева передать Саратовскому университету. <...> По нашим представлениям она носит характер академического собрания»¹⁵. В ответ на это сообщение Борис Матвеевич пишет 10 декабря 1919 г.: «Здесь уже получено распоряжение от вас о передаче мальцевской библиотеки в университет. Это в университетских кругах очень и очень одобряют, приписывают тебе. Не знаю, пойдет ли Горотнароб навстречу, он уже начал размещать эту библиотеку в Народном дворце» и продолжает: «Знаешь ли, что бывший владелец библиотеки Мальцев расстрелян недавно¹⁶. Судьба библиотеки еще решалась, а судьба ее владельца трагически завершилась.

Однако Библиотечная секция внешкольного подотдела Губотнароба 12 декабря 1919 г. сообщает о своем несогласии с этим решением и предлагает «из Мальцевской библиотеки создать научную библиотеку в городском и, если удастся, впоследствии и областном масштабе и возбуждает ходатайство об отмене постановления Коллегии Наркомпроса. Зав. библиотечной секцией Газарянц»¹⁷. Библиотеку Мальцева в Народном дворце стал разбирать Губотнароб. О дальнейших событиях Борис Матвеевич подробно пишет брату: «Правление университета поручило мне и ректору (В.Д. Зёрнову. – Н. П.) вступить в переговоры с Горотнаробом, а затем всю перевозку производить под моим наблюдением. Чувствуется мне, что

---

¹³ Из далеких двадцатых годов... С. 205.

¹⁴ Архив ЗНБ СГУ. А 12. № 32.

¹⁵ Из далеких двадцатых годов... С. 209.

¹⁶ Там же. С. 240–241.

¹⁷ Архив ЗНБ СГУ. А 12. № 33.

Губотнароб так просто библиотеку не отдаст — придется, видимо, немало похлопотать»¹⁸. И, надо отметить, хлопоты были немалые. О них подробно пишет Борис Матвеевич в письме от 12 декабря 1919 года. Горотнароб бумагу Наркомпроса проигнорировал. «Заведующий т. Блинов заявил: «мы в университет эту библиотеку не передадим. В Народном Дворце она будет публичной. Отдавать в университет, в эту яму, пропасть или крепость значит похоронить ее для трудящихся масс»¹⁹. Переубедить заведующего в его нежелании отдать библиотеку университету не удалось, так же как не удалось уговорить «не трогать ее до решения вопроса. Ведь кто знает, как они ее разберут, и кто будет отвечать перед центром за неприкосновенность ценнейшего библиотечного добра»²⁰.

Библиотечная комиссия университета решительно высказалась против предложения Губотнароба. Свою позицию она обосновывала следующими рассуждениями. «Передача мальцевской библиотеки Горотнаробу лишила бы фундаментальную библиотеку университета ценного пополнения, а она — единственно научно-поставленная библиотека в Саратове. К 1.I.1920 г. в ней 58936 названий — 139397 томов, она общедоступна. В Саратове нет библиотеки, могущей конкурировать с библиотекой университета <...>. Единственную в Саратовском крае научную библиотеку надо расширять и пополнять, а не уничтожать»²¹. Библиотечная комиссия обосновывала необходимость передачи Мальцевской библиотеки университету и тем, что в нем открыт рабочий факультет и книги из нее необходимы для его плодотворной работы, ибо первоначально в университете был единственный медицинский факультет и 50% книг в библиотеке были медицинские. «Для новых факультетов, которые неминуемо будут в университете, — нужны и другие книги. Мальцевская библиотека значительно уравнивала бы процентное соотношение книг и поэтому в высшей степени ценна для Саратовского университета»²². Из

---

¹⁸ Из далеких двадцатых годов... С. 258.

¹⁹ Там же. С. 260.

²⁰ Там же. С. 261.

²¹ Архив ЗНБ СГУ. А 12. № 53.

²² Там же.

письма Бориса Матвеевича 12 декабря 1919 г.: «В мальцевской библиотеке есть редчайшее собрание математических книг, а наш университет плачет от недостатка особенно этого отдела»²³.

Мнение сотрудников Отдела научных библиотек в Москве было созвучно мнению Библиотечной комиссии университета. Юрий Матвеевич обосновывал его: «Отдел Научных библиотек потому отдает библиотеку университету, потому что боится ненужного и вредного параллелизма. Думается, что в Саратове университет *уже имеет* более, чем какое другое учреждение, основной запас для научной библиотеки. При этом, конечно, Отдел научных библиотек полагает, что университетская библиотека будет обслуживать не только университетских, но и всех, занимающихся наукой в городе и области. Думается, что Отдел народного образования как Городской, так и Губернский не смогли еще организовать достаточно внушительной научной библиотеки, и всем учреждениям нужно, прежде всего, заботиться об университетской (при соблюдении университетом принципа открытых дверей). <...> Мы ставим дело открыто. Прежде всего, польза и существо вопроса. В Саратове *должна быть* основная научная библиотека. Нам кажется, что таковой, скорее всего, *может быть* университетская»²⁴.

Убежденность в необходимости получения мальцевской библиотеки Правление университета подкрепило тем, что поручило «командированному в Москву по делам рабочего факультета проф. В.Я. Каплинскому передать означенный ответ в Отдел научных библиотек, быть представителем университета в Отделе и других учреждениях по разрешению вопроса о мальцевской библиотеке»²⁵. Однако до разрешения вопроса было еще далеко.

15 мая 1920 г. Юрий Матвеевич спрашивает: «Получил ли Ваш университет новое постановление Отдела науки о библиотеке Мальцева? Она переходит в университетскую библиотеку с обязательством, чтобы библиотекой университета строго выполнялся принцип публичности согласно с новым Уставом Академических библиотек. Я очень рад, что мне удалось на этот раз на-

---

²³ Из далеких двадцатых годов... С. 261.

²⁴ Там же. С. 262.

²⁵ Архив ЗНБ СГУ. А 12. № 53.

стоять на единственно правильном разрешении спорного вопроса»²⁶. Официальная бумага из Москвы задерживалась, и Борис Матвеевич волновался: «Я боюсь только, что все равно Губотнароб не отдаст библиотеки»²⁷. Тогда в Саратов по библиотечным делам приехал Юрий Матвеевич и посетил Народный дворец, где ему показали «знаменитую мальцевскую библиотеку, которая находилась в ящиках, в темном сыром подвале дворца. <...> По мнению специалистов, библиотеку необходимо немедленно вывезти и расставить по полкам. Поскольку помещения для нее в Народном дворце отсутствовало, Юрий Матвеевич пришел к твердому убеждению, что библиотека должна быть передана Саратовскому университету»²⁸. Ему удалось свое убеждение претворить в жизнь. В «Отчете о состоянии и деятельности фундаментальной библиотеки Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского за 1922–1923 учебный год» читаем: «в период времени с 1918 по 1920 год в библиотеку поступило громадное количество книг<...> от гражданина Мальцева 52112 названий в 63450 томов»²⁹. Итак, библиотека Мальцева поступила в университет и началась ее весьма сложная жизнь уже в научной библиотеке, вернее сказать, она разделила непростую судьбу всего библиотечного фонда.

11 декабря 1920 г. освобождают один их залов библиотеки, чтобы начать разбор книг Мальцева. Одному из сотрудников, М.С. Лучинкину, поручается составлять краткую опись книг и карточек на них, – «30 декабря 1920 года начали каталогизацию книг мальцевской библиотеки»³⁰.

С книгами из собрания Мальцева, как и с полученными несколько ранее книгами И.А. Шляпкина, по свидетельству главного библиотекаря И.Н. Жабронского, работали по три работника. В итоге он сообщал в Совет университета, что «с января 1920 по

---

²⁶ Из далеких двадцатых годов... С. 335–336.

²⁷ Там же. С. 345.

²⁸ Там же. С. 262.

²⁹ Отчет о состоянии и деятельности Фундаментальной библиотеки Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского за 1922–1923 учебный год // Архив ЗНБ СГУ. А 134. № 6. С. 1.

³⁰ Там же. А 140. № 19.

декабрь 1922 г. библиотека обогатилась крупными пожертвованиями – библиотеками И.А. Шляпкина – 21700 названий – 45250 томов и Мальцева – 52112 названий – 63450 томов. Среди книг этих собраний много весьма ценных в научном отношении изданий и уник (так!), неизвестных доселе библиографам»³¹.

Однако произошло сокращение штатов в библиотеке, и сил хватает лишь на запись книг Шляпкина. 13 ноября 1922 года прорвало трубы, вода с чердака «потоками заливала книги Мальцева, много подмочено и подпорчено сыростью»³². К концу 1922 года обнаружилось, что работа по составлению описи и карточек на книги из мальцевской библиотеки велась неопытным сотрудником, в итоге карточки написаны «без всякой системы, безграмотно и почти 10 тысяч их придется уничтожить, а работу начать изнова»³³.

18 июня 1923 г. И.Н. Жабронский сообщает в университет, что для «установки на полки книг мальцевской библиотеки требуются усилия 4-х сотрудников и если временно штат библиотеки усилят, то к октябрю библиотека Мальцева будет разобрана, разложена по шкафам и подготовлена к инвентаризации и каталогизации»³⁴. Пришедшая в 1923 г. в библиотеку Л.А. Грицфельд вспоминала, что началась ее работа с разбора книг мальцевской библиотеки, которые лежали «слоем в 2 аршина высоты по всей площади нового книгохранилища»³⁵. Аршин, заметим, равнялся 71 см.

Видимо библиотеку «усилили» и 4 февраля 1924 г. появляется интереснейший документ – «Справка о книгах Библиотеки Мальцева», к сожалению, без указания фамилии ее составителя. Она заслуживает особого внимания, поэтому приводится с незначительными купюрами, с сохранением написания.

«Книги Библиотеки Мальцева <...> занимают 331 полку дл[иной] в ср[еднем] 2 ар[шина] <...> Всего по выделении дублетов, установлено на полки 20007 томов, не считая периодических

---

³¹ Архив ЗНБ СГУ. А 134. № 6.

³² Там же. А 12. № 43.

³³ Там же. А 21. № 3.

³⁴ Там же. А 134. № 13.

³⁵ Там же. А 12. № 43.

изданий (5019 томов), брошюр (12000 – 15000) и дублетов (3067 томов). <... > Книги расположены с соблюдением их содержания и по мере возможности их размера. Количество книг по содержанию распределяется так: 1) Богословские – 2226, 2) Историч[еские] 2001, 3) Беллетрист[ические] и разн[ые] соч[инения] – 1610, 4) Правовед[ение], Законы, Админ[истрирование] 1030, 5) Полит[ика], Эконом[ика], Междун[ародные] отнош[ения] 999, 6) Математ[ика], Астрон[омия], Физика 855, 7) Военные дела 815, 8) Биография, Записки, Письма 710, 9) Путешествия, Народн[ые] обычаи, Нравы 628, 10) Языковедение, Граммат[ика], Словесн[ость], Ист[ория] лит[ературы], Народн[ая] поэзия 561, 11) Естеств[енные] науки, Химия, Геология, Зоология, Ботаника, Землеведение 552, 12) Философ[ия], Психол[огия], Логика, Этика 533, 13) Статистика 380, 14) Отчеты учебн[ых] и обществ[енных] учреждений 309, 15) География, Народоведение 308, 16) Энциклопедии, Словари 337, 17) Библиография <...>, Каталоги книг, Указат[ели] литер[атуры] 323, 18) Финансы, Промышл[енность], Госуд[арственное] страх[ование] 211, 19) Сборники литер[атурные] 177, 20) Календари, Памятн[ые] книжки, Месяцеслов 112, 21) Указатели, Справочники 111, 22) Техническ[ие] 100, 23) С[ельское] хозяйство 97, 24) Медицина 78, 25) Книги особо малого или большого форм[ата] разн[ого] содержания 803, 26) Иностранные кроме математ[ики]. 1) французские 1671, немецкие 1769, 3) английские 263, 4) латинск[ие], итальянск[ие], польск[ие], еврейские, арабские и др. 435. Итого 20007 томов. Кроме указанного количества разобрано и поставлено карт, атласов, чертежей 176 штук³⁶. Составитель «Справки» счел нужным заметить: «Подсчет общего количества установленных книг был сделан фактический, по корешкам книг, а потому должен быть почти точным, все остальные цифровые данные можно рассматривать только как приблизительные.

О книгах, переданных в свое время в рукописный отдел, у меня данных не имеется. Инструктор по разбору Библиотеки Мальцева. 4.II.1924»³⁷.

---

³⁶ Архив ЗНБ СГУ. А 161. № 4.

³⁷ Там же.

Последнее замечание инструктора вполне понятно, ибо рукописи (850 единиц) и старопечатные книги (1000 единиц) из библиотеки Мальцева к тому времени уже находились в фонде Отделения рукописей и старопечатных книг библиотеки.

Данные этой обстоятельной «Справки» дают представление о библиотеке Мальцева как о собрании не просто разнообразном по содержанию, но универсальном. Они подтверждают ту характеристику этой библиотеки, которую ей дал в своей телеграмме от 21 марта 1914 г. московский букинист П.П. Шибанов, многие годы помогавший Мальцеву собирать библиотеку, «богатую и древними рукописями, и старинными книгами, и искусством, и серьезными научными отделами» и советовавший пожертвовать ее Саратову и молодому университету: «более удачного выбора почти трудно себе представить», – писал он³⁸.

Нехватка кадров, ужасающая теснота в помещениях библиотеки привели к тому, что работа с книгами Мальцева была приостановлена. Возможно, сказалось, в те годы понятное и, пожалуй, неизбежно негативное отношение к бывшему владельцу – богатому помещику, старообрядцу. Содержание «Справки» 1924 г. забылось. Характеризуя коллекции библиотеки, И.А. Буссе отмечал, «незаписанную в инвентари библиотеку Мальцева, в которой преобладает духовная литература. То же самое можно сказать и о рукописях, в которых есть много очень редких экземпляров»³⁹. Несколько позже в «Исторической справке по комплектованию» отмечалось: «крупным пополнением (ок[оло] 40000) была реквизируемая у помещика Мальцева в 1918 году его частная библиотека. Если Шляпкин был библиофил, то помещика Мальцева приходится назвать библиоманом: в количестве 20007 книг оказалось дублетных более 3000. Нельзя, однако, не указать на то, что среди его коллекций оказалось много редких

---

³⁸ Цит. по: Каргин Ю.Ю. Великий книжник // Былое (Балаково). 2002. № III. С. 4.

³⁹ Сведения о состоянии и работе Фундаментальной библиотеки Саратовского Государственного им. Н.Г. Чернышевского университета за десятилетие. 1917–1927 // Архив ЗНБ СГУ. А 20. С. 35.

экземпляров (инкунабул, эльзевиров, старопечатных, математическая коллекция Ващенко – Захарченко)»⁴⁰.

В конце 1920-х гг. в библиотеке образовались так называемые «залежи»: свыше 200000 книг из национализированных частных и общественных собраний, ликвидированных учреждений. Они, как и книги Мальцева, ждали своей очереди на соответствующее оформление.

В инвентарной книге библиотеки отметка о принадлежности книг Мальцеву имеется в 145-й тысяче у двух иноязычных словарей. В «Описи инвентарных книг библиотеки Саратовского государственного университета на 1 октября 1952 года» отмечено, что запись этой тысячи приходится на 1932 год. Интересующий нас массив книг записывался по 1938 г. и закончился на 254-й тысяче. Кстати, именно в этой и предшествующей тысяче многие книги носят следы сильного намокания (вспомним потоп 1922 г.): покоробленные, отстающие от вспухшего блока переплеты, волнистые листы. Надо отметить, что при записи книги Мальцева «разбавлялись» книгами современными, поэтому в этих тысячах встречаются и книги 20–30-х гг. века двадцатого.

В начале 1930-х гг. было решено выделять в отдельное хранение редкие книги, «уники», как назвал их И.Н. Жабронский. Выбираемые постепенно книги присоединяли к Отделению рукописей и старопечатных книг. Так в структуре научной библиотеки образовался Отдел редких книг. Ю.А. Кузнецова, работающая в те годы в библиотеке, вспоминала, что «из русских книг XVIII века выбирали петровские издания, новиковские, светскую литературу, повести и романы, приблизительно 150 книг. Можно предполагать, что эта цифра, по крайней мере, удвоится. Выбирались они из книг проф[ессора] И.А. Шляпкина и П.М. Мальцева»⁴¹. Прогноз Ю.А. Кузнецовой оказался сильно заниженным: к 1935 г. фонд отдела насчитывал уже 14000 единиц. В.У. Ластовский, крупный книговед, заведующий отделом в те годы, упоминая слова директора библиотеки Г.Ю. Маннса о том, что «ценность редких книг равня-

---

⁴⁰ Архив ЗНБ СГУ. А 161. № 2.

⁴¹ Кузнецова Ю.А. Коллекции отдела рукописей, древних и редких книг научной библиотеки СГУ // Учен. зап. СГУ. Саратов, 1947. Т. XVII, вып. истор. С. 279.

ется или близка ценности всей библиотеки», добавлял: «это грубое понятие. В области исторической, научной они – первоисточники – бесценны»⁴².

Выбор книг продолжался, и репертуар выбираемых книг расширялся: альманахи и литературные сборники, периодические издания, прижизненные издания классиков русской литературы и науки, издания западноевропейской печати XV–XVII веков. Главными составными частями коллекций, с годами сформировавшихся в отделе, были, как и в начале становления его фонда, книги И.А. Шляпкина и П.М. Мальцева.

Остановимся на характеристике той части фонда отдела редких книг и рукописей, которая поступила с библиотекой Мальцева. Опознавательные признаки его книг в части рукописной и старопечатной неопровержимы – это пометы Гераклитова: «Мальц[ев] 21». Для других книг принимаются такие косвенные свидетельства, как штампы и владельческие записи Н.И. Носова, Д.Н. Попова, Д.И. Образцова, А. Цимбалистова, М.П. Баратаева, чьи библиотеки продавал П.П. Шибанов⁴³, тематическое соответствие книг из собрания Мальцева разделам как шибановских каталогов (а их в фонде отдела 167), так и отмеченным в «Справке» 1924 г., свидетельства библиотекарей, работающих в те годы, когда шла запись книг мальцевской библиотеки. Выявлению книг Мальцева способствовало и то обстоятельство, что книги И.А. Шляпкина, братьев А.П. и Н.П. Барсуковых, тематически близкие его собранию, обильно отмечены и их владельческими записями, и их разнообразными книжными знаками.

Первая краткая характеристика рукописей и старопечатных книг из собрания Мальцева дана в 1923 г. А.А. Гераклитовым в статье «Отделение рукописей и старопечатных книг Саратовского университета»⁴⁴. В рукописной части книг Мальцева, относящихся к XV–XX вв., по его словам, «есть немало замечательных и по содержа-

---

⁴² Архив ОРКиР ЗНБ СГУ.

⁴³ Собрание П.П. Шибанова // Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина: Указ. Т. 1, вып. 2 (1917–1947). М., 1986. С. 19.

⁴⁴ Гераклитов А.А. Отделение рукописей и старопечатных книг Саратовского университета // Студенческая мысль. 1923. № 3–4. С. 21–22.

нию, и по красоте исполнения <...>, украшенных заставками и миниатюрами удивительными по изяществу исполнения, блеску и свежести красок»⁴⁵. «На этом собрании рукописей наиболее ярко сказалась любовь Мальцева к старой книге», – отмечала Ю.А. Кузнецова⁴⁶.

Естественно, что старообрядец Мальцев большой интерес проявлял к книгам старообрядческим, служащим в защиту старообрядчества, нужным при богослужении по старому образцу. Но для науки они – памятники древнерусской книжной культуры, имеют значительный палеографический интерес. К тому же старообрядцы любили, хорошо знали, усердно читали, активно переписывали произведения древнерусской литературы «буква в букву», «ни в чем неотменно», тем самым способствуя сохранению многих из них.

Наряду с книгами старообрядческими в рукописном собрании Мальцева немало книг светского содержания, разнообразных в тематическом отношении. Из рукописей XVII в. можно назвать «Степенную книгу» – памятник отечественной историографии времен Ивана Грозного, в двух списках, пока неизвестных исследователям; такие памятники литературного содержания, как «Великое зеркало» и «Казанская история»; «Космографию» Меркатора, в которой наряду со сведениями по всемирной истории и географии, имеются интересные данные и о Московии; «Судебник» Ивана Грозного; «Арифметику», список которой не имеет сходства как с известными списками этого учебника, так и с «Арифметикой» Магницкого. Из XVIII в. – «Хронографы», в которых наряду с трудами по всемирной истории содержались сведения и по истории Московского государства; «Странствования по Канарейским или Канарским островам и описание сих островов»; «История скифская» Лызлова; «Житие Петра Великого»; «Краткая инженерная геометрия»; «Езда в остров любви, сочинение Тредиаковского». Из более поздних, начала XIX в. – «История об отцах страдальцах соловецких» с 49 весьма выразительными миниатюрами; «На разрушение Лиссабона, сочинение Вольтера в переводе Жуковского»; «История о граде

---

⁴⁵ Гераклитов А.А. Указ. соч. С. 21.

⁴⁶ Кузнецова Ю.А. Указ. соч. С. 276.

Муроме»; «Пчеловодные секреты», «Конспект римского правоведения (читанный в Харьковском университете)». Среди рукописей Мальцева и 37 старообрядческих певческих рукописей, это памятники истории, культуры, музыкального искусства, незаменимый источник для изучения древнерусского распева, его графического воплощения. Их описания вошли в вошли в печатный каталог, представлены на CD-ROM'e⁴⁷.

«Не менее богато Отделение и старопечатными книгами», – отмечал Гераклитов и называл издания первого славянского печатника Фиоля, «несравненные по красоте и изяществу исполнения венецианские славянские издания XVI века», издания «московской, львовской, киевской и других знаменитых типографий, представленные лучшими образцами»⁴⁸.

Несколько позже В.У. Ластовский, характеризуя старопечатную часть фонда отдела, писал: «подотдел кирилловской печати почти полностью исчерпывает книжную продукцию указанного шрифта от 1491 года по конец XIX века» и продолжал: «наше собрание старопечатных книг дает возможность дополнений, уточнений и исправлений в указателях Каратаева, Ундольского»⁴⁹. Среди подобных изданий можно назвать «Часослов» Фиоля (Краков, 1491), «Книгу Иисуса Навина» Скорины (Прага, 1518), венецианские издания Вуковичей – «Псалтирь» (1520), «Миня праздничная» (1538), «Молитвослов» (1547), издания Анонимной типографии – «Четвероевангелие», «Псалтирь», «Триодь постная», изданные в Москве в 50-е гг. XVI в., «Апостол» Ивана Федорова (Львов, 1574) и его же «Библию» (Острог, 1581) и многое, многое еще, пришедшее в фонд старопечатных книг с собранием Мальцева. Кстати, по сведениям «Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов», в составление которого наряду с крупнейшими книгохранилищами мира участвовали и мы, многие из принадлежавших Мальцеву и находящихся у нас книг сохранились в единичных экземплярах: «Псалтирь» (М.: Анонимная типография, 1559–1560) – 5 экзмп-

---

⁴⁷ Певческие рукописи XVII–XIX веков: Каталог / Сост. А.Г. Хачаянц. Саратов, 2000–2001 (Редкие книги ЗНБ СГУ; вып. 19–20).

⁴⁸ Гераклитов А.А. Указ. соч. С. 22.

⁴⁹ Архив ОРКиР ЗНБ СГУ.

ляров, «Псалтирь с Часословом» Ивана Федорова (Заблудов, 1570) – 4, «Псалтирь с воследованием» (Вильно, 1591) – 4, «Псалтирь» (Львов, 1615) – 3. А «Часослов» (М., 1684) неизвестен библиографам, т. е. экземпляр уникален.

Важно отметить, что старопечатные книги XV–XVII вв. из собрания Мальцева, напечатанные в Кракове, Праге, Венеции, Москве, Киеве, Львове, Вильно, Могилеве имеют межславянский характер. Объединенные общим литературным языком, содержащие общие литературные памятники, они представляют единую славянскую кирилловскую печатную книжность.

Вместе с рукописями они стали материалом, позволившим при его изучении сделать настоящие научные открытия. Изучая бумагу мальцевских рукописей и старопечатных книг XVII в., Гераклитов выявил 1518 филиграней, которые составили фундаментальный труд «Филиграни XVII века на бумаге рукописных и печатных документов» (М., 1963), признанный у нас и за рубежом «капитальным вкладом в мировую историю водяных знаков»⁵⁰.

Изучая безвыходные издания, их бумагу, шрифты, особенности типографской техники, орнаментику, записи, Гераклитов убедительно доказал их московское происхождение, датировал 50-ми годами XVI века⁵¹. Исследователи согласились с выводами саратовского ученого, термины «Анонимная типография», «дофедоровское» издание стали правомерными в книговедении.

В 30-е гг. прошлого века «Антиквариатом» и в 1941 г. Центральным государственным архивом литературы и искусства из нашего фонда было взято 780 рукописей и 154 старопечатных книг, среди которых были и книги Мальцева, что неизбежно отразилось на тематике оставшейся части. Уместно привести слова А.А. Турилова: «Собрание Мальцева принято характеризовать в литературе как по преимуществу старообрядческое. Однако современный облик оно приобрело в значительной мере после крупных изъятий 1930-х годов. Первоначально же оно носило

---

⁵⁰ Гераклитов А.А. Филиграни XVII века на бумаге рукописных и печатных документов. М., 1963. С. 229.

⁵¹ Он же. Три издания XVI в. без выходных листов из библиотеки Саратовского университета (К вопросу о начале книгопечатания в Москве) // Учен. зап. Сарат. ун-та. 1926. Т. 5, вып. 2. С. 1–20.

вполне универсальный характер и могло претендовать на роль одного из самых значительных в России из составленных на рубеже XIX–XX столетий. В немалой степени на это указывает источник формирования коллекции (во всяком случае, не старообрядческой ее части) – букинистический магазин П.П. Шибанова, один из самых дорогих в Москве»⁵².

И все же, несмотря на печальный для фонда отдела характер изъятий, «в Саратове находится одно из крупнейших в России (за пределами Москвы и Петербурга) собрание славяно-русских рукописей XV–XIX веков. <...> Собрание НБ СГУ первенствует также в количественном отношении среди университетских библиотек, превосходя в этом смысле и Москву, и Петербург. Заметно выделяется оно из их числа и по составу»⁵³. По характеристике И.В. Поздеевой, мы обладаем «одной из самых лучших коллекций как церковно-славянских рукописей, так и раннепечатных кириллических изданий»⁵⁴. Значительное место в количественном, историко-культурном, научном отношении принадлежит в них книгам Мальцева. В печатных каталогах старопечатных изданий XV–XVII вв., подготовленных отделом, они составляют 40%⁵⁵.

Обратимся к другим коллекциям отдела, описания которых вошли в печатные каталоги и введены в научный оборот. Каталог

---

⁵² Турилов А.А. Кирилло-мефодиевская традиция и собрание рукописей научной библиотеки Саратовского государственного университета // Славянский альманах 2009. М., 2010. С. 51.

⁵³ Там же. С. 50.

⁵⁴ Поздеева И.В. Век подлинников и проблемы вузовских библиотек // Университетская книга. 1991. № 3. С. 32.

⁵⁵ Старопечатные издания кирилловского шрифта XV–XVI веков: Каталог / Сост. Н.И. Алексеева, Н.А. Попкова. Саратов, 1993 (Редкие книги ЗНБ СГУ; вып. 13); Старопечатные издания кирилловского шрифта первой четверти XVII века: Каталог / Сост. Н.И. Алексеева, Н.А. Попкова. Саратов, 2000 (Редкие книги ЗНБ СГУ; вып. 18); Старопечатные издания кирилловского шрифта второй четверти XVII века: Каталог / Сост. Н.И. Алексеева, Н.А. Попкова. Саратов, 2003 (Редкие книги ЗНБ СГУ; вып. 22); Старопечатные издания второй половины XVII века: Каталог / Сост. Н.И. Алексеева, Н.А. Попкова. Саратов, 2005 (Редкие книги ЗНБ СГУ; вып. 23).

петровских изданий⁵⁶ насчитывает 125 названий книг как кирилловской, так и гражданской печати. 89 из них – Мальцевские. В первой группе можно назвать «Арифметику» Л. Магницкого (М., 1703), «Букварь» Ф. Поликарпова (М., 1701), «Слово о взятии Хотенбурха» (СПб., 1721) и «Слово о победе, полученной у Ангута» (СПб., 1720) Гавриила (Бужинского), «Слово похвальное о баталии Полтавской» (СПб., 1717) Феофана (Прокоповича). И только у нас имеется «Слово о благодарованном мире со Швецией» (М., 1722) Феофилакта (Лопатинского).

Из книг гражданского шрифта – «Разговоры дружеские» Де-зидерия Ерасма (СПб., 1716), «Юности честное зеркало» (СПб., 1717), «Книга мирозрения или мнение о небезноземных глобусах и их украшениях» (М., 1724), «Введение в историю европейскую» С. Пуфендорфа (СПб., 1718), «География, или краткое земного круга описание» (СПб., 1715), «Рассуждение, какие законные причины <...> Петр Первый <...> к начатию войны против короля Карола 12 <...> имел» П.П. Шафирова (СПб., 1717), «Приклады како пишутся комплименты разные» (М., 1708), «Архитектура воинская» Л.Х. Штурма (М., 1709).

Коллекция альманахов и литературных сборников XVIII–XIX вв. также имеет мальцевские экземпляры⁵⁷. Это и первый русский альманах «Аглая» (М., 1794), и редчайший «Иллюстрированный альманах, изданный И. Панаевым и Н. Некрасовым» (СПб., 1848), и отсутствующие в библиографии «Календарь на 1799 год старого цыгана, ворожеи, угадчика» (СПб., 1799), «Собрание нравоучительных, кратких и замысловатых речей...» (М., 1788). «Собрание запрещенных стихов и прозы» (Лейпциг, б. г.) и многое другое.

В коллекцию журналов XVIII в.⁵⁸ с собранием Мальцева пришли: сатирический журнал Н.И. Новикова «Трутень на 1769–1770

---

⁵⁶ Книги, напечатанные при Петре I, в фонде Научной библиотеки СГУ: Каталог / Сост. Ф.В. Гермашева. Саратов, 1966 (Редкие книги НБ СГУ; вып. 2).

⁵⁷ Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX веков в научной библиотеке СГУ: Каталог / Сост. Ф.В. Гермашева. Саратов, 1970. (Редкие книги НБ СГУ; вып. 3).

⁵⁸ Русские периодические и продолжающиеся издания гражданской печати 1725–1800 годов в фондах научной библиотеки Саратовского уни-

год», «Трудолюбивый муравей» (1771), первый русский журнал для детей – «Детское чтение для сердца и разума» (Ч. 1-20, 1785-1789).

Обширен пласт книг Мальцева в коллекции книг XVIII в. гражданского шрифта⁵⁹ – почти половина названий от общего количества. Здесь «Дорожная география» (М., 1765), *Н.М. Карамзин* «Письма русского путешественника» (Ч. 1-5, М., 1797-1801), «Мои безделки» (Ч. 1-2, М., 1794), *Ж.Л.Л. Бюффон* «Всеобщая и частная естественная история» (Ч. 1-10, СПб., 1789-1808), *Д. Кантемир* «Историческое, географическое и политическое описание Молдавии» (М., 1789), *А.Э. Буркхард* «Приемы циркуля и линейки» (СПб., 1725), *П.Ж. Бюкоз* «История насекомых» (М., 1794), *Ж.Ж. Руссо* «Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми» (М., 1770), «Рассуждение о политической экономии» (СПб., 1787), *В.Н. Татищев* «История российская с самых древнейших времен» (Кн. 1-5, М., 1768-1784), *Эвклид* «Элементы геометрии» (СПб., 1769), *Б. Фонтенель* «Разговоры о множестве миров» (М., 1740), *Эзон* «Басни» (СПб., 1779), *М. Херасков* «Россияда ироическая поэма» (М., 1779).

В каталогах инкунабулов и палеотипов мальцевские книги представлены уже упоминавшимися изданиями славянских типографов Фиоля, Скорины, Вуковичей⁶⁰.

Среди европейских изданий XVI-XVIII вв. также немало книг Мальцева. Это и купленная им у киевского профессора М.Е. Ващенко-Захарченко часть коллекции трудов европейских

верситета: Каталог / Сост. Ф.В. Гермашева. Саратов, 1982. (Редкие книги НБ СГУ; вып. 5).

⁵⁹ Русская книга гражданской печати 1725-1800 годов в фондах научной библиотеки Саратовского университета: Каталог (А-Г) / Сост. В.И. Любенко. Саратов, 1983. (Редкие книги НБ СГУ; вып. 6); Русская книга гражданской печати 1725-1800 годов в фондах научной библиотеки Саратовского университета: Каталог (Д-Н) / Сост. Ф.В. Гермашева, Н.А. Попкова. Саратов, 1988. (Редкие книги НБ СГУ; вып. 7); Русская книга гражданской печати 1725-1800 годов в фондах научной библиотеки Саратовского университета: Каталог (О-Я) / Сост. Н.А. Попкова. Саратов, 1989. (Редкие книги НБ СГУ; вып. 8).

⁶⁰ Каталог инкунабулов научной библиотеки Саратовского университета / Сост. Ф.В. Гермашева. Саратов, 1970.; Палеотипы в фонде научной библиотеки Саратовского университета: Каталог / Сост. Т.В. Мосолкина. Саратов, 1990. (Редкие книги НБ СГУ; вып. 10).

математиков на иностранных языках – Ш.Ф. Гауса, П.С. Лапласа, Н.Г. Абеля, Ж.Л. Лагранжа, К.Г.Я. Якоби, и томики серии «Respublica», изданные типографской фирмой Эльзевиров, среди которых книга «Respublica Moscoviae et Urber» (Lugdunum Batavorum, 1630). Это Homerus «Ilias» (Basel, 1561), книги о Петре Первом – анонимное издание «Des Grossen Herrens, Czaars und Gross Furstens von Moscau...» (Frankfurt und Leipzig, 1710), *D. Perry* «Etat present de la Grande Russie...» (Bruxelles, 1717), *A. Catiforo* «Vita di Pietro il Grande imperador della Russia» (Venezia, 1748), *Richilieu* «Le politique tres-chrestien ou discuns politiques» (Paris, 1647), *J.B. Tavernier* «Les six voyages <...> en Turques, en Perce et Indes» (Paris, 1679).

За пределами нашего внимания остались старопечатные книги XVIII–XIX вв., отечественные издания XIX – начала XX вв., западноевропейские издания XVIII в., среди которых, без сомнения, немало книг Мальцева, ибо, как мы видели, его библиотека широка в хронологических рамках, универсальна по содержанию. В ней изначально (вспомним «Справку» 1924 г.) было выделено 26 разделов, объединявших очень широкую тематику: языковедение, грамматика, словесность, история литературы, народная поэзия, например, или естественные науки, химия, геология, зоология, ботаника, землеведение. Так что на деле разделов много больше.

Книги Мальцева органично влились в библиотечный фонд, образованный хорошо подобранными книжными собраниями И.А. Шляпкина, братьев А.П. и Н.П. Барсуковых, М.Н. Галкина-Врасского, существенно его дополнили, нередко войдя в него единственным экземпляром. Это, например, произведения Вольтера: «Собрание сочинений» (СПб., 1785–1789), «Гурон или Простодушный» (СПб., 1789), «Сатирические и философические сочинения» (М., 1784), «Философические речи о человеке» (СПб., 1788), *Н.М. Карамзин* «Бедная Лиза» (М., 1796), *П.С. Паллас* «Описание растений Российского государства» (СПб., 1786), *М.Э. Монтень* «Опыты» (СПб., 1762), первый перевод на русский язык и единственный до 1958 г., *С.Я. Румовский* «Наблюдения явления Венеры...» (СПб., 1771) и многое другое.

В 1914 г. П.П. Шибанов советовал Мальцеву передать его библиотеку молодому Саратовскому университету. Пусть не сразу, но книги Мальцева встали на полки научной библиотеки университета, они отражены во всех ее каталогах, печатные каталоги отдела редких книг и рукописей ввели их в научный оборот, предпринята и представлена данным сообщением попытка реконструкции этого бесспорно интересного, ценного собрания, которое многие десятилетия служит науке.

Русские библиофилы, букинисты высоко ценили деятельность П.П. Шибанова, не только крупнейшего букиниста-антиквара, но и книговеда, библиографа. «Историю русского книжного дела нельзя представить себе, не вспомнив Павла Петровича Шибанова, <...> книга жила для него не сама по себе, она была связана для него с русской культурой. Многие собиратели очень обязаны ему»⁶¹. Обязан был ему и Паисий Михайлович Мальцев, а им обоим в свою очередь обязаны своими знаниями и тысячи читателей научной библиотеки Саратовского университета.

---

⁶¹ *Лидин Вл. Друзья мои – книги. Заметки книголюба. М., 1962. С. 73, 75–76.*

БИОГРАФИКА

УДК 94(47).045/.046+929 Коробьин

ВАСИЛИЙ ГАВРИЛОВИЧ КОРОБЬИН: ВОЕВОДА И ДИПЛОМАТ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII ВЕКА

Я.Н. Рабинович

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

В статье рассмотрены неизвестные страницы истории борьбы между Россией и Польшей в 1614–1618 годах. Впервые представлена подробная биография воеводы и дипломата Василия Гавриловича Коробьина, который участвовал в восстании Болотникова, а затем перешел на сторону Василия Шуйского, сражался против Лжедмитрия II, освобождал Москву от поляков в 1611–1612 годах.

Ключевые слова: Смутное время, Василий Коробьин, Рязань, Нижний Новгород, воевода, дипломат, Персия, Дания.

VASILY GAVRILOVICH KOROBIN: VOIVODE AND THE DIPLOMAT OF THE FIRST THIRD OF THE XVII CENTURY

J.N. Rabinovich

In article unknown pages of history of struggle between Russia and Poland in 1614–1618 are considered. For the first time voivode and diplomat Vasily Gavrilovich Korobin's detailed biography is presented. He participated in the revolt of Bolotnikov, and then has come over to the side of Vasily Shuisky, battled against Lzhedmitrij II, released Moscow from Poles in 1611–1612.

Key words: the Time of Troubles, Vasily Korobin, Ryazan, Nizhniy Novgorod, voivode, diplomat, Persia, Denmark.

В данной статье речь пойдет об одном из сыновей рязанского помещика Гаврилы Васильевича Коробьина, Василии Гавриловиче. Отрывочные сведения о нем приведены во многих энциклопедиях¹. Однако эти сведения не только скудны, но и изобилуют множеством ошибок. Авторы отправляют Василия Коробьина послом в различные страны, где он никогда не был. Он, якобы возглавлял посольство в Константинополь в 1634 г., хотя там был его брат Иван, либо был послом в Крыму в 1621-1625 гг., хотя в это время он возглавлял посольство к шаху Аббасу в Иран, а маршрут данного посольства в действительности проходил в стороне от владений Крымского хана. Данная статья призвана исправить эти ошибки, расширить и углубить наши сведения об этом герое Смутного времени.

Василий Коробьин принял активное участие во многих важных событиях Смуты, начиная с похода Лжедмитрия I и восстания Ивана Болотникова и заканчивая боями под Москвой осенью 1618 г. с войсками польского короля Сигизмунда и гетмана Сагайдачного. Источники, значительная часть которых опубликована ещё до 1917 г. позволяют восстановить биографию этого человека.

Свой род Коробьины вели от выехавшего из Орды к рязанскому князю Федору Ольговичу в начале XV в. некоего татарина Кичибя (в крещении – Василия). От одного из его сыновей, Ивана Коробьи, вели свое происхождение Коробьины, от другого, Селивана – Селивановы и одна из ветвей Коробьиных. Об одном из Коробьиных, советнике рязанского князя, который предал своего сюзерена и помог Василию III «поймать» его, писал С. Герберштейн².

---

¹ См.: Славянская энциклопедия. XVII век: в 2 т. / Авт.-сост. В.В. Богуславский. М., 2004. Т. 1. С. 600; Русский биографический словарь А.А. Половцова: Кнаппе-Кюхельбекер. СПб., 1903. С. 270; Русский биографический словарь: в 20 т. Т. 8. М., 1999. С. 433; *Бушев П.П.* Посольство В.Г. Коробьина и А. Кувшинова в Иран в 1621-1624 гг. // Иран. Экономика. История. Историография. Литература (сб. статей). М., 1976. С. 124.

² *Герберштейн С.* Записки о Московии. СПб., 1866. С. 101. См. также: *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 269.

Коробьины, как и другие рязанские бояре и окольнічие (Измайловы, Сунбуловы), поздно перейдя на службу Москве, сохранили свои земли в Рязани, однако они так и не вошли в число влиятельных московских боярских родов в XVI в. (не смогли пробиться в московскую Боярскую думу), «хотя в рязанском крае пользовались большой силой и значением»³. В XVI в. они служили вторыми воеводами в Пронске, Туле, Рязке, младшими воеводами в Рязани, командовали отдельными отрядами, служили «головами» в полках.

Отец наших героев, Гаврила Васильевич, упомянут в Разрядах в качестве «осадной головы» на Рязани вместо заболевшего Василия Колтовского (1594)⁴. В 1598 г. он служил головой у тульской Веркошской засеки, в качестве помощника воеводы Федора Друцкого⁵. В 7110 г. (1601/1602 г.) во время строительства города Царева Борисова в этот новый форпост России на юге были отправлены из Валуек хлебные запасы (в самый разгар голода в стране): «На судах были головы Гаврила Каробин, Прокофей да Захар Ляпуновы...»⁶. Обращает внимание, что Коробьин записан впереди Ляпуновых. На следующий год мы видим его воеводой на Рязани «у Вожския засеки у Красносельские у Волчьих ворот» в качестве помощника воеводы князя Кондратия Шербатого (1603 год)⁷. После Смуты, в ходе одного местнического дела про Гаврилу Коробьина говорили, что он человек неродословный, «бывал в засечных головах и в станишных»⁸.

Гаврила Коробьин имел небольшой поместный оклад. В Боярском списке 1602/1603 г. он записан с окладом в 450 чети. В это время его сыновья имели оклады: Семен – 300 чети, Василий – 250 чети (оклад Василия меньше, чем у Семена, что может свидетельствовать, что Семен был старшим братом). Василий Коробьин

---

³ Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М. 1962. С. 396.

⁴ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 484.

⁵ Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 29.

⁶ Там же. С. 124.

⁷ Там же. С. 165. См. также: Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 349.

⁸ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 987, 991.

впервые упомянут в источниках, по-видимому, он родился в середине 1580-х годов, к началу Смуты ему было около 20 лет⁹.

Скорее всего, боевое крещение Василий Гаврилович получил в период похода Лжедмитрия I на Москву (1604/1605). Хорошо известно, что в мае 1605 г. рязанцы во главе с П.П. Ляпуновым, одними из первых изменили молодому царю Федору Борисовичу Годунову под Кромами, присягнули Лжедмитрию I. Во время восстания Болотникова братья Коробьины, как и многие другие рязанские помещики, летом 1606 г. поддержали Прокопия Ляпунова и выступили против нового царя Василия Шуйского. Рязанские помещики не участвовали в московском восстании 17 мая и в избрании Василия Шуйского, они находились в оппозиции к новому царю. Однако уже в ноябре 1606 г. во время осады Москвы отрядами Ивана Болотникова братья Коробьины вместе с Ляпуновым, Сунбуловым и Пашковым перешли на сторону царя Василия: «из воровских полков переехали Коробьины и иные Рязанцы»¹⁰.

По-видимому, царь Василий вскоре после этих событий наградил рязанцев, перешедших к нему на службу, новыми земельными пожалованиями. Во всяком случае, уже в 1607 г. в Боярском списке 1606/1607 г. поместный оклад «дворян по выбору из Рязани» Василия и Семена Коробьиных составлял уже по 550 чети (оклад одинаковый!)¹¹. В это же время братья Коробьины осиротели. Их отец и мать были убиты по приказу «царевича Петра» (Илейки Муромца). Возможно, в казни принимал участие «Федор Офромеев сын Сухотин». По словам тульского дворянина Хрущева, «из Путивля вор Федор (Сухотин. – Я.Р.), приехав на Рязань, Гаврила Коробьина с женой повесил»¹².

Во время осады Москвы тушинцами (1608–1610 гг.) братья Коробьины верой и правдой служили царю Василию. Правда,

---

⁹ См.: *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России в XVI–XVII веков. М., 2004. С. 268

¹⁰ *Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время // ЧОИДР. 1907. Кн. 2 (221). С. 10.

¹¹ См.: Боярский список 1606/1607 г. // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века (1601–1608). Сб. документов. М., 2003. С. 145.

¹² Извет тульского дворянина Хрущева на род Сухотиных // Народное движение в России... С. 351

гордые рязанцы, как и их предводитель Прокопий Ляпунов, ставший думным дворянином, местничали с другими воеводами. Известно местническое дело Ивана Коробьина с князем Мосальским в сентябре 1609 года¹³. Если Иван Коробьин находился во время осады Москвы тушинцами в столице, то его брат Семен Гаврилович в августе 1608 г. был направлен в Новгород. Действия С.Г. Коробьина против тушинцев были высоко оценены самим царем Василием Шуйским.

В это же время успешно сражался против отрядов самозванца вместе с другими рязанцами Василий Коробьин. Рязань оставалась опорой царя Василия все эти тяжелые годы. Через Рязань и Коломну в Москву поступало продовольствие. В начале 1610 г. войска Скопина-Шуйского разгромили тушинцев, Лжедмитрий II бежал в Калугу, Москва освободилась от вражеской блокады. В боярском списке 1610/1611 г. мы видим братьев Семена и Василия Коробьинных уже «дворянами Московскими», что для провинциальных рязанских помещиков было высокой честью (Семен записан впереди Василия)¹⁴.

За московское осадное сидение при царе Василии Шуйском братья Коробьины были пожалованы вотчинами. Василий и Иван Коробьины вместе с младшим братом Борисом (впервые упомянут в источниках) получили вотчины в Матницком стане Суздальского уезда, причем Василию и Ивану эти вотчины даны были «против рязанской вотчины и поместья села Песошны». В дальнейшем вотчина Бориса Коробьина в Матницком стане перешла к Василию Гавриловичу и его брату Ивану (по-видимому, Борис умер вскоре после событий 1612 гг.). Семен Коробьин получил вотчину в Каменском стане Рязанского уезда¹⁵.

Летом 1610 г. обстановка в центре страны изменилась коренным образом в связи со смертью талантливого военачальника

---

¹³ См.: Белокуров С.А. Разрядные записи... С. 105; Эскин Ю.М. Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994. С. 135.

¹⁴ Боярский список 119-го году сочинен до московского разорения при Литве с письма думного дьяка Михаила Данилова // *Сторожев В.* Материалы для истории русского дворянства // ЧОИДР. 1909. № 3 (230). С. 93.

¹⁵ См.: Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы. Том VIII / сост. Ю.В. Анхимюк, А.П. Павлов. М.; Варшава, 2009. С. 437–438.

М.В. Скопина-Шуйского, разгромом русской армии польским гетманом Жолкевским под Клушино, свержением Василия Шуйского и присягой москвичей польскому королевичу Владиславу. В свержении царя Василия активную роль играли братья Ляпуновы. Братья Коробьины, по-видимому, не остались в стороне от этих событий, а Иван Коробьин в сентябре 1610 г. сопровождал Филарета и Голицына под Смоленск. Польский король Сигизмунд отказался выполнять условия договора, который заключили москвичи с гетманом Жолкевским. Король продолжал штурмовать Смоленск, отказался направить в Москву своего сына Владислава и крестить его в православную веру, требовал, чтобы москвичи присягнули ему, польскому королю, как своему государю.

Во главе освободительное движение против поляков встал Прокопий Ляпунов. Василий Коробьин с братьями Семеном и Борисом также принимал активное участие в Подмосковном ополчении. В войске князя Д.Т. Трубецкого, который вместе с казачьим атаманом Иваном Заруцким возглавлял Подмосковное ополчение после убийства казаками Прокопия Ляпунова, в числе стряпчих, приехавших «из деревень», записан Василий Гаврилович Коробьин. Он был «без съезду», поместный оклад его указан в «800 чети, денег из чети 70 рублей». Здесь же записан «с Рязани» его младший брат Борис Гаврилович Коробьин с довольно большим окладом в «750 чети, денег из чети 30 рублей», который «приехал с бояры, в отпуске». Эта запись сделана 2 ноября 1611 года¹⁶.

Осенью 1611 г. в Нижнем Новгороде начинает формироваться новое ополчение, возглавляемое Козьмой Мининым и князем Дмитрием Пожарским. Братья Семен, Василий и Борис Коробьины участвовали в разгроме гетмана Ходкевича и в освобождении Москвы в составе Подмосковного ополчения князя Трубецкого и Нижегородского ополчения князя Пожарского. От Трубецкого и Пожарского братья Коробьины получили в награду за службу земли некоторых рязанских помещиков, которые не участвовали в ополчении. В дальнейшем эти помещики за участие в боях против

---

¹⁶ Список разных чинов людей, которые были на земской службе с воеводою кн. Д.Т. Трубецким. 1611, ноября 2 // АМГ. СПб., 1890. Т. 1. (1571-1634). № 45. С. 78-80.

атамана Заруцкого на Рязанщине (конец 1612 – начало 1613 г.) получили обратно у Коробьиных по указу царя Михаила Романова часть своих земель, а с утраченных поместий им разрешили собрать выращенный урожай¹⁷.

В боях под Москвой братья Коробьины захватили в плен знатного литовского пана Харлинского. Коробьины надеялись в дальнейшем обменять этого пана на своего брата Ивана, томящегося в польской тюрьме вместе с другими членами посольства Филарета-Голицына. В источниках говорится, что «при боярах» уже велись переговоры поляков с братьями Коробьиными о частном обмене Ивана Коробьина на этого пана Харлинского. Польские родственники Харлинского ещё в 1612 г. привезли Ивана Коробьина для обмена в Вязьму, где ему пришлось долго ждать решения Москвы, «недель по 10 и по 15». Поляки позже вспоминали: «...К нам писали о размене, что было им отпустить Харлинского с товарищи, а нам было прислати дворян; и мы дворян Ивана Коробьина с товарищи для размены посылали, а они наших панов Харлинского с товарищи к размене не прислали». Частный обмен так и не состоялся. Бояре приняли решение обменивать сразу всех участников посольства. Также неудачей закончились переговоры об обмене Филарета, Голицина, Шеина и других русских пленников на захваченных в Кремле полковников Струся, Будилу и их людей, которые вел в 1613 г. московский посол Денис Оладыин¹⁸. Участникам посольства Филарета, в том числе Ивану Коробьину, пришлось ждать в Польше ещё свыше пяти лет (обмен пленников произошел лишь летом 1619 года).

Василий Коробьин, как московский дворянин, участвовал в Земском соборе, избравшем Михаила Романова. Его подпись имеется на Утвержденной грамоте¹⁹. Перед новым московским прави-

---

¹⁷ См.: Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столпцы Печатного приказа) / под ред. Л.М. Сухотина. М., 1915 (Челобитные Гвоздевых, Обловых, Яковлевых). № 106. С. 65; № 497. С. 153; № 702. С. 196.

¹⁸ Посылка в Польшу гонца Д.Г. Оладыина. 1613, февраль-июль // Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польшей (1609–1615) // РИО. СПб., 1913. Т. 142. С. 371, 406–407, 418. См. также: Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 18 кн. М., 1995. Кн. V, т. 9. С. 31–33.

¹⁹ См.: Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. 2-е изд. М., 1906. П.Г. Любомиров считал,

тельством одной из важных задач было доказать перед всеми странами легитимность Михаила Романова. Для этого была предпринята беспрецедентная акция – в 1613 г. почти одновременно были отправлены 8 посольств в разные страны. Послы просили правителей оказать финансовую помощь и вступить в союз с Россией, информировали об окончании внутренней Смуты (хотя до конца еще было далеко), об избрании законного царя. Одно из посольств Михаила Никитича Тиханова и подъячего Алексея Бухарова было отправлено в Иран к шаху Аббасу. Обычный путь послов по Волге через Астрахань был невозможен: в Астрахани находился атаман Заруцкий. Пришлось выбирать обходной путь по зимней степи через Самару–Яик–Эмбу–Хиву. Для этого необходимо было тщательно подготовиться к такому тяжелому длительному пути.

Для обеспечения данного посольства в Нижний Новгород был отправлен Василий Коробьин и дьяк Четай Оботуров. Жители Нижнего, сыгравшие большую роль в формировании ополчения, освободившего Москву, теперь фактически саботировали указания воевод по подготовке лошадей и продовольствия для данного посольства. По царскому указу было приказано подготовить в Нижнем Новгороде 137 лошадей, из них «76 добрых под послов и 61 кошевых под запасы». В царском указе Василию Коробьину было записано: «Велеть сыскать, а посадским людям выговорить, они делают непослушанием, дуростью, воевод не слушают и бесчестят, и им быть в опале, а лошадьми бы промышляли и отпускали тотчас, не мешкая»²⁰.

Накануне отправки В.Г. Коробьину этого царского указа в Москве 1 января 1614 г. было получено тревожное донесение воеводы Нижнего князя Бахтеярова-Ростовского о трудностях при обеспечении посольства М.Н. Тиханова всем необходимым. На этом донесении сохранилась помета: «отписать к Василью Коробьину». Должность В.Г. Коробьина в этом документе не обо-

---

что В. Коробьин поставил свою подпись на Утвержденной грамоте после возвращения из Путивля в 7124 г. (1615/1616 г.). См.: Любомиров П.Г. Очерк истории нижегородского ополчения (1611–1613 гг.). М., 1939. С. 267.

²⁰ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 2 / под ред. Н.И. Веселовского // Тр. ВО ИРАО. СПб., 1892. Т. 21. С. 151–252.

значена, очевидно, как пишет П.П. Бушев, «он ведал земскими людьми»²¹. В Нижний Новгород 3 января 1614 г. с гонцом послано два указа, небольшой – воеводе князю Бахтеярову-Ростовскому и пространный – В.Г. Коробьину (получен 16 января). В данном указе говорится о настоящем бунте нижегородцев: они обесчестили боярина и воеводу, «в съезжей избе сотников побили и их лаяли», а земской староста Петр Луковник «голову стрелецкого Ивана Остренева обесчестил, бил по щекам», нижегородские посадские люди проявили «самовольство и непослушание великое»²².

Василий Коробьин действовал не только советами, разъяснениями и увещеваниями. Ему поручалось также сыскать накрепко виновных, которые «воеводу и его людей лаяли», а сотников избили. Эти дела по расследованию он должен был прислать в Москву. В донесении от 22 января, полученном в Москве 2 февраля, он указывал, что принял крутые и энергичные меры. Василий Гаврилович сразу после получения указа из Москвы, т.е. 16 января, собрал нижегородских земских старост, целовальников и посадских людей²³. Неизвестно, что больше повлияло на жителей Нижнего Новгорода: грамоты из Москвы или деятельность Василия Коробьина, но в итоге к концу января 1614 г. лошади и продовольствие были подготовлены и доставлены по назначению. 30 января это посольство направилось из Нижнего через Алатырь на Самару и уже 7 февраля послы находились в Алатыре. После многих приключений посольство М.Н. Тиханова осенью 1614 г. прибыло к шаху Аббасу. За свою деятельность Василий Коробьин получил благодарность от правительства: «...122-го февраля в 3 день (3.2.1614 г.) бояре приговорили, велели отписать к Василью [Коробьину. – Я. Р.], что он то учинил добро, что лошади собрал»²⁴.

---

²¹ Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613–1621 гг. (по русским архивам). М., 1987. С. 26–27.

²² Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией... С. 155, 193, 225.

²³ См.: Бушев П.П. История посольств... С. 26–27; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией... С. 194–196.

²⁴ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией... С. 196.

Вскоре после возвращения из Нижнего Новгорода в Москву Василий Коробьин был назначен воеводой в Путивль вместо умершего воеводы князя Т.Ю. Мещерского²⁵. Этот крупнейший южный русский город в Смутное время был центром всех антиправительственных движений. Теперь Василию Коробьину, второму воеводе Степану Чемесову, казачьему атаману Андрею Гриневу, Юрию Беззубцеву предстояло защищать южные границы от набегов поляков, черкас, татар. Довольно многочисленный гарнизон Путивля к 1616 г. состоял, по отписке Василия Коробьина, из 1049 «всяких ратных людей». В состав гарнизона Путивля в то время входили 274 детей боярских, 50 пушкарей и затинщиков, 27 плотников, кузнецов и воротников, 300 стрельцов, 160 жилецких казаков с атаманом Андреем Гриневым и 238 других казаков²⁶.

Важным источником о службе Василия Коробьина в Путивле является Книга сеунчей (сеунч – весть о победе)²⁷. События завершающего периода Смуты в данном регионе практически не нашли своего отражения в трудах отечественных исследователей. Поэтому стоит остановиться подробнее на участии служилых людей из Путивля под руководством воеводы В.Г. Коробьина в походах на литовские города Гомий (Гомель), Синеч, Хорол, Миргород, Монастыревский острог. Сам воевода Коробьин оставался в Путивле, осуществлял общее руководство, договаривался с воеводами других городов (Рыльска и Новгорода-Северского) о совместных действиях против поляков. Служилые люди из Путивля предпринимали еще в январе 1614 г. при воеводе Тимофее Мещерском успешные рейды под литовские города Синеч и Логвицу. В январе – феврале 1615 г. воеводы Василий Коробьин из Путивля и Алексей Львов из Рыльска предприняли совместную операцию. В этом походе участвовали путивльские ратные люди, дети боярские, атаманы и казаки во главе с головой Юрием Беззубцевым и казачьим атаманом Андреем Гриневым, а также рат-

---

²⁵ См.: Разрядные книги 1598–1638 гг. С. 294; Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 244, 421.

²⁶ См.: Книги разрядные. СПб., 1853. Т. 1. (1614–1627). Стб. 78, 192.

²⁷ См.: Книга сеунчей 1613–1619 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Кн. 1. М.; Варшава, 1995. С. 19–98.

ные люди из Рыльска под командованием Константина Ширкова. Результаты этого похода сеунщики от Василия Коробьина и Алексея Львова 8 марта 1615 г. сообщили в Москве: «Взяты взятъем (штурмом) литовские города Хорол и Миргородок, посады выжгли, литовских людей многих побили и в языцах взяли литовских людей с женами и детьми со сто и больше, и русских людей отполонили и наряд и знамена и урядников тех городов поимали». Сеунщики получили в Москве достойную награду за такие вести²⁸.

В апреле следующего 1616 года воевода Василий Коробьин отправил в новый рейд служилых людей из Путивля и Чернигова (отряд черниговцев находился в Путивле под началом В.Г. Коробьина). Возглавляли этот поход атаманы «Андрей Гринев, Левонтей Рябой и черниговец Яков Костентинов». 12 мая 1616 г. сеунщики доложили боярам в Москве, что «ратные люди, дети боярские, стрельцы и казаки, Монастыревский город взяли взятъем, литовских многих людей побили и наряд поимали, и урядника с женою и сыном взяли, и город весь и посад без остатка выжгли, и около Монастыревского города многие литовские села и деревни воевав, выжгли, и монастыревские места очистили»²⁹.

Через месяц, в начале июня 1616 г. был осуществлен совместный поход служилых людей из Путивля, Новгорода Северского и Рыльска в Литовскую землю. 4 июля 1616 г. сеунщики от воевод Василия Коробьина, Федора Волынского и Никиты Волконского сообщили в Москве, что «в посылках головы из Путивля Юрий Беззубцев, из Новгорода Богдан Износков, из Рыльска Василий Малеев, свестясь, пришли в литовскую землю к Остря, острог Остренский взяли и многих литовских людей побили, языки поимали и русский полон отполонили, посады и острог выжгли и около Остря села и деревни воевали и выжгли»³⁰.

Кроме участия в военных делах воеводе Василию Коробьину пришлось заниматься в Путивле сложными поместными делами, связанными с вотчинами путивльского Молчановского монастыря в Путивльском и Новгород-Северском уездах. Он отыскивал старые

---

²⁸ Книга сеунчей... С. 23, 33.

²⁹ Там же. С. 43.

³⁰ Там же. С. 44.

сыскные списки о вотчинах этого монастыря, писал в Москву о селах и деревнях, которые ранее принадлежали Молчановскому монастырю. Когда в Путивле находился «царевич Петр Федорович» (1606 г.), этот самозванец «скинул с башни и убил до смерти» игумена Дионисия, а также «изодрал» жалованные грамоты на монастырские вотчины, выданные ещё Лжедмитрием I и Василием Шуйским³¹. Через много лет Василию Коробьину придется решать поместные дела по всей стране, когда он станет судьей Поместного приказа.

Осенью 1616 г. Василий Коробьин, передав все дела в Путивле новому воеводе князю Григорию Тюфякину, возвратился в Москву.

В боярском списке 1616 г. среди «дворян Московских» записаны «Семен да Василей Гавриловы дети Коробьина», поместный их оклад не указан³². Семен Коробьин вновь записан впереди брата. В 1614–1616 гг., пока Василий служил в Путивле, Семен Гаврилович участвовал в различных посольских делах, вел переговоры вначале со шведами об обмене пленных на реке Яуна (Явань), между Осташковом и Старой Руссой, а затем с поляками под Смоленском, воевал под Дорогобужем, был воеводой в этом городе. С конца 1616 г. в течение полутора лет оба брата находились в Москве: Семен приехал в столицу из Дорогобужа, а Василий – из Путивля. Пока не найдены источники, раскрывающие деятельность братьев в это время, вплоть до лета 1618 г. По видимому, они выполняли различные поручения правительства, участвовали в качестве московских дворян в дворцовых церемониях.

Самое тяжелое время для страны настало летом – осенью 1618 г. Королевич Владислав, захватив Дорогобуж, Вязьму и осадив Можайск, двигался на Москву с запада. С юга через Зарайск и Оку к столице шли запорожцы гетмана Сагайдачного. В этих тяжелых бо-

---

³¹ Жалованная грамота царя Михаила Федоровича путивльскому Молчановскому монастырю на вотчины в Путивльском и Новгород-Северском уездах. 1615, июля 14 // Народное движение в России... № 111. С. 227.

³² Книга, а в ней писаны бояре и окольнічье и думные люди ...и стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и дьяки, и жильцы... 124 году // АМГ. Т. 1. № 108. С. 145.

ях под Москвой и в районе Зарайска отличились братья Коробьины. Семен Коробьин находился в Москве, он возглавлял оборону одного из участков за Москвой рекой в остроге в Серпуховских воротах³³.

Василий Коробьин в начале сентября был отправлен из Москвы воеводой в Зарайск. В Осадном списке 1618 г. отмечено, что «в Зараском городе Василей Гаврилов сын Коробьин. Послан с Москвы в 127-м году в сентябре»³⁴. Скорее всего, Василий Коробьин отправился в Зарайск ещё в конце августа. Новый воевода быстро преодолел расстояние около 200 верст, сумел подготовить город к отражению врага и уже 5 сентября 1618 г. принял первый бой в Зарайске с отрядами черкас Сагайдачного. В Книгах разрядных приводится состав гарнизона Зарайска в это время: В подчинении Василия Коробьина находились 338 дворян и детей боярских из Рязани и Коломны, 151 стрелец из Зарайска и Нижнего Новгорода, станица казаков с атаманом Алешей Остафьевым (52 чел.), 40 пушкарей и затинщиков, и 6 воротников. В обороне города также участвовали 146 «посадских людей и чернослободцов»³⁵.

Об этих боях мы узнаем из Книги сеунчей. Обычно в качестве сеунщиков воеводы отправляли в Москву наиболее отличившихся воинов, среди которых часто оказывались родственники воевод. В Москве сеунщики всегда получали ценные подарки. С известиями о результатах боя 5 сентября были отправлены Дмитрий Коробьин и Михаил Трегубов. Воевода Василий Коробьин сообщал, что «5 сентября в 3-м часу дня приходил к Зарайскому городищу гетман Сагайдачный со всеми черкасами и приступали к Зарайску всеми людьми. Воевода Василий Коробьин посылал на вылазку голов с сотнями. Черкас от города отбили, из слобод и острога выбили, многих черкас побили и языки поимали, слобод жечь не дали и от посада отбили прочь. Гетман Сагайдачный

---

³³ Собор, держанный в присутствии Государя Царя Михаила Федоровича духовными и светскими чинами: каким образом противустать Королевичу Владиславу 1618, сентября 9 // СГД. Ч. 3. № 40. С. 176; Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы / сост. Ю.В. Анхимюк, А.П. Павлов: в 8 т. М.; Варшава, 2009. Том VIII. С. 40.

³⁴ Осадный список 1618 г. ... С. 43.

³⁵ Книги разрядные. Т. 1. Стб. 653–654.

со всеми людьми, отойдя от города с версту, стал по берегу, на Великом поле два дня и ночь. И в те дни и ночь к городу со всеми людьми приходили и бились беспрестанно, взяли языков черкас 2 человека». Таким образом, в отличие от Ливен, Ельца и Данкова, крепость Зарайск оказалась не по зубам для черкас.

Не сумев захватить Зарайск, Сагайдачный двинулся дальше на Москву к бродам через Оку. Через несколько дней Василий Коробьин получил известие, что ещё один отряд «литовских людей» направляется к Оке по маршруту войска Сагайдачного. Отправленные воеводой В.Г. Коробьиным 10 сентября головы с сотнями Федор Любавский и Иван Кошелев встретили литовских людей в поместье князя Михаила Гагарина в деревне Олтухове «бились с ними, языки поимали». Языки сообщили, что их отряд «идет к реке Ока на перевоз, туда, где перелазил гетман Сагайдачный с черкасами». Василий Коробьин рискнул оставить в Зарайске небольшой гарнизон, а сам со всеми силами быстро двинулся к перевозу через Оку. Враги не ожидали встретить здесь русских воинов. Итог этого боя, по докладу воеводы Коробьинова: «литовских людей у Оки побии наголову, языки, знамена, трубы, литавры суренки поимали. А остальные все потопили в Оке реке, а в языках взяли литовских людей 148 человек». 18 сентября известие об этой победе сообщил в Москве сеунщик Андрей Коробьин³⁶.

Последние бои с черкасами происходили уже в конце ноября 1618 г., когда отягощенные полоном черкасы возвращались из-под Москвы. Известно, что вместе с собой казаки уводили молодежь, способную выполнять обязанности слуг. Задачей воевод было не допустить увода русских людей. Василий Коробьин действовал совместно с воеводами Коломны. В бою 24 ноября в посылке от воевод головы Федор Любавский из Зарайска, Иван Бабин из Коломны встретили черкас в Коломенском уезде на пустоши в Железникове <...> на речке на Осенке, человек с 200 и больше. <...> Черкас побии, языков взяли 90 и 22 человека, а русского полону отгромили 300 человек <...> коши все и полон весь поимали»³⁷.

---

³⁶ Книга сеунчей. С. 89–90.

³⁷ Там же. С. 93–94.

Об этих боях Василия Коробьина, о «заражской службе» писал участник этих событий рязанец Замятня Лихачев, как Василий Коробьин «за Саадашным ходил на устье Осетра реки». Самому Василию Коробьину была отправлена награда «золотой в два золотых угорских, послан в Заразский город» за то, что он, «сшед, черкас побил»³⁸.

Оба брата Коробьина получали жалование из Устюжской чети. Вскоре после окончания Смуты они имели довольно большой поместный оклад, установленный с учетом прибавок за службу. В 127 г. (1618/1619 г.) Василию Коробьину был установлен оклад в 135 рублей, а Семену Коробьину – в 120 рублей³⁹. Здесь впервые видим оклад у Василия выше, чем у Семена; Василий записан впереди брата. За эту Московскую осадную службу по государеву указу брата Коробьины, как и многие другие участники этих событий, получили часть поместий в вотчину. Василий Коробьин за службу в Зарайске получил царскую награду: шубу ценой 72 рубля, кубок, а также придачу к денежному окладу в размере 25 рублей. Поместной придачи ему не было дано, так как поместный оклад к тому времени уже составлял 1000 четей⁴⁰.

Владимир Богуславский сообщает о передаче Василию Коробьину в вотчину селения Горицы, которое находилось «на высоком берегу р. Теза, напротив с. Дунилово». В середине XVI в. это селение принадлежало потомкам суздальских князей – князьям Горбатым-Шуйским – Дмитрию и Василию, а после пресечения этого рода Горицы поступили в казну и были пожалованы

---

³⁸ Кормленная книга Костромской чети 1613–1627 годов / публ. А.Н. Зерцалов // РИБ. СПб., 1894. Т. 15. С. 184; Приходно-расходные книги 7121–7127 гг. золотых и золоченых денег в Разряде // Там же. СПб., 1912. Т. 28. Стб. 802.

³⁹ Расходная книга Устюжской чети 127 г. // Там же. СПб., 1912. Т. 28. Стб. 685.

⁴⁰ Дело по челобитью Андрея Литвинова-Мосальского о придаче ему за Путивльскую службу поместного и денежного окладов. 1633 г. // АМГ. Т. 1. № 547. С. 518–522. См. также: Дело по челобитью Баима Болтина // Там же. № 512. С. 484–487; Дело по челобитью Ивана Еопкина // Там же. № 595. С. 554.

(1618) царём Михаилом Фёдоровичем дворянину московскому В. Коробьину за «осадное московское сиденье»⁴¹.

По условиям Деулинского перемирия Россия и Польша в марте 1619 г. должны были возвратить всех захваченных пленных. Наконец, в начале июня 1619 г. обмен пленными был осуществлен. Царь Михаил смог обнять своего отца, а Василий Коробьин встретил своего брата Ивана.

После завершения Смуты братья Коробьины принимали активное участие в различных посольствах (в Иран, Турцию, Данию), служили воеводами в городах. Семен Коробьин в конце 1622 г. назначен воеводой в Уфу⁴². В то время, когда Семен Коробьин находился в далекой Уфе, его брат, Василий Гаврилович возглавлял посольство в Иран к шаху Аббасу. Это посольство было отправлено летом 1621 г. Решение об отправке данного посольства было принято ещё в апреле 1621 г. 18 апреля был у царя в отпуске персидский посол Булам-Бек. После государева стола думный дьяк Иван Грамотин объявил послу, что «царь Михаил Федорович отправляет к брату своему, шах Аббасу величеству, дворянина своего Василья Гавриловича Коробина да дьяка Астафья Кувшинова». Далее в этом документе сказано, что послы Василий Коробьин и Остафий Кувшинов были отправлены «того же году в Кизылбашу». В Описи сторевавшего архива Посольского приказа 1626 г. имеется запись: «Верх столпа Кизылбашского Василья Коробьина да дьяка Остафья Кувшинова 129 году»⁴³. Василий Коробьин получил посольский наказ еще в мае – июне 1621 г. Этот наказ датирован 29 мая 1621 г. Одновременно в Англию был направлен посланником Исаак Погожий. Коробьин и Погожий при этом пытались местничать друг с другом. По боярскому приговору было принято решение, что «в том им в отечестве счету и мест нет», и вообще, впредь у посланников и гонцов, которых посылают в разные государства, никакие челобитья о

---

⁴¹ Славянская энциклопедия. XVII век: в 2 т. / Авт.-сост. В.В. Богуславский. М., 2004. Т. 1. С. 343.

⁴² См.: Книги разрядные. Т. 1. Стб. 872, 926, 1034.

⁴³ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 473. См. также: Опись архива Посольского приказа 1626 года: в 2 ч. / под ред. С.О. Шмидта. Ч. 1. М., 1977. С. 286–287. Здесь же говорится, что Коробьину и Кувшинову «от шаховых людей учинено бесчестье мимо прежней обычай».

местах не слушать⁴⁴. К началу осени 1621 г. посольство во главе с Василием Коробьиным по стандартному маршруту по Волге через Казань, Саратов и Царицын прибыло в Астрахань и направилось далее в Иран. По пути в Саратове в июле – августе 1621 г. это посольство Василия Коробьина встречал и провожал местный воевода князь Ефим Федорович Мышецкий.

Одной из сложных проблем, обсуждаемых на переговорах с шахом, был грузинский вопрос. Москва не могла равнодушно наблюдать, как люди шаха устраивают террор в православной Грузии, правитель которой, Теймураз, бежал в соседнюю Турцию, продолжая борьбу за освобождение страны в союзе со злейшим врагом шаха, турецким султаном. В наказе Василию Коробьину и Остафию Кувшинову предписывалось говорить при встрече с шахом Аббасом, чтобы шах отказался от враждебных действий в отношении Грузии, «отдал бы её Теймуразу». В грамоте самому шаху царь Михаил настаивал («любительно напоминает») освободить мать и детей Теймураза. Царь предлагал себя в качестве посредника в грузино-иранских отношениях. Со своей стороны, шах Аббас пытался доказать свою веротерпимость и даже глубокое уважение к православным ценностям⁴⁵. Во время своего похода в Грузию шах Аббас захватил православную святыню, ризу Христову. Сейчас трудно сказать, кто был инициатором дальнейших событий. Русские посланники Василий Коробьин и Остафий Кувшинов, несомненно, знали об этой святыне. Возможно, Коробьин сам приложил определенные усилия в отыскании данной святыни и переговорах об отправке её в Москву, завел о ней речь с людьми шаха, среди которых было немало грузин.

Прием русских посланников в Иране сопровождался преувеличенно – демонстративным заявлением шаха о дружбе к московскому государю. Шах Аббас осыпал Коробьина и Кувшинова любезностями, говорил, что все, что он имеет, «это не моё, всё Божие да государя царя Михаила Федоровича»⁴⁶. Шах, якобы, сам пред-

---

⁴⁴ Описание архива Посольского приказа 1626 года. С. 388.

⁴⁵ *Накашидзе Н.Т.* Грузино-русские политические отношения в первой половине XVII века. Тбилиси, 1968. С. 77, 81, 114, 223. Автор ошибочно называет русского посла в Персию Иваном Коробьиным.

⁴⁶ Цит. по: *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 163.

ложил передать в подарок царю Михаилу и патриарху Филарету эту святыню. 21 января 1622 г. состоялась первая встреча русских послов с шахом, во время которой шах Аббас сообщил послам о наличии у него ризы Христа⁴⁷. Коробьин и Кувшинов письмом известили государей об этом. Царь Михаил и патриарх Филарет не упуская случая возвысить свой дом перед всеми христианскими правителями, особенно перед римским папой, с помощью предметов веры и благочестия, приказали всеми мерами добиваться этого сокровища. Предварительно в Москве было проведено расследование, опрошены многие люди, которые подтвердили, что ранее в Грузии в одном из монастырей действительно находилась эта риза Христова. Среди них – иерусалимский старец келарь Аникей⁴⁸. Современный исследователь В.Н. Козляков отмечает: «Обретение одной из величайших христианских святынь подтверждало высокое духовное значение Московского царства, давало сильный аргумент сторонникам идеи о Москве – новом Иерусалиме»⁴⁹. Известный купец гость Федот Котов, отправленный в 1623 г. в Иран, и оставивший первое описание левого бережного Саратова, повез Василию Коробьину и Остафию Кувшинову специальные инструкции⁵⁰.

П.П. Бушев подробно описывает пребывание посольства В.Г. Коробьина в Персии, рассказывает, как послы сумели, не уронив чести, предстать перед шахом в подаренных персидских кафтанах. Послы прибыли на аудиенцию в русской одежде, а затем, когда шах пошел им навстречу, на глазах шаха Аббаса демонстративно надели поверх своих кафтанов шахские подарки: «... шахово жалованье по кафтану на себя объявили, в рукава не вдевая и не застегивая». П.П. Бушев называет русского посла Василием Григорьевичем Коробьиным. В этой статье ничего не говорится о ризе Христовой⁵¹.

27 июня 1624 г. в Москву пришло письмо от Василия Коробьина и Остафия Кувшинова о том, что они уже в пути вместе со святыней, их сопровождают послы шаха. Дорога через Дербент и Тер-

---

⁴⁷ См.: Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 767.

⁴⁸ См.: Описание архива Посольского приказа 1626 года. С. 366.

⁴⁹ Козляков В.Н. Михаил Федорович. М., 2004. С. 141–143.

⁵⁰ См.: Описание архива Посольского приказа 1626 года. С. 344.

⁵¹ Бушев П.П. Посольство В.Г. Коробьина и А. Кувшинова ... С. 124–155.

ский городок до Астрахани была долгой. Шах ещё передал царю двух слонов в подарок. Неизвестно, добрались ли эти животные до Москвы, вряд ли они перенесли зимнюю дорогу (ранее шах отправлял в Москву слона в 1620 г., судьба которого также неизвестна).

После прощальной аудиенции у шаха посольство вернулось в Фарабад, откуда 9 июня 1623 г. выехало в Шемаху. В этом городе послы пробыли 4 месяца (с 6 июля до 20 ноября), ожидая шахских послов, Урусун-бека и Мурат-бека, с которыми должны были вместе следовать в Россию. Именно здесь произошла встреча Василия Коробьина с Федотом Котовым. 4 декабря 1623 г. послы прибыли в Дербент, 17 декабря – в Тарки, а 30 декабря – в Терский городок, где зазимовали. 1 марта 1624 г. послы отправили в Москву своего толмача с донесением о пребывании в Иране. Возможно, именно это письмо было получено в Москве 27 июня 1624 г. Астраханские власти прислали корабли, и 20 апреля оба посольства прибыли в Астрахань. Здесь произошла задержка по вине персидских послов, которые долго разыскивали своих беглых людей, хотя воеводы Астрахани уже к 20 июля подготовили суда для плавания по Волге⁵².

Наконец, 19 августа 1624 г. оба посольства отплыли из Астрахани к Царицыну. Хорошо известно, что 6 октября послы находились в Самаре. Нетрудно подсчитать, что около 15–20 сентября посольство Коробьина и шахские послы останавливались в Саратове. Местный воевода Федор Иванович Чемоданов дал в качестве охраны саратовских стрельцов и сразу же поспешил отправить это посольство в Самару. В Самаре послам пришлось задержаться почти на две недели, так как закончилось продовольствие, полученное в Астрахани. Из других источников известно, что астраханские воеводы обычно предоставляли русским и персидским послам корм от Астрахани до Казани из расчета быстрого плавания на 6 недель⁵³. Такой график движения редко удавалось выполнять. Наконец, 24 октября, послы прибыли в Казань. Здесь уже их ожидал царский указ: оставить персидских послов в Казани, а Василию Коробьину и Остафию Кувши-

---

⁵² Бушев П.П. Посольство В.Г. Коробьина и А. Кувшинова... С. 148.

⁵³ См.: *Полиевктов М.А. Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию. Тифлис, 1928. С. 9.*

нову срочно ехать в Москву. Русские послы отплыли из Казани 26 октября, но уже через 20 верст у Свияжска в связи с наступившими морозами пришлось сойти на берег и дальше добираться в Москву «на конех лежким делом». Прибыв в Москву в декабре 1624 г., Василий Коробьин дал полный отчет о посольстве. Коробьин и Кувшинов также отчитались, на что потратили выданных им «на кизыльбашскую покупку» соболей, лисиц и куниц, «что они на то в Кизыльбашах купили и зделали». Вскоре в Москву из Казани выехали персидские послы, которые прибыли в столицу 25 февраля 1625 г. и «привезли в дарах ризу Господа Бога, еже есть хитон»⁵⁴.

В Новом летописце одна из глав посвящена приезду в Москву послов шаха Аббаса с этой святыней, торжественному приему в Грановитой палате, на котором послы Урусун (Русан)-бек и Муратбек поднесли патриарху Филарету золотой ковчег, внутри которого находился небольшой кусок ветхой полотняной материи⁵⁵. Это произошло 11 марта 1625 г., а через неделю, 18 марта, об этой святыне было объявлено царю Михаилу. Проверка, испытания, многочисленные чудеса и исцеления вскоре подтвердили подлинность этой реликвии.

Первым из исследователей, кто обратился к изучению данного сюжета, был В.Н. Татищев, который писал: «Июля 10 дня принесена из Персии в дар риза Господня посланником Василием Коробьиным»⁵⁶. Данный труд Татищева был опубликован через 200 лет после смерти автора. Н.С. Арцыбашев в своем сочинении в сноске привел цитату из Нового летописца, указав имя русского посла, Василий Коробьин. С.М. Соловьев и Д.И. Иловайский, как обычно, указали только фамилию (Коробьин), а В.Н. Козляков ничего не писал о русском посланнике Василии Коробьине, хотя подробно остановился на испытаниях, исцелениях и дальнейшей судьбе этой реликвии⁵⁷.

---

⁵⁴ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 661, 665–666; Опись архива Посольского приказа 1626 года. С. 394.

⁵⁵ См.: Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. С. 151; ААЭ. Т. 3. № 168. С. 245. СГГД. Т. 3. № 73. С. 290; Отписки и грамоты о приезде персидского посла // Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 767–822.

⁵⁶ Татищев В.Н. История Российская: В 7 т. Л., 1968. Т. 7. С. 167.

⁵⁷ См.: Арцыбашев Н.С. Повествование о России: в 3 т. М. 1843. Т. 3, кн. 6. С. 51; Соловьев С.М. История России с древнейших времен... Кн. V, т. 9.

Нет нужды говорить, что вскоре посол Василий Коробьин, приложивший немало сил для доставки данной святыни в Москву, не без участия патриарха был приближен ко Двору, получил звание окольничего, стал начальником (судьей) Поместного приказа. При этом местнические споры Василия Коробьина с окольничим Артемием Измайловым продолжались в 134 г. (1625/1626 год)⁵⁸.

В 1625 г., «как Василий Коробьин пришел из Кизылбаш», братья Коробьины «били челом» на Василия Измайлова, отца Артемия Измайлова. Разбиралось прошлое дело посольства под Смоленск осенью 1615 г. Царь поручил рассмотреть это дело боярину Василию Петровичу Морозову, но Артемий Измайлов сказал, что Василий Морозов Коробьиным «свой и друг», и то дело у Василия Морозова было взято (и так не вершено). 25 октября 1625 г. состоялся новый суд. Теперь царь поручил это дело судить боярину Дмитрию Михайловичу Пожарскому и разрядному дьяку Михаилу Данилову, однако суд так и не был вершен⁵⁹.

Братья Коробьины встречаются все вместе в мае 1625 г. на дворцовых церемониях в Москве. 9 мая 1625 г. «на праздник Николы Чудотворца у Николы на Угреши» был стол у государя. Среди присутствующих на этом праздничном обеде, записаны дворяне «Семен и Василий Гавриловы Коробьины». На этой церемонии присутствовал также персидский посол «грузинец Русам-бек», который незадолго до этого, в марте того же года, вручал патриарху Филарету Ризу Христову. В «кривой стол», где сидел персидский посол, пить носили «дворяне <...> Иван Гаврилов сын Коробин, Андрей Федоров Наумов»⁶⁰.

В 1625–1626 гг. Василий Коробьин вместе с братьями Иваном и Семеном часто упоминаются в разрядах, участвуют в придворных церемониях. 8 сентября 1625 г. на праздник Рождества Бого-

---

С. 163 (историк считал, что послы шаха преподнесли этот дар в Москве патриарху в 1624 г.); *Иловайский Д.И.* История России. Новая династия: в 6 т. М., 1996. Т. 5. С. 284–285; *Козляков В.Н.* Указ. соч. С. 141–143; *Филатова Т.* «А к шаху в его платье не ходити». Российские дипломаты при дворе Аббаса Великого // *Родина*, 2009. № 12.

⁵⁸ См.: *Опись архива Посольского приказа 1626 года ...* С. 404.

⁵⁹ См.: *Дворцовые разряды*. Т. 1. Стб. 730, 834.

⁶⁰ Там же. Стб. 687–688, 694.

родицы, когда у государя был праздничный стол в столовой избе, где обедал также патриарх Филарет, Василий Коробьин находился у государева стола в числе других 12 дворян (он записан четвертым в списке). 5 марта 1626 г. на празднование дня ангела новой царицы Евдокии Лукьяновны Стрешневой Василий Коробьин также записан у государева стола среди прочих 47 дворян (14-м в списке). 2 апреля на Вербное воскресенье В.Г. Коробьин был у царского стола в золотой подписной палате среди 40 дворян. 11 апреля 1626 г. на Светлой неделе во вторник он был у государева стола в столовой избе. 6 августа 1626 г. на праздник Преображеньев день Спасов у государя был стол в золотой подписной палате. Среди 18 дворян шестым в списке записан Василий Коробьин. 15 августа 1626 г. на праздник Успения Богородицы Василий Гаврилович вместе с братом Иваном записан в списке дворян в столовой патриаршей палате, когда царь обедал у своего отца⁶¹.

Вскоре судьбы вновь разлучила братьев Коробьиных. В 1628 г. Василий Гаврилович был назначен полковым воеводой на Дедилове. Он оборонял южные границы от набегов татар. Одной из важнейших задач русского правительства была борьба с набегами крымцев и ногайцев. Обычно татары совершали эти набеги весной, а к осени опасность таких набегов становилась минимальной. Для обороны южных рубежей ежегодно отправлялись воеводы с полками в южные города. Хорошо известно о такой посылке в 1628 г. благодаря одному местническому делу. Местничали вторые воеводы Большого, Передового и Сторожевого полков И.И. Пушкин, В.Г. Коробьин, М.И. Новосильцев, В.П. Чевкин, У.С. Ляпунов, В.Г. Ляпунов. Разрядный думный дьяк Федор Лихачев в итоге вынес суровое решение: «Вы бьете челом не делом: Василию Коробьину и Михаилу Новосильцеву до Ивана Пушкина не достало, быть вам меньше его мочно». Из данного местнического дела мы узнаем о родословной Коробьиных, о том, что их предком был Степан Иванович Селиванов и о многих событиях, участниками которых были Коробьины⁶².

---

⁶¹ См.: Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 749, 790, 802–803, 831–832.

⁶² Там же. Стб. 984–991, 1006–1007; Т. 2. Стб. 767–822; См. также: Эскин Ю.М. Указ. соч. С. 163.

С весны до поздней осени 1628 г. Василий Коробьин был полковым воеводой на Дедилове. В подчинении у него находились 340 дворян, детей боярских и «казаков коширских помещиков», а «жить им в Дедилове переменяясь пополам по две недели до снегов». Также в подчинении у В.Г. Коробьина были 250 конных стрельцов и казаков⁶³. Этот год (1628) был относительно спокойным. В Крыму разгорелась очередная междоусобица между различными ханами, сторонниками Турции и Ирана, в которую были вовлечены турецкие отряды, ногайцы и запорожские казаки⁶⁴. Поэтому крымцам было не до набегов на русские земли.

20 ноября 1628 г. воеводе Василию Коробьину на Дедилов пришла царская грамота, в которой ему предписывалось ехать к Москве, а дворян и детей боярских распустить по домам. Аналогичные грамоты были направлены в Тулу, Крапивну, Пронск, Переяславль-Рязанский и Михайлов воеводам И.И. Пушкину, М.И. Новосильцеву, У.С. Ляпунову, В.П. Чевкину, В.Г. Ляпунову⁶⁵.

В конце 1631 г. Василий Коробьин возглавил московское посольство в Данию. Отправке этого посольства предшествовали следующие обстоятельства. С 1630 г. произошло ухудшение отношений России с Данией. К этому времени закончился Датский период Тридцатилетней войны, Дания, потерпев поражение от католиков, вышла из войны, начался Шведский период войны. Россия отказала Дании в льготной торговле хлебом, во внешней политике Россия переориентировалась на Швецию, надеясь в союзе с Густавом Адольфом продолжить борьбу против Польши за возвращение Смоленска. Требования датского посла «Малтеюла Гизингарского», прибывшего в Москву летом 1631 г., о беспошлинной торговле, о дороге датским купцам в Персию, были отклонены. В Москве опасались, чтобы заключение мирного договора с Данией не повредило бы дружественным отношениям к Швеции. Кроме того, датский посол не хотел писать имя короля Христиана после имени царя Михаила. В итоге, посол был отпущен в Данию «без грамоты и без от-

---

⁶³ Книги разрядные. Т. 2. Стб. 106.

⁶⁴ См.: Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 120–121.

⁶⁵ Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 13.

ветного списка». Для московской дипломатии появился удобный повод для разрыва с Данией и переориентации на Швецию. Однако это надо было закрепить дипломатически, в глазах «мирового общественного мнения». Эту сложную задачу было поручено выполнить Василию Гавриловичу Коробьину. В декабре 1631 г. в Данию отправилось московское посольство. В Дворцовых разрядах записано, что «декабря в 18 день послал Государь в Дацкую землю своих государевых послов: Василья Гаврилова сына Коробьина да Ивана Иванова сына Баклановского да дьяка Ивана Грязева». С.М. Соловьев в этот раз называет имя руководителя посольства («дворяне Василий Коробьин...»). Послов ждал в Копенгагене дурной прием: король после представления не позвал послов обедать, а королевский секретарь отказался пить за здоровье царя прежде здоровья короля. При решении вопроса о заключении мирного союзного договора «о вечном окончании» король не согласился, чтобы его имя было поставлено после имени царя Михаила. В итоге, послы во главе с В.Г. Коробьиным, «были отпущены только с любительными грамотами, не сделав ничего»⁶⁶. Фактически, этого и добивалось московское правительство. Задача была выполнена. Посольство вернулось из Дании уже к осени 1632 г. Сразу же все члены посольства получили повышение по службе.

Василий Коробьин стал окольничим, занимал видное место в боярской думе и в правительстве. В Дворцовых разрядах записано, что «октября в 1 день (1632 г.) на Покров пресвятыя Богородицы <...> за тое службу [за посольство в Данию. – Я. Р.] пожаловал Государь из дворян в окольничие Василья Гавриловича Коробьина; а окольничество сказывал думной разрядной дьяк Иван Гавренев» (по-видимому, чтобы не было местнических споров). Одновременно В.Г. Коробьин был назначен начальником (судьёй) Поместного приказа вместо князя С.В. Прозоровского, который был отправлен воеводой под Смоленск. В тот же день Василий Коробьин был у государева стола вместе с боярами Ф.И. Шереметевым и С.В. Головиным. Источники подробно сообщают о деятельности Василия Коробьина на посту судьи Поместного приказа, а также об

---

⁶⁶ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 158–160; Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений ... Т. 1. С. 218; Арцыбашев Н.С. Указ. соч. С. 57; Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 247.

его участия в допросах и пытках пленных поляков в 1633–1634 гг.⁶⁷. В июле 1633 г. в связи с угрозой нападения крымских татар на Москву В.Г. Коробьину было поручено возглавлять оборону одного из участков районе столицы: «За Яузою по Москву реку острог делал и ров копал окольников Василий Гаврилович Коробьин»⁶⁸.

В последний раз в Разрядах Василий Коробьин записан 18 января 1635 г., когда царь отправился в Троицкий поход молиться. В Москве оставались «ведать столицу» бояре Ф.И. Шереметев, князь Д.М. Пожарский и окольников В.Г. Коробьин. Уже весной 1635 г. среди окольников мы видим совсем других людей (Ф.Ф. Волконского, В.И. Стрешнева, вернувшегося из ссылки С.В. Прозоровского, М.М. Салтыкова и др.)⁶⁹.

Точная дата смерти Василия Гавриловича Коробьина неизвестна.

Хочется надеяться, что эта первая попытка воссоздания его биографии, несмотря на отрывочность и фрагментарность приведенных сведений, позволит не только полнее представить образ этого деятеля Смуты, но и внести некоторые штрихи в картину борьбы, которая разворачивалась в то время в России.

---

⁶⁷ Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 294; АМГ. Т. 1. № 560. С. 531; № 631. С. 582; № 638. С. 588; № 641. С. 590; № 647. С. 601; № 649. С. 605; № 697. 637–638. См. также: Народное движение в России... № 189. С. 329; № 196. С. 335.

⁶⁸ Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 335–338.

⁶⁹ См.: Там же. Стб. 340 и далее.

УДК: 94(477)+929 Гербильский

**НЕИЗВЕСТНАЯ СТРАНИЦА БИОГРАФИИ
УКРАИНСКОГО ИСТОРИКА ГРИГОРИЯ ГЕРБИЛЬСКОГО:
ДЕТСКИЙ ДОМ ДЛЯ ИСПАНСКИХ ДЕТЕЙ (1941–1942 гг.)**

О.И. Перельгина

Львовский исторический музей (Украина)

E-mail: olgalwow@yandex.ru

Статья посвящена Григорию Юльевичу Гербильскому (1904–1991), украинскому историку, профессору Львовского государственного (ныне – национального) университета им. И. Франко. На основании архивных документов и воспоминаний автор реконструирует события, связанные с работой Г.Ю. Гербильского во время Великой Отечественной войны в детдоме для испанских детей, который в результате эвакуации оказался в конце 1941 г. в Саратове.

Ключевые слова: Г.Ю. Гербильский, Львовский государственный университет им. И. Франко, биография, война, эвакуация, детдом для испанских детей, Саратов.

**UNKNOWN PAGE OF BIOGRAPHY
OF UKRAINIAN HISTORIAN GRYGORIY GERBYLSKY: OR-
PHANAGE FOR SPANISH CHILDREN (1941–1942)**

O.I. PereLygina

The article is dedicated to Grygoriy Yulievich Gerbylsky (1904–1991), a Ukrainian historian, professor of Lviv State Ivan Franko University (presently Ivan Franko National University of Lviv). On the basis of archival sources and recollections, the author reproduces the events of Gerbylsky's work during the Great Patriotic War period in an orphanage for Spanish children, which, as a result of ensuing evacuation was moved to Saratov in late 1941.

Key words: G.Y Gerbylsky, Lviv State Ivan Franko University, biography, war, evacuation, orphanage for Spanish children, Saratov.

«На жизненном пути каждого из нас встречаются люди, которых можно назвать средством Божьего влияния на наше мышление и поведение, на способ самореализации. Среди таких людей личность профессора Григория Юльевича Гербильского занимает в моей жизни особое место. С течением времени осознание этой роли незабвенного Учителя и Наставника, каковым стал для меня Григорий Юльевич, не только не стирается, но и трансформируется в более глубокое и неугасимое чувство благодарности»¹, – писал в своих воспоминаниях о Г.Ю. Гербильском, профессоре Львовского государственного университета им. И. Франко, его бывший студент Василий Николаевич Никоненко, ныне профессор Тернопольского технического университета им. И. Пулюя. Другой выпускник исторического факультета, в настоящее время доцент Львовской академии ветеринарной медицины, Вадим Николаевич Тищенко, размышляя о феномене профессии преподавателя высшей школы, в качестве примера обратился к личности профессора Г.Ю. Гербильского: «В этом человеке все было воистину прекрасным: умное выразительное лицо, безупречный костюм, сдержанные, какие-то особо благородные манеры. Прибавим к этому бесконечную преданность своему предмету, абсолютную пунктуальность и преподавательскую вежливость... Такое впечатление остается на всю жизнь, наполняя наши воспоминания теплотой и благодарностью. Его занятия были и оставались для его учеников не пробой, не эскизом, не рядовыми упражнениями. Это было зрелое искусство, наиболее цивилизованная часть педагогических течений, несущая в вузовские аудитории кроме знаний еще и дар Учительского Очарования»².

Под этими словами могли бы подписаться, как и автор этой статьи, многие бывшие студенты исторического факультета Львовского университета, где профессор Г.Ю. Гербильский проработал более

---

¹ Никоненко В. Слово пам'яті і вдячності // Наукові записки / Львів. іст. музей. Львів, 2009. Вип. 13. С. 232–234.

² Тищенко В.М. Викладач вищої школи: феномен професії. Львів, 2006. С. 114–115.

тридцати лет: с 1946 по 1977 г. и еще некоторое время по совместительству в 1978–1979 годах.

Ученый-историк Григорий Юльевич Гербильский (01 (14).12.1904, г. Екатеринослав, ныне Днепропетровск – 14.03.1991, г. Киев) известен как специалист в области истории Украины, автор более ста научных и научно-популярных публикаций, посвященных освободительной войне украинского народа 1648–1654 гг., событиям Северной войны и пребыванию Петра Первого в Западной Украине, участию украинского народа в Отечественной войне 1812 г., формированию общественной мысли в Галичине, украинско-славянским (в том числе украинско-русским) связям XVII–XIX веков³. Кандидатскую диссертацию на тему «Петр Пер-

---

³ См.: Українські козацькі полки і українське ополчення у Вітчизняній війні 1812 року. [М.], 1943; Тезиси к защите диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Петр Первый в Западной Украине». 1706–1707 гг. Л., 1946; Петро Перший в Західній Україні. 1706–1707 рр. Львів, 1948; Західноукраїнські землі в роки визвольної війни українського народу (1648–1654) // Осипов К. Богдан Хмельницький. Львів, 1949. С. 92–112; Українські козацькі полки і українське ополчення в боях Вітчизняної війни 1812 року // Наукові записки / Львів. держ. ун-т ім. І. Франка. Львів, 1953. Т. 25, вип. 5. С. 90–111; Західноукраїнські землі в роки визвольної війни і воз'єднання України з Росією (1648–1654) // 300 років воз'єднання України з Росією. Львів, 1954. С. 58–72; Історія Польщі: В 3 т. М., 1954. Т. 1 (в соавт.); До історії Львова в добу феодалізму (XIII–XIV ст.) // Доповіді та повідомлення / Львів. держ. ун-т ім. І. Франка. Львів, 1955. Вип. 5, ч. 1. С. 30–36; К вопросу о русско-польском союзе в первые годы Северной войны (1700–1703 гг.) // Наукові записки / Львів. держ. ун-т ім. І. Франка. Львів, 1955. Т. 36. Сер. історична, вип. 6. С. 66–84; Історія Польщі: В 3 т. Изд. 2-е, доп. М., 1956. Т. 1 (в соавт.); Історія Львова: Короткий нарис. Львів, 1956 (в соавт.); Передова суспільна думка в Галичині. (30-і – середина 40-х років XIX століття). Львів, 1959; Русско-польский союз и Жолковский стратегический план // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения: Сб. статей. М., 1959. С. 63–90; До питання про зв'язки українських і польських прогресивних діячів у Галичині в першій половині XIX // Вісник Львів. держ. ун-ту ім. І. Франка. Львів, 1962. Вип. 1. С. 87–99; Зв'язки передових галицьких і чехословацьких діячів у 30-х – на початку 40-х років XIX ст. // Тези доповідей V. Міжвуз. республік. славистичної конференції. Ужгород, 25 верес. 1962 р. Ужгород, 1962. С. 233–235; Участь українського народу у Вітчизняній війні 1812 р. // Український історичний журнал. 1962. № 5. С. 24–34; Розвиток прогресивних ідей в Галичині у першій половині XIX ст. (до 1848 р.). Львів, 1964; До питання про історичні погляди Д. Зубрицького. (Історик та публіцист XIX ст.)

вий в Западній Україні (1706–1707)» Г.Ю. Гербильський захитав в 1946 г. в Ленінградському госуніверситеті. Докторську дисертацію на тему «Развитие прогрессивных идей в Галичине в первой половине XIX в. (до 1848 г.)» – в Москві в Інституті славянознавства АН СРСР в 1966 році.

Сведения, почерпнуті автором цих рядків з особистих справ Г.Ю. Гербильського⁴, і інших архівних джерел, його друковані роботи, а також періодика, адресні книги, публікації і документи, стосуються до історії навчальних закладів і різних установ, де він навчався і працював, послужили матеріалом для реконструкції біографії історика. Оказалося, що найменш відомі і в той же час найбільш драматичні сторінки його життя були пов'язані з роботою в час Великої Вітчизняної війни в дитячому домі для іспанських дітей. Замість того, щоб перейти

// Вісник Львів. держ. ун-ту ім. І. Франка. Сер. історична. Львів, 1967. Вип. 4. С. 63–70; Галиція в «Колоколе» А.І. Герцена і Н.П. Огарева // Связи революционеров России и Польши в XIX – начале XX в.. М., 1968. С. 258–276; Суспільно-політичний рух [в Галичині наприкінці XVIII – у першій половині XIX ст.] // Торжество історичної справедливості: Закономірність воз'єднання західноукраїнських земель в єдиній Українській радянській державі. Львів, 1968. С. 193–201; І. Франко про внутрішню політику російського царизму 1902–1903 рр. // Українське літературознавство: Міжвідом. республік. зб. Львів, 1968. Вип. 5: Іван Франко: Статті і матеріали. С. 55–59; Зв'язки Я. Головацького з чехами і словаками // Українське слов'янознавство: Республік. міжвідом. наук. зб. Львів, 1971. Вип. 5: Література та культура зарубіжних слов'ян. С. 68–75; Петрашевці // Радянська енциклопедія історії України: У 4 т. К., 1971. Т. 3 С. 373; Чернишевський Микола Гаврилович // Радянська енциклопедія історії України: У 4 т. К., 1972. Т. 4. С. 472; М.Г. Чернишевський про українсько-польські взаємини в Галичині наприкінці 50-х – на початку 60-х років XIX ст. // Проблеми слов'янознавства: Респуб. міжвідом. наук. зб. Львів, 1978. Вип. 18. С. 63–69; Чужі пастирі // Жовтень. Львів, 1978. № 6. С. 124–130; Іван Франко про історичну дружбу і революційне єднання російського і українського народів. Львів, 1981 (соавт. І. Думинець); Іван Франко о русских революционных демократах 40–60 гг. XIX в. // Іван Франко і світова культура: Матеріали міжнар. симп. ЮНЕСКО. (Львів, 11–15 верес. 1986 р.): У 3 кн. К., 1990. Кн. 1. С. 428–431.

⁴ Архів Львівського національного університету ім. І. Франка (АЛНУФ). Спр. 928 (7294) (Особова справа Г.Ю. Гербильського); Центральний державний історичний архів України, м. Київ (ЦДІАУ, м. Київ). Ф. 4570. Оп. 3. Спр. 11 (Особова справа Г.Ю. Гербильського).

к рассмотрению этой темы представим кратко основные события жизни и деятельности Г.Ю. Гербильского до начала войны⁵.

Григорий Юльевич Гербильский родился в 1904 г. в Екатеринославе в семье зубного врача. Вопреки семейной традиции (два его дяди также были известными в Екатеринославе врачами) избрал специальность историка, окончил в 1928 г. социально-экономическое отделение факультета профобразования Днепропетровского института народного образования. Работал преподавателем рабфаков Днепропетровского института инженеров транспорта (1930–1933) и Днепропетровского филиала Украинской промакадемии (1931–1933), старшим научным сотрудником, а затем заместителем директора по научной части Днепропетровского исторического архива (1932–1938) и Днепропетровского исторического музея (1938–1940). В августе 1940 г. Народный комиссариат просвещения УССР командировал Г.Ю. Гербильского в Львовский исторический музей для оказания помощи в создании экспозиции отдела истории феодализма.

В самом начале Великой Отечественной войны, за несколько дней до оккупации города, Григорий Юльевич выехал в Киев. Из Львова он уезжал не один, а вместе с сотрудницей Музея Зинаидой Андреевной Володченко⁶, которая стала его женой. После недолгой

---

⁵ Подр. см.: *Перелигіна О.* Катеринослав – Дніпропетровськ у біографії українського історика ХХ ст. Григорія Гербильського // Роль музеїв у культурному просторі України й світу: Зб. матеріалів загальноукр. наук. конференції з проблем музеєзнавства. [Дніпропетровськ, 21–22 жовтня 2009]. Дніпропетровськ, 2009. Вип. 11. С. 181–201; *Вона ж.* Український історик Григорій Гербильський – викладач Дніпропетровського інституту інженерів транспорту (1930–1933) // Тези доповідей 70 Міжнар. наук.-практ. конференції «Проблеми та перспективи розвитку залізничного транспорту». Дніпропетровськ, 15–16 квітня 2010 року. Дніпропетровськ, 2010. С. 329–330; *Вона ж.* Історія одного відрядження. Григорій Гербильський у Львівському історичному музеї (серпень 1940 – червень 1941 рр.) // Наукові записки / Львів. іст. музей. Львів, 2009. Вип. 13. С. 235–245.

⁶ З.А. Володченко (1915–1995), українка, родом с Харьковщини, випускниця історического факультета Київського університета (1939), работала в Центральном історическом музеє ім. Т.Г. Шевченко (ныне – Национальний музей історії України). В 1940 г. в составе бригады Наркомпроса УССР была направлена в Львовский государственнй исторический музей для помощи в создании экспозиции периода Киевской Руси.

службы в киевских музеях оба в конце августа были направлены Наркомпросом в Краснодарский край (станция Михайловская), где начали работать в детском доме для испанских детей.

Краткие статьи о Г.Ю. Гербельском можно найти в ряде справочных изданий⁷, но ни в одном из них нет упоминания о его работе в детском доме. Более широкую биографическую справку о нем составил профессор Львовского национального университета им. И. Франко Михаил Михайлович Криль. Из текста следует, что Г.Ю. Гербельский работал «в Саратовском детском доме»⁸, но такая формулировка ошибочна ввиду неправильного названия и, к тому же, не отражает специфику детдома, где работал Г.Ю. Гербельский.

Не увенчалась успехом попытка узнать о каких-либо интересных фактах на эту тему от людей, знакомых с профессором. Владимир Васильевич Грабовецкий (выпускник истфака Львовского госуниверситета, профессор Прикарпатского национального университета в г. Ивано-Франковске), припомнил в разговоре со мной, как университетский профессор Дмитрий Леонидович Похилевич (1897–1974) однажды сказал ему, что во время работы в детдоме Г.Ю. Гербельский «настрадался». Общаясь с бывшими студентами и аспирантами, младшими коллегами Г.Ю. Гербельского, я слышала немало полных признания и восхищения высказываний в его адрес («мой прекрасный профессор», «интеллигент высшей пробы», «человек-идеал»), но о его доуниверситетской жизни им

---

⁷ См.: Герасимова Г. Гербельський Григорій Юлійович // Енциклопедія Сучасної України. К., 2006. Т. 5. С. 552–553; Вона ж. Гербельський Григорій Юлійович // Українські історики ХХ століття: Біобібліогр. довідник. К., 2003. Вип. 2, ч. 2. С. 103–104; Гербельський Григорій Юльевич // Историки-слависты СССР: Биобибліогр. словарь-справ. М., 1981. С. 60–61; Гербельський Г.Ю. // Радянська енциклопедія історії України: У 4 т. К., 1969. Т. 1. С. 414; Гербельський Григорій Юлійович // Учені вузів Української РСР. К., 1968. С. 109; Ковальський М. Гербельський Григорій Юлійович (1904–1991) український історик // Епістолярна спадщина академіка Д.І. Яворницького. Дніпропетровськ, 1997. Вип. 1: Листи вчених до Д.І. Яворницького. С. 795–796.

⁸ Криль М. Гербельський Григорій Юлійович // Историчний факультет Львівського національного університету імені І. Франка (1940–2000): Ювілейна книга до 60-річчя історичного факультету. Львів, 2000. С. 90–91; Він же. Гербельський Григорій // Енциклопедія Львова. Львів, 2007. Т. 1: А–Г. С. 515.

мало что было известно. Открытый для общения в сфере профессиональных интересов, Григорий Юльевич был весьма сдержанным человеком в том, что касалось его лично. Возможно, считал, что его прошлое и его частная жизнь вряд ли могут быть кому-то интересны.

В личных делах Г.Ю. Гербильского указано, что в 1941–1942 г. он работал в детском доме для испанских детей в станице Михайловской Краснодарского края и в Саратове⁹. Никаких дополнительных сведений об этом в его автобиографии не было. Поиски специальной литературы в украинских библиотеках об истории детдомов для испанских детей положительных результатов пока что не дали. Из материалов на эту тему, которые удалось обнаружить, наибольший интерес представляет публикация Елены Висенс¹⁰, основанная на архивных материалах, хранящихся в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Данная публикация помогла установить, что детдом, в котором работал Г.Ю. Гербильский, был организован в Одессе для эвакуированных в 1937 г. в Советский Союз испанских детей – Одесский детский дом № 3 им. С.М. Кирова. В дальнейшем удалось установить контакт с активистом Испанского центра в Москве, бывшим воспитанником этого детдома Николасом Грегорио Родригесом (род. 1927), который сообщил интересные подробности его истории в годы войны¹¹. Вскоре после этого автору удалось ознакомиться с копией исключительно важного для раскрытия темы документа. Речь идет об отчете о состоянии детдома для испанских детей № 3 им. С.М. Кирова в 1941–1942 г., где в это время работали Г.Ю. Гербильский и З.А. Володченко¹². Документ подписан директором детдома Яковом Антоновичем Мегердичевым¹³.

---

⁹ АЛНУФ. Спр. 928. Арк. 2зв.; ЦДІАУ, м. Київ. Ф. 4570. Оп. 3. Спр. 11. Арк. 7.

¹⁰ Висенс Е. Неизвестная правда об испанских детях в СССР // URL: <http://lib.rus.ec/b/155193> (дата обращения: 20.04.2011).

¹¹ Краткое сообщение о работе Г.Ю. Гербильского в детдоме для испанских детей опубликовано в научном сборнике Львовского исторического музея (см.: Перелигіна О. «Іспанська» сторінка в біографії українського історика ХХ ст. Григорія Гербильського // Наукові записки / Львів. іст. музей. Львів, 2009. Вип. 13. С. 246–251).

¹² Автор благодарит за предоставленную копию «Отчета о состоянии д/д № 3 им. Кирова для испанских детей» (18 страниц рукописного текста) заслу-

Как следует из отчета, детдом после эвакуации из Одессы через Херсон и Запорожье прибыл в Краснодарский край в станицу Лабинская, где был объединен с другим одесским детским домом для испанских детей (№ 2 им. Н.А. Семашко), а в начале сентября направлен в станицу Михайловская Курганинского района. Вначале детей разместили в здании неполной средней школы, но вскоре выселили из этого помещения и расселили по всей станице в 11 местах в радиусе более 2 километров. Далее из отчета Я.А. Мегердичева узнаем: «В станице Михайловская детский дом находился в невыносимо тяжелых условиях. В селе, которое находилось в 12 километрах от железной дороги, отсутствовали помещения для детского дома, баня, прачечная, столовая, кухня. Дети не имели смены белья, не купались, сидели на сухой пище, не было одежды, обуви, топлива. Начиная с момента выезда из Одессы в течение свыше 50 суток спали на голом полу, и только в начале октября <...> удалось приобрести кровати и матрацы»¹⁴.

Занятия в школе, как сообщил мне Николас Грегорио, во время пребывания детдома в Михайловской не проводились.

В ноябре 1941 г. Наркомпрос РСФСР решил переправить детский дом в Саратов. Выезд состоялся 4 декабря. В разговоре со мной Николас Грегорио вспоминал, с каким трудом дети зимой добирались до станции, пройдя пешком 12 километров.

женную учительницу РФ Алевтину Капитоновну Зюзину, некогда работавшую учительницей немецкого языка в школе № 37 г. Саратова, и многие годы руководившую школьным клубом интернациональной дружбы, в рамках работы которого интересовалась судьбой испанских детей, эвакуированных в годы войны в Саратовскую область. В 1973 г., работая в Саратовском областном государственном архиве (ныне – ГАСО), она сняла копию вышеупомянутого отчета, оригинал которого погиб во время пожара в 1974 году. За помощь в установлении судьбы оригинала документа автор благодарит доцента Саратовского университета В.А. Соломонова.

¹³ Я.А. Мегердичев (1911–1969), уроженец Одессы, в 1937–1940 гг. заместитель директора Одесского детдома для испанских детей № 3 им. С.М. Кирова. В 1940 г. назначен НКП УССР директором Львовского спецдетдома. В начале войны выехал в Киев; 13 июля 1941 г. был назначен директором детдома для испанских детей в Одессе, где прежде работал замполитом, вместо ушедшего на фронт Емельяна Семеновича Кунянского. С 1943 г. до конца жизни – директор Вольского детского дома Саратовской области.

¹⁴ Копия отчета Я.А. Мегердичева из личного архива автора. Л. 2.

Я.А. Мегердичев в отчете несколько раз указывал на отсутствие теплой одежды и обуви у детей. Надо полагать, сотрудники персонала находились не в лучшем положении.

Поезд до Саратова (шесть дачных вагонов) шел целый месяц. О том, как проходил переезд свидетельствует отчет бригады Коммунистического Интернационала Молодежи от 2 апреля 1942 г.: «Этот путь оказался очень длинным и мучительным. От Краснодара до Саратова они ехали около двух месяцев (по свидетельству Я.А. Мегердичева 38 дней. – О. П.). Дети по несколько дней ничего не ели и пили сырую воду. Когда приехали в январе в Саратов, 90% детей болело дизентерией, брюшным тифом. Несмотря на это, их 11 дней еще держали в тупике на ст. Саратов, почти без пищи и пить приходилось тухлую воду. Никто на них не обращал внимания и не оказывал им помощи. Состояние здоровья стало угрожающим... Наконец это дело дошло до Обкома партии и только тогда нашли помещение и питание. Дети были настолько истощены и больны, что большинство из них выносили из вагонов на руках... Из 253 воспитанников 165 дали положительную реакцию на туберкулез. Из них 32 человека с открытой формой туберкулеза»¹⁵.

Из воспоминаний бывшего воспитанника детдома Анхеля Навалона: «Когда приближалась зима, и фронт оказался недалеко от Кубани, была тяжелая эвакуация. Расстояние, на которое обычно поезда тратили полтора суток, мы преодолели за месяц. Месяц в дороге! Эшелон состоял из пассажирских вагонов. Места не хватало, нары стояли в два ряда. Только один раз в Сталинграде кушали горячую пищу, а так – хлеб, консервы. Но мы испытывали не голод, а жажду. Бидон из-под молока был под замком. Давали по стаканчику воды три раза в день. Снег выпадал и таял, поэтому пили из луж и из паровоза. Однажды стояли два дня в степи. Бывало так: отъехали от станции, потому что бомбят, до следующей не можем доехать, так как ее тоже бомбят...»¹⁶.

«28 декабря 1941 года, – отмечалось в отчете Я.А. Мегердичева, – наш эшелон прибыл в г. Саратов на товар-

---

¹⁵ Висенс Е. Указ. соч.

¹⁶ Цит. по: Богатырева Л. «Две родины – и одно сердце (судьба "русского испанца")». URL: <http://www.urokiistorii.ru/node/275> (дата обращения: 20.04.2011).

ную станцию, где был задвинут в Астраханский тупик. Здесь детский дом продержали 11 суток. До момента прибытия в г. Саратов, несмотря на все трудности и лишения, перенесенные в пути, состояние здоровья детей было удовлетворительным. Однако на четвертый день пребывания в Астраханском тупике среди детей начались заболевания брюшным тифом, массовые заболевания дизентерией, а в дальнейшем массовые заболевания туберкулезом.

За время пребывания в пути все воспитанники детдома и обслуживающий персонал завшивели»¹⁷.

В Саратове детдому было отдано помещение средней школы № 16 по улице Мичурина (ныне здание гимназии № 1). Переезд состоялся 8 и 9 января 1942 года. Из отчета директора: «В помещении детского дома, рассчитанном на 180–200 человек, разместилось 364 воспитанника, причем на полу, т. к. первое время не было кроватей». Кровати позже завезли, но из-за тесноты проблема не была полностью решена: «На 180 койках спят 263 воспитанника»¹⁸.

Персоналу детдома пришлось в труднейших условиях решать жизненно необходимые задачи по спасению здоровья и жизни детей, доставать медикаменты, продовольствие и одежду, шить своими силами постельное и нижнее белье, обустраивать помещение, налаживать учебный и воспитательный процесс. Особенно детально в отчете отражена деятельность директора и персонала детдома по лечению больных педикулезом, дизентерией, тифом, туберкулезом, воспалением легких. До начала войны персонал насчитывал 113 человек. В начале июля 1941 года осталось только 17 человек. Ввиду катастрофического состояния с кадрами Наркомпрос направлял в детдом специалистов для помощи в организации эвакуации и обустройства на новом месте, но после тяжелого переезда из-за недоедания, холода (зима 1941–1942 гг. была особенно суровой), опасных болезней «из обслуживающего персонала могли работать в период организации (детдома в Саратове. – О. П.) только несколько человек, а остальные были лежачими больными». Прибавим к этому, что по приезду в Саратов несколько человек из персонала, по свидетельству Я.А. Мегердичева, «сбежали, бросив

---

¹⁷ Копия отчета Я.А. Мегердичева из личного архива автора. Л. 2–3.

¹⁸ Там же. Л. 6.

все на произвол судьбы». В дальнейшем количество сотрудников увеличилось и по состоянию на 10 февраля 1942 г. составляло 38 человек¹⁹.

Школьные занятия возобновились с февраля 1942 г. Помещение для школы отсутствовало, поэтому занятия проводили в спальнях. Как сами преподаватели, так и дети были истощены перенесенными болезнями (за время пребывания в Саратове было 9 смертных случаев среди воспитанников детдома). Прогулки зимой на свежем воздухе не проводились не только из-за болезни, но и ввиду отсутствия верхней одежды и обуви. О нормальном обеспечении учебниками и школьными принадлежностями в условиях военного времени не могло быть и речи. Заметим, что как до войны, так и в военное время в условиях эвакуации обучение проходило на испанском языке, исключение составляли уроки русского, который преподавали как иностранный язык. Григорий Юльевич Гербицкий, как видно из отчета, был назначен на должность преподавателя русского языка²⁰.

Большое внимание дирекция и персонал уделяли воспитательной работе и внешкольным занятиям. Несмотря на крайне неблагоприятные условия, в детдоме через некоторое время удалось организовать работу целого ряда кружков, где ребята занимались рукоделием, художественной самодеятельностью и т. п. Зинаида Андреевна Володченко, как следует из того же отчета, была воспитателем 7 класса²¹.

Уже упоминаемая выше Елена Висенс совершенно справедливо замечает: «Встающие перед глазами картины невыносимых условий жизни испанских политэмигрантов и испанских детей совершенно не соотносятся с традиционным у нас романтическим представлением о героях гражданской войны в Испании»²². Добавим к этому, не соответствуют устоявшимся в советском обществе представлениям о престижности работы в таком детдоме, во всяком случае, в годы войны. Судя по фактам, которые приводила в своей публикации Е. Висенс, ситуация в других детдомах

---

¹⁹ Копия отчета Я.А. Мегердичева из личного архива автора. Л. 4, 17.

²⁰ Там же. Л. 18.

²¹ Там же. Л. 17.

²² Висенс Е. Указ. соч.

для испанских детей, которые были эвакуированы в район Поволжья и на юг, оказалась не лучше, а в чем-то и хуже, чем в Саратове.

Имеет смысл сравнить описанную тут картину с тем, что происходило в детдомах, где пребывали советские дети, лишенные родительской опеки, т. е. находившиеся, как и испанские эмигранты, на государственном обеспечении.

Вот что пишет об этом Е. Богатырева: «Когда я читала справку о проверке состояния Великоорецкого детского дома Кировской области, то не могла не испытать потрясения и ужаса: «В Великоорецком детдоме полная антисанитария, кругом грязь (за исключением кухни). Мытье полов производят сами дети. Спят в шапках, пальто и валенках, без простыней, под грязными одеялами. Постели заправляются вместо простынь лохмотьями от простынь, имеющими только хлопки по краям, посередине которых видны рваные матрасы, на которых и спят дети. У всех детей грязная, рваная одежда. Вместо валенок ходят в ботинках без шнурков, так как, по словам завуча, в валенках они бегут.

Среди воспитанников 100% вшивость.

Дети голодны, целыми днями бродят в поисках пищи, возятся в различных помойках, выискивая шелуху от овощей»²³.

Невольно возникает вопрос. Насколько была оправданной эвакуация детдомов, принеся столько страданий и лишений? Приведем один из аргументов: «Август 1942-го вновь протрубил сбор. Немцы оккупировали Северный Кавказ, рвались к Волге <...>. Это случилось на юге Карачаево-Черкессии, в Теберде. Кажется, окруженный со всех сторон горными хребтами, городок этот что неприступная крепость. Потому, видно, и не позаботились местные власти о своевременной эвакуации поправлявших здесь здоровье испанских ребятишек. Натиск немцев был стремителен и дерзок. Нашим солдатам приходилось на руках выносить ребят из огня и транспортировать их через перевалы в безопасные места. Не смогли взять лишь тяжелобольных или, как говорят медики, нетранспортабельных. С ними – несколькими десятками мальчиков и девочек – остались верные своему долгу врачи и

---

²³ Богатырева Л. Указ. соч.

медсестры. Тронуть больных детей, считали они, не решится даже враг.

...Они были расстреляны вместе – испанские дети и закрывавшие их своей грудью советские медики»²⁴.

Как видим, вопрос об эвакуации в тех условиях был сродни вопросу жизни и смерти.

Сложность работы в детдоме состояла не только из трудностей материального характера, отсутствия элементарных жизненных удобств и постоянной угрозы здоровью вследствие недоедания, массовых заболеваний и нехватки необходимых медикаментов. Сотрудники, в их числе Г.Ю. Гербильский и З.А. Володченко, работали в детском коллективе, который никак нельзя было назвать благополучным. В советское время об этом не принято было говорить вслух. Я.А. Мегердичев писал, что в детдоме имелись случаи «краж, хулиганства, грубости, неуважения к старшим», «переведенные к нам 33 воспитанника из Орловского детского дома являются запущенными детьми, почти все воруют, хулиганят...»²⁵.

Опираясь на архивные данные, Е. Висенс подчеркивает, что как сотрудники-испанцы, так сами дети вели разговоры, которые вполне можно было расценить как антисоветские. Убедительным доказательством тому могут служить сохранившиеся письма испанских эмигрантов: «Только в СССР я голодаю. Если бы я был в другой стране, то никогда бы не голодал и не находился бы в таких жалких условиях. Здесь рабочий класс живет хуже, чем в капиталистических странах» (из письма Гарсии Сан Гансело); «Я здесь, как и в Краматорске, не верю в победу Красной Армии. Все рабочие на заводе уже тоже не верят в победу. Они только ждут и надеются на второй фронт. Когда мы поедем в Испанию, тогда я об этом буду говорить» (из письма Лопеса Антонио Соравии)»²⁶.

Проявления подобных настроений могли иметь далеко идущие печальные последствия. «Нетрудно предположить, – замечает Е. Висенс, – что могло стать с теми взрослыми испанцами или русскими учителями, которых заподозрили тогда в подобной

---

²⁴ Кузнецов В. ...Перечитываю «Испанский дневник» Михаила Кольцова. URL: <http://krasnovideo.narod.ru/krasnohistory.doc> (дата обращения: 20.04.2011).

²⁵ Копия отчета Я.А. Мегердичева из личного архива автора. Л. 14–15.

²⁶ Цит. по: Висенс Е. Указ. соч.

воспитательной работе»²⁷. Я.А. Мегердичев указывал: «Плохое влияние на детей оказывают также некоторые взрослые испанцы, которые сейчас, согласно приказу Наркома, должны быть сняты с работы в детском доме»²⁸.

Неизвестно, что думал по этому поводу Г.Ю. Гербильский, но, вероятно, как мыслящий и порядочный человек, он не мог воспринимать ситуацию только через призму официальной идеологии.

Из отчета Я.А. Мегердичева известно, что весной 1942 г. было принято решение определить старших подростков в школу фабрично-заводского обучения (ФЗО), где для них могли быть созданы лучшие условия. «Это отняло очень много времени, т. к. всех ребят надо было полностью обмундировать и снабдить необходимыми вещами, пропустить через медкомиссию, выдать документы на право жительства, сфотографировать и т. д.». В Саратовскую школу ФЗО № 12 было определено 129 человек²⁹. Большая группа воспитанников в июне 1942 г. была направлена на работу на промышленных предприятиях. Младших детей летом отправили за город.

В 1942 г. Г.Ю. Гербильский уволился из детдома по собственному желанию³⁰. В списке сотрудников детдома по состоянию на 1 сентября 1942 г., фамилий Г.Ю. Гербильского и З.А. Володченко не значится³¹. По приказу НКП РСФСР, кроме Г.Ю. Гербильского и З.А. Володченко, было уволено еще несколько человек. Видимо, такое решение связано с сокращением числа воспитанников.

Детдом для испанских детей в Саратове вскоре был расформирован. Старших подростков направили в школы ФЗО и ремесленные училища, а младших – перевели в другой эвакуированный детдом для испанских детей, находившийся в с. Орловском Саратовской области.

История детских домов для испанских детей на территории Советского Союза, судьбы их воспитанников, педагогов,

---

²⁷ Висенс Е. Указ. соч.

²⁸ Копия отчета Я.А. Мегердичева из личного архива автора. Л. 15.

²⁹ Там же. Л. 4.

³⁰ ЦДІАУ, м. Київ. Ф. 4570. Оп. 3. Спр. 11. Арк. 7.

³¹ Копия отчета Я.А. Мегердичева из личного архива автора. Л. 11–13.

воспитателей и переводчиков достойна отдельного специального научного исследования. В этом наш священный долг, наша историческая память перед всеми, кто волей трагических обстоятельств оказался непосредственно вовлечен в самую гущу описанных выше событий.

УДК 902+93+930.25 (470) (044.2)

**Д.Я. САМОКВАСОВ И ЕГО ВКЛАД
В ПОЗНАНИЕ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО РУССКОЙ ЗЕМЛИ
(к 90-летию со дня смерти)**

С.П. Щавелёв

Курский государственный медицинский университет,
кафедра философии
E-mail: sergei-shhavelev@yandex.ru

В статье по архивным и редким печатным материалам представлен очерк жизни и деятельности Дмитрия Яковлевича Самоквасова (15 (27).05.1843, с. Стахорщина, Новгород-Северского у. Черниговской губ. – 05 (18).08.1911, Москва), который внес заметный вклад сразу в несколько отраслей науки и общественной практики – историю государства и права; полевую и историческую археологию; археографию и архивоведение. Характеризуется личность и убеждения этого ученого-патриота, государственного и общественного деятеля пореформенной и предреволюционной России. В приложении к статье публикуется переписка Д.Я. Самоквасова с руководителями Саратовской ученой архивной комиссии за 1908–1911 годы.

Ключевые слова: история государства и права, археология, архивоведение в России; Д.Я. Самоквасов, его печатные работы и организационные проекты в области поиска, изучения и охраны национальных древностей.

**D.Y. SAMOKVASOV AND HIS CONTRIBUTION
TO THE KNOWLEDGE OF THE ANCIENT OF RUSSIA
(To the 90 th anniversary of his death)**

S.P. Shavelyov

The article is about the life and work of Dmitry Yakovlevich Samokvasov (15 (27).05.1843, a farmstead near village Stakhorsiny, Novgorod-Seversky ujezd, Chernigovskaya province – 05 (18).08.1911,

Moscow), a Russian historian-lawyer, archeologist, archivist, who made a significant contribution to several fields of science and social practice – the history of state and law, archeology; Archeography and archival studies. The author characterizes the personality and beliefs of the scientist, patriot, statesman and public figure post-reform and pre-revolutionary Russia. The appendix of the article published correspondence of D.Y. Samokvasov with the leaders of the Saratov Scientific Archive Commission for the years 1908–1911.

Key words: History of State and Law, Archaeology, archival science in Russia, D.Y. Samokvasov, his published works and institutional, projects in the field of search, study and protection of national antiquities.

Одна из множества интересующих меня единиц архивного хранения – небольшой прямоугольник белого картона. Визитная карточка столетней давности: «Димитрий Яковлевич Самоквасов». В углу шрифтом помельче указан адрес: «Москва. Девичье поле. Архив»¹.

Нынешний обладатель визитки не преминул бы выставить еще свои должности и звания. В данном случае они выглядели так: «Доктор государственного права, заслуженный ординарный профессор Императорского Московского университета, управляющий Московским архивом министерства юстиции, сверхштатный член Императорской Археологической комиссии, действительный член Императорского Московского Археологического общества, тайный советник»² (Согласно заголовку последнего формулярного списка о его службе).

Дмитрий Яковлевич Самоквасов заслуживает того, чтобы ныне, в год столетия со дня его кончины, о нем напомнили соотечественникам, тем читателям, кому небезразличны судьбы исторического наследия России. Сразу в нескольких областях отечественной культуры этот человек оставил заметный след. Он автор оригинальных трудов о происхождении и эволюции государства и права у славян и на Руси; один из основоположников

---

¹ РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Ч. 1. Д. 592. Л. 2.

² Там же. Ч. 5. Д. 9633. Л. 28.

научной археологии в нашей стране; выдающийся организатор и теоретик архивного дела.

О поражающих воображение, особенно юное, археологических находках знаменитого Генриха Шлимана (гомеровская Троя, погребения микенских царей) или Говарда Картера (гробница фараона Тутанхамона) можно прочитать во многих научных и популярных книгах, вышедших на русском языке за последние годы. Публикации же об аналогичных по своему значению открытиях Дмитрия Самоквасова (могилы скифских и сарматских вождей, варяжских князей и русских дружинников; древние города Руси) давно стали библиографической редкостью. Репродукциями обнаруженных им древностей до сих пор иллюстрируют школьные и университетские учебники по истории нашей страны, многие издания по археологии и искусствоведению, только, к сожалению, почти всегда без указания первооткрывателя. Упорядоченные и опубликованные им документы используются едва ли не в каждом новом исследовании по истории средневековой России. Настолько велик его вклад в поиски, сохранение и изучение документальных и вещественных памятников национальной истории.

* * *

Д.Я. Самоквасов родился 15 (27) мая 1843 г. в украинской Черниговщине. Происходил он из сословия служилых казаков Малороссии. Его родители – малообеспеченные, худородные дворяне, в конце концов вовсе вычеркнутые из родословной книги губернии при очередной проверке дворянских прав. Принадлежащий им хутор располагался возле большого села Стахорщины, на берегу реки Малотечи, притока Десны. Тут прошло детство Мити Самоквасова. В живописных окрестностях села с давних времен и до сих пор во множестве заметны разных размеров курганы, валы и рвы бывших укреплений-городищ. Немало замечательных памятников было сохранилось и в самом уездном центре – Новгороде Северском, воспетом еще «Словом о полку Игореве». Здесь в 1853–1962 гг. Дмитрий учился в гимназии, славной своими педагогическими традициями³.

---

³ См.: Ушинский К.Д. Дневник, относящийся к гимназическим годам // Ушинский К.Д. Собрание неизданных сочинений. Материалы для педаго-

В 1863 г. он поступил на юридический факультет Петербургского университета. Получал высшее образование, что называется, на медные деньги. Чтобы заплатить за право посещения лекций, неоднократно приходилось просить казенного пособия. Ректор, попечитель учебного округа всякий раз шли навстречу способному студенту. Преодолевая нищету и болезни, несколько отчисляясь и восстанавливаясь в университете, он все-таки сдает экзамены с хорошими и отличными оценками. А в октябре 1868 г. заканчивает наконец полный курс наук со степенью кандидата государственного права (некий эквивалент теперешнего диплома с отличием). Совет университета оставляет его стипендиатом «для приготовления к испытаниям на степень магистра» при кафедре истории русского права.

Этот предмет был введен во всех российских университетах их либеральным уставом 1863 года. «Историки-юристы», как они называли себя, составляли влиятельный отряд гуманитарной интеллигенции пореформенного периода, дали целую плеяду выдающихся деятелей науки и общественной жизни. В их лекциях и монографиях сквозь призму государственно-правовых институтов просматривалась вся история России; эволюция законов и форм власти выглядела ключом к разрешению большинства социальных противоречий прошлого и настоящего. Недаром на юридический факультет в ту пору многие поступали, «вовсе не мечтая в будущем посвятить себя юридической деятельности», но, зная, что он был более общеобразователен, меньше других факультетов готовил к узкой специализации»⁴, – писал в своих мемуарах художник М.В. Добужинский. Кроме него высшее юридическое образование получали фольклорист А.Н. Афанасьев, М.А. Врубель, А.А. Блок, Н.К. Рерих, М.А. Волошин и другие известные представители русской культуры.

От своих коллег Самоквасов с самого начала своей академической карьеры отличался тем, что наряду с письменными источниками решил и сумел использовать вещественные материалы археологии. Увлечению древностями способствовало знакомство, переросшее в многолетнюю дружбу, с графом Алексеем Сергее-

---

гической антропологии: В 3-х т. Т. III. Материалы для биографии. СПб., 1908.

⁴ Добужинский М.В. Воспоминания. М., 1897. С. 123–124.

вичем Уваровым (1825–1884) — основателем Археологического общества, а затем и Исторического музея в Москве. Граф привлек способного молодого человека к осуществлению своего масштабного плана раскопок на территориях, заселенных в летописные времена восточными славянами. Цель первой экспедиции Самоквасова — «древние земляные насыпи», т. е. курганы и городища летописного «племени» северян, которые, согласно «Повести временных лет», занимали некогда побережья Десны, Сейма и Сулы.

Надо отметить, что вплоть до последней трети XIX в. археологические работы в России редко выходили за пределы Причерноморья. Здесь, по местам бывших скифских владений и древнегреческих колоний, шла добыча «антиков» для пополнения эрмитажного собрания. На другие цели Императорская Археологическая комиссия, подведомственная министерству двора, долго отказывалась выделять средства. Культурный слой центральных, сердцевинных областей страны считался большинством тогдашних авторитетов «древлеведения» малоперспективным. А.С. Уваров и его сторонники переломили эту ограниченность. Экспедиции начала 1870-х гг. — удачный дебют Самоквасова-археолога.

Петербургский магистрант несколько лет подряд объезжал грады и веси российской провинции (от Белого и Балтийского морей до Черного; от Варшавы до Урала), осматривая, картографируя и шурфуя сохранившиеся там городища разных времен и народов, выборочно раскапывал прилегающие к ним курганные могильники. Среди множества первоизученных им тогда памятников некоторые впоследствии дали имена нескольким археологическим культурам: у Старой Ладogi (первой столицы Рюрика); Дьяково под Москвой, в с. Коломенском; Триполье на Днепре; Салтово под Харьковом; Гочевское на Псле. Разумеется, точной историко-культурной принадлежности всех этих памятников тогда еще было невозможно определить, но первые наброски их правильной классификации были сделаны.

Наладить повсеместный учет видимых на местности памятников старины помогла проведенная молодым ученым через Центральный Статистический комитет Министерства внутренних дел

анкета, заполненная во всех губерниях Европейской России. Этими «Сведениями о городищах и курганах» 1871–1872 гг. с благодарностью пользовалось затем не одно поколение археологов и краеведов⁵.

Первоначальное обобщение собранный материал получил в магистерской диссертации Самоквасова «Древние города России», защищенной в 1873 г. в университете Св. Владимира в Киеве, и тогда же вышедшей в свет книгой. До тех пор факт существования массы укрепленных центров у восточных славян «прежде Рюрика», княжеских городов на Руси первых же Рюриковичей подвергался сомнению. А сохранившиеся городища кабинетными историками истолковывались чаще всего как заброшенные святилища древних славян и их соседей. Новоиспеченному магистру удалось доказать поселенческое – военно-административное, хозяйственное назначение большинства объектов этого типа. Конечно, конкретизировать отдельные эпохи их функционирования (включая дославянские) по стратиграфии культурного слоя, разные типы этих укрепленных поселений он еще не был в состоянии. Вне его поля зрения оставались многочисленные селища – неукрепленные поселения, во множестве окружавшие большинство городищ. Но взгляды этого автора на древнерусский город как политический, экономический и культурный центр общественной жизни наших предков признаются теперь важным этапом изучения данной темы (в фундаментальных работах А.В. Кузы, А.В. Кашкина и других археологов).

1873 год стал поистине звездным на жизненном пути историка и археолога: он завершил начатые предыдущим летом раскопки огромных курганов – Черной могилы, Гульбища и Безымянного, расположенных прямо на территории его родного Чернигова. Обнаруженные там вещи, реконструированные обряды погребения произвели сенсацию, приобрели эталонное значение для древнерусской культуры. Среди них выделялись турьи рога-кубки в серебряной узорчатой оправе; комплекты вооружения знатных витязей

---

⁵ См.: Щавелёв С.П. Д.Я. Самоквасов: заповіт археолога // Археологія. 1991. № 1. С. 98–108; Он же. Первый опыт массового учета археологических памятников в России (анкета Д.Я. Самоквасова 1872–1873 гг. и ее результаты) // РА. 1992. № 1. С. 255–264.

(шлемы, кольчуги, мечи, включая самый большой из нам известных на Руси; первая для этого региона сабля; боевой топор, боевые ножи-скрамасаксы, наконечники копий, дротиков, остатки щитов, принадлежности конской сбруи; многочисленные и разнообразные орудия и продукты земледелия и скотоводства; предметы быта; произведения ювелирного искусства местной и привозной работы; даже игрушки. В грандиозной Черной могиле покоились останки двух воинов – взрослого и подростка (судя по размерам доспехов) и сопровождавшей их в загробный мир женщины-«валькирии».

Поражало почти полное совпадение инвентаря и обряда черниговских курганов с подробным описанием похорон знатного руса-язычника, составленного очевидцем – арабским путешественником Ибн-Фадланом (за 921–922 годы). Известная картина Г.И. Семирадского на эту тему писалась для интерьеров Исторического музея как бы с натуры – по материалам самоквасовских раскопок и сведениям письменного источника. Посетители могли сравнить подлинные вещи из такого погребения с его живописным «оживлением».

Составленный и опубликованный исследователем дневник черниговских раскопок позволил детально восстановить погребальный обряд здешних князей и бояр, а косвенно – образ повседневной жизни их подданных на самом закате язычества и восходе христианства (на фоне сугубо языческих обрядов трупосожжения или же густоинвентарного трупоположения – инкрустации в виде двух крестов на втулке дорогого скандинавского копья из Черной могилы). Черниговские курганы довольно точно датированы 2-й пол. X в. по найденным в них золотым византийским и серебряным арабским монетам. Примерно тогда же киевский князь Святослав отказался принять крещение, заявив своей бабке Ольге, что дружина тогда будет над ним смеяться (летописная запись за 955 год). А вот черниговский правитель наглядно демонстрировал свою приверженность новой вере. Но в последний путь ему положили еще позолоченную статуэтку скандинавского бога Тора. Дескать, не тот, так другой бог поможет...

Самоквасов считал погребенных в Черной могиле князьями местных славянских «племен» северян. По современным представлениям, перед нами самый почетный в Скандинавии эпохи

викингов обряд сожжения в ладье, которого удостаивали правителей земель – конунгов. Остальные воинские погребения черниговского некрополя – так называемые камеры, где находила последний приют торгово-дружинная «русь», ставшая опорой первых – северных по происхождению князей новорожденной Руси. Скорее всего, это представители альтернативной какое-то время Киеву династии, побежденной под кон. X века. Рюриковичами. Во всяком случае, письменные источники о первых веках отечественной истории оказалось возможным проверять и дополнять результатами археологических раскопок⁶.

Находки Самоквасова заинтересовали практически всех известных историков и археологов того времени. «Новостью важной и неожиданной для русского историка» назвал их Н.И. Костомаров. И.Е. Забелин просил передать ему для изучения шлем, а В.Б. Антонович – статуэтку идола из Черной Могилы. А.А. Спицын интересовался способом раскопки огромных курганных насыпей. Благодаря иностранным делегатам российских Археологических съездов и Антропологических выставок, где Самоквасов систематически выступал с докладами и демонстрировал свои находки, о них узнали во многих странах Европы.

Тем временем, став дипломированным и известным в научных кругах специалистом, Дмитрий Яковлевич поступил служить в самый молодой из тогдашних университетов империи – Варшавский. Он занял здесь кафедру истории русского права и становился последовательно экстраординарным (1873), ординарным (1883) профессором; деканом юридического факультета (1887); наконец, исполняющим обязанности ректора (1891). Работать тут почти два десятилетия русскому профессору, да еще великодержавных, монархических убеждений, было непросто. Польская интеллигенция жаждала независимости от имперской России. Назначенная из столичного Петербурга администрация проводила русификаторскую политику. Однако мемуаристы единодушно отмечают авторитет Самоквасова – педагога и администратора среди преподавателей и

---

⁶ Подр. см.: *Щавелёв А.С., Щавелёв С.П.* Черная могила // ВИ. 2001. № 2. С. 134–141; *Щавелев А.С.* Имя черниговского князя X века в фольклоре и истории // Уваровские чтения – IV. Богатырский мир: эпос, миф, история (14–16 апреля 1999 г.). Муром, 2003. С. 41–42.

студентов. «Не говоря о нас, русских, – свидетельствовал Д.В. Цветаев⁷, сослуживец Дмитрия Яковлевича по Варшаве, – и польские профессора признавали, что его отношения были согласны с чувством справедливости»⁸.

Будучи человеком верноподданных, консервативных политических взглядов, профессор, тем не менее, никогда не участвовал в каких-либо политических действиях. Он последовательно выступал за автономию университетов, их герметичность к политике. Благонамеренная же репутация помогла ему добиться казенных субсидий «для исследования древних земляных насыпей и издания их результатов» (от пятисот до тысячи рублей несколько лет подряд – немалые деньги в те времена, когда батрак в деревне получал за всю летнюю страду рублей пятьдесят). То был один из первых прецедентов государственного финансирования научной археологии в нашей стране. Впрочем, и тогда, и особенно позднее значительную часть расходов по найму землекопов, вывозу, обработке и публикации археологического материала профессору приходилось покрывать из собственного жалования.

Каждое лето во время каникул ученый выезжал на раскопки «внутри империи». Черниговская, Курская, Киевская, Полтавская, а затем и другие губернии Украины и Южной России, Северного Кавказа и Крыма, различные области Польши и Литвы оказались охвачены его экспедиционными маршрутами. Уделяя главное внимание планомерным раскопкам курганных групп, он не упускал возможностей изучить городища, стоянки на дюнах, каменные гробницы и прочие типы памятников, включая фундаменты древних храмов. Приобретал случайно найденные крестьянами клады и собранные дилетантами коллекции древностей. Варшавская квартира Самоквасова скоро превратилась в общедос-

---

⁷ Дмитрий Владимирович Цветаев (1852–1929), историк, археограф, публицист; младший брат И.В. Цветаева (1847–1913), основателя Музея изящных искусств в Москве. Позднее сменил Д.Я. Самоквасова на посту директора Московского архива министерства юстиции.

⁸ Памяти Димитрия Яковлевича Самоквасова. М., 1912. С. 33. См. аналогичный отзыв в мемуарах другого известного историка, причем довольно либеральных взглядов, одно время служившего в Варшавском университете: *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 163, 169 («...Он был единственным из русских членов Совета, у которого я изредка бывал» и т. д.).

тупный археологический музей. Его растущее собрание предметов каменного века, скифо-сарматской, кавказских, славяно-русской, кочевнических и других культур демонстрировалось на Всемирной выставке 1878 г. в Париже, на VIII Московском съезде русских археологов 1890 года. «Перед публикой предстала масса характерных археологических сокровищ, – писали газеты о показе Самоквасовской коллекции, – из простого камня, яшмы, янтаря, серебра и золота; ожерелья, перстни и кольца; лоскуты шелковых материй, наконечники стрел, бляхи, диковинные металлические зеркала, монеты наглядно представляли далекое седое прошлое нашей родной земли»⁹. Не только газеты, но и авторы сугубо академических трудов из разных стран писали об этом собрании в восторженных тонах.

«Результатом этого внимания, – вспоминал профессор, – было желание богатейшего Британского музея, не имевшего отдела славянских могильных древностей, приобрести мою коллекцию, бывшую на выставке (в Париже. – С. Щ.). Это желание передал мне Б.И. Ханенко, посетивший этот музей. По моему мнению, древностей своей родины нельзя передавать в чужую страну, а потому в 1891 г. я все свое собрание безвозмездно передал в Императорский Российский исторический музей на вечное хранение»¹⁰. Пять с половиной тысяч номерных экспонатов, среди которых немало вещей из драгоценных металлов и камней тончайшей художественной работы древних мастеров. Но не только огромная материальная ценность характеризовала дар Самоквасова государству. В научном и музейном плане его собрание отличалось редкой полнотой и системностью, сопровождалось образцово по тем временам изданным каталогом и оригиналами полевых дневников всех произведенных им за два десятилетия раскопок, фотографиями и чертежами изученных памятников. Многие из них вошли в его итоговые труды – «Могилы русской земли» (1908), «Северянская земля и северяне по городищам и могилам» (1908).

---

⁹ Тр. БАСМ. М., 1897. Т. IV. С. 58–59.

¹⁰ Самоквасов Д.Я. Раскопки древних могил и описание, хранение и издание могильных древностей. М., 1908. С. 19.

Ученый разработал собственную классификацию-хронологию археологических культур Восточной Европы. Эта система сегодня во многом устарела, не подтвердилась последующим развитием науки. Киммерийцы, скифы, сарматы и фракийцы вовсе не прямые предки славян, как думал Самоквасов. Но они действительно обживали по очереди территорию нашей родины и их культурные традиции так или иначе повлияли на славяно-русский менталитет. Самоквасовская система археологических культур представляла собой одну из первых попыток применить универсальную схему «веков» развития человечества в древности и средневековье к сложной и динамичной этнокультурной карте этого региона на протяжении тысячелетий. Благодаря таким работам отечественная археология превращалась из досугового занятия дилетантов в историческую дисциплину.

Не менее важное значение в том же отношении имела инструкция по проведению раскопок и обработке находок, составленная Самоквасовым по поручению одного из первых съездов российских археологов¹¹. Этот первый в России печатный регламент археологических методик несколько раз переиздавался, обобщая опыт их применения, накапливаемый нашими предшественниками. Дмитрий Яковлевич в своей полевой работе категорически настаивал на сохранении и описании целостных комплексов находок из каждого памятника (того же кургана или иного погребения), тогда как хранители Эрмитажа, да и московского Исторического музея еще в начале XX в. исповедовали коллекционерский подход – выборку наиболее выразительных, ценных находок, их публикацию, экспозицию отдельно от рядового материала. Этот последний или оставляли на месте раскопок, или отдавали находчикам. А Самоквасов именно по комплексам издал «Атлас гочевских древностей» – материалы своей последней, 1909 г. экспедиции на Верхний Псел, в Курскую губернию. Раскопки этого уникального скопления курганов и городищ славян и Руси продолжают до сегодня и всё новые находки согласуются с тем, что открыл первоисследователь памятника. Он, оказалось, видел перспективы археологии на сто лет вперед.

---

¹¹ Подр. см.: *Щавелёв С.П.* Вопросы теории и методики в археологических трудах Д.Я. Самоквасова // *Очерки истории русской и советской археологии* / сост. и отв. ред. А.А. Формозов. М., 1991. С. 25–50.

«Если предлагавшиеся им археологические теории и оказывались иногда слишком смелыми, – отмечал академик Д.Н. Анучин, – то они, во всяком случае, как попытки осмыслить голые данные путём творческой фантазии, будили мысль и направляли к анализу и проверке намеченных сопоставлений. Что же касается фактов, то их внесено Д[митрием] Я[ковлевичем] в археологию больше, чем кем-нибудь другим, и это уже одно сохранит надолго память о Д.Я. Самоквасове среди русских археологов как о выдающемся деятеле в области седой старины, страстно любившем ее памятники, положившем много сил и средств на их изыскание и собирание в обогатившие наши древлехранилища обширные и ценные собрания бытовых предметов различных эпох и народностей»¹².

Самоквасовская коллекция обогатила фонды и экспозицию музея на Красной площади. Профессор и раньше поддерживал начинание А.С. Уварова и И.Е. Забелина по созданию национального древлехранилища в старой столице. «В нем могли бы быть сосредоточены в оригиналах или копиях исторические памятники, разрозненные в настоящее время во множестве столичных и провинциальных, общественных и частных коллекциях, а потому почти недоступные для сравнительного изучения специалистов и обозрения широкой публикой»¹³, – писал Дмитрий Яковлевич. Материалы черниговских курганов легли в основу славянского зала музея (несколько лет назад вещи из Черной могилы подверглись умелой реставрации, открывшей новые важные детали их декора¹⁴).

Через год после передачи коллекции, в 1892 г. сам профессор вместе с супругой переезжает из Варшавы в Москву. Выслужив в Польше льготную пенсию по министерству народного просвещения, Самоквасов получает новое назначение – пост управляющего

---

¹² Анучин Д.Н. Д.Я. Самоквасов как археолог // Древности. Тр. ИМАО. М., 1914. Т. XXIII, вып. 2. С. 410.

¹³ Самоквасов Д.Я. Музей имени Его Императорского Высочества Государя наследника цесаревича // РГИА. Ф. 1636. Оп. 1. Д. 147. Л. 3.

¹⁴ См.: Каинов С.Ю., Щавелёв А.С. Изображение креста на наконечнике копья из Черной могилы (Технология и семантика) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 год. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005.

Московским архивом министерства юстиции. Это учреждение было подстать Историческому музею – крупнейшее в стране хранилище самых древних актов и рукописей. Свыше 2,5 миллионов единиц хранения, каждая из которых состояла еще из нескольких документов. Столбцы, книги, вязки, папки, оставшиеся главным образом от правительственных и местных учреждений Российского государства XIV–XIX столетий. Как определил новый управляющий, «документальное богатство русского народа». С этим архивом и его проблемами оказался связан следующий – московский период жизни и деятельности Самоквасова.

Архивное здание на Девичьем поле, где в казенной квартире поселилась чета Самоквасовых, оказалось далеко не тихой заводью. Да и решительная, широкого размаха натура этого человека не признавала рутинного образа жизни даже на склоне лет. Поступившее под его начало хранилище пребывало в плачевном состоянии. Большая часть документов оставалась неописанной, а потому практически недоступной для исследователей. Жалование у сотрудников мизерное, а отсюда постоянная текучка самых квалифицированных кадров – образованные и способные филологи и юристы ищут более хлебных мест, которые во множестве появлялись по ходу крупных государственных реформ. Оставшиеся заняты в основном собственными историческими изысканиями или же заказными работами за особую плату, а не разбором и систематическим описанием массы дел, как полагалось по их должности. К тому же построенное в 1886 г. здание архива уже требовало капитального ремонта.

«Приняв архив в виде приюта, ты оставляешь его академическим учреждением»¹⁵ – скажут потом о Самоквасове его ближайшие сотрудники. За этими словами – два десятилетия борьбы. Новый управляющий повел ее прежде всего с сановными петербургскими бюрократами. Со многими он был знаком по предыдущей службе; некоторые оказались его однокашниками по университету. В министерских и законодательных сферах Дмитрий Яковлевич несколько раз возбуждал ходатайства об увеличении ассигнований на архив, о расширении его штатов. Он упорно обходил кабинет за кабинетом с просьбами «ускорить движение

---

¹⁵ Памяти Димитрия Яковлевича Самоквасова... С. 42.

этого дела в Государственный совет (а затем и в Государственную думу. – С. Щ.) и оказать ему возможную помощь как особо важному для государства и науки»¹⁶. Многим его прошениям преграждали путь «осложнения политического положения» – войны и революционные потрясения, а пуще всего – беспримерная чиновничья волокита. Но дважды – в 1893 и 1909 гг. – ходатайства увенчались успехом. Дотации пришлось как нельзя, кстати, и Самоквасов сумел завершить большое дело – благоустройство главного собрания старейших рукописей России. Подключение к электричеству, городской канализации, оборудование хранилища, библиотеки и рабочих кабинетов – всем этим до сих пор пользуются сотрудники и посетители Российского государственного архива древних актов.

«Не стены, а люди создают города», гласит библейская притча. Бюджетные ассигнования, способные противостоять инфляции, требовались этому управляющему не только для материального благоустройства архивного здания, но и для того, чтобы привлечь сюда способных и энергичных работников. В его «команде» уже не терпели малограмотных или корыстных людей. Многие сотрудники самоквасовского призыва получили впоследствии заслуженную известность как замечательные историки и архивисты-практики. Среди них университетские профессора Ю.В. Готье и М.В. Довнар-Запольский; приват-доценты К.А. Стратоницкий, Н.Н. Харузин, А.Д. Григорьев; преподаватель Московского Археологического института Н.Н. Ардашев; известные своими публикациями И.Я. Стеллецкий, Н.П. Чулков, В.В. Шереметьевский, И.П. Шимко, С.А. Шумаков и другие.

С теми подчиненными, которые не пожелали работать в коллективе по единому плану, директору пришлось расстаться. Обиженные принялись критиковать «новый курс» в печати. Со временем все стало на свои места: опубликованное за 1890-е – 1910-е гг. многотомное «Описание документов и бумаг» этого архива привлекало сюда все больше и больше исследователей; прекло нередкие прежде воровство и подделку актов на дворянские права и земельную собственность. Поистине титаническим достижением самоквасовской когорты архивистов стало описание

---

¹⁶ РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 630. Л. 36.

семи тысяч столбцов Разрядного приказа Московского государства – одного из самых ценных разделов хранилища.

Ведущий историк российской медицины профессор Томского университета Н.Я. Новомбергский пояснял: «К ведению Разряда как учреждения собственно относилось военное дело и управление городами. Но, вследствие преобладающего значения военного дела, в Разряде – этом почти военном министерстве – сливались все отзвуки жизни государства того времени. <...> Казалось, все драгоценные материалы Разряда еще многие десятки лет будут покоиться на полках архива вне научного оборота, но с назначением в 1892 г. управляющим архивом проф[ессора] Д.Я. Самоквасова, описание столбцов Разряда приняло другое, более осуществимое направление. Как бы умудренный неудачным опытом своих предшественников, он решительно остановился на мысли о таком способе описания столбцов, при котором их содержание действительно могло бы сделаться доступным для специалистов в наиболее короткий срок. Глубоким научным прозрением он понял, что при подавляющем обилии документов, хранящихся в Архиве Министерства Юстиции, и при ограниченном составе сотрудников, с одной стороны, и при широком, все возрастающем спросе специалистов на новый исторический материал, с другой, архиву принадлежит не самостоятельная академическая цель, а служебная, вспомогательная задача. Эта мысль легла в основу выработанной под его руководством программы описания. Она не была встречена сочувственно даже среди ближайших сотрудников Д.Я. Самоквасова. Однако это не остановило его, не вернуло на прежний путь “широких начинаний” предшественников или еще более широких предположений некоторых сослуживцев. <...> Прошло 17 лет настойчивой работы. Вместо перебитых, недоступных для пользования столбцов архив располагает удобно уложенными в картонные документы, к которым составлены превосходные именные, географические и предметные указатели. Вместо того чтобы месяцы и годы тратить на развертывание и свертывание десятков аршин столбцов в поисках за каким-либо именем, местом или предметом, теперь, пользуясь описанием, легко добыть необходимую справку...

Описание столбцов Разряда представляет собой беспримерную работу в жизни наших государственных архивов»¹⁷.

Известный историк А.А. Кизеветтер уже в эмиграции признавал: «В сущности Самоквасов был прав. Только проводить эту реформу можно было бы более тактично. Заниматься в Архиве министерства юстиции было очень удобно. <...> И часы этих архивных занятий всегда вспоминаются мне как отраднейшие часы моей жизни»¹⁸.

В ходе полной инвентаризации, устроенной при Самоквасове в хранилище на Девичьем поле, обнаружилось немало неизвестных, затерянных было документов XV–XVII веков. Они принадлежали поместно-вотчинным учреждениям Московской Руси и проливали свет на запутанную проблему закрепощения крестьянства и другие ключевые вопросы средневековой истории. Изданные под редакцией Д.Я. Самоквасова два тома¹⁹ «Архивного материала» (1905, 1909), комментирующая их монография «Крестьяне древней России» до сих пор остаются настольными пособиями медиевистов.

По инициативе управляющего и при его участии печатались еще и документы Польско-Литовской метрики, «Акты Московского государства», грамоты Коллегии экономии и другие важные источники. В итоге при этом директоре архив утвердил за собой репутацию ведущего научно-методического центра документоведения; его справочная, описательная, издательская деятельность поднялась на качественно новый уровень.

В 1899 г. Самоквасов командировается своим министерством за границу «для ознакомления с организацией и деятельностью архивов древних актов в западноевропейских государствах»²⁰. Ему удалось посетить национальные архивохранилища 16 стран. Их архивные законодательства он по возвращению на родину пере-

---

¹⁷ Новомбергский Н.Я. Слово и дело государевы. Т. I: Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г. М., 1911. С. 1–2 (Первой пагинации) (Зап. МАИ. Т. XIV).

¹⁸ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881–1914 гг. Прага, 1929. С. 275.

¹⁹ Подготовленный к изданию третий том этой документальной серии вследствие кончины составителя остался в рукописи, похоже, утраченной для архивного хранения.

²⁰ Самоквасов Д.Я. Архивное дело на Западе. М., 1900. С. I.

водит и издает для сравнения с архивными порядками в нашей стране («Архивное дело на Западе», 1900). Отсюда родился самоквасовский проект архивной реформы в России.

Тогда различные хранилища старых документов в центре и на местах действовали вразнобой, масса ценных исторических источников гибла почем зря, сваленная в аварийных помещениях, продаваемая на вес для переработки на бумажные фабрики. По убеждению Самоквасова, нам требовалась разумная централизация архивного дела. Правительству предлагалось создать единый орган управления разного вида архивами – казенных и общественных; найти средства на поэтапную постройку для них благоустроенных зданий в каждом регионе страны; открыть кафедры архивоведения в университетах для подготовки квалифицированных архивистов; осуществить другие неотложные меры «для спасения накопленного веками документального имущества». Как считают многие современные специалисты, «проект Самоквасова по своей четкости и последовательности превосходил все предшествующие проекты»²¹ и во многом предвосхищал то, как была построена архивная служба после революции 1917 года.

А на рубеже позапрошлого и прошлого веков состоялось бурное обсуждение возможностей архивной реформы. Большая группа ученых и архивистов-практиков одобряла проект Самоквасова, но не верила в его осуществимость в обозримом будущем. Выпущенных профессором двухтомник «Архивное дело в России» (1902) встретил и немало пристрастных критиков. Любители истории из провинциальных Ученых архивных комиссий, их покровители из петербургского Археологического института не могли заменить государственной, профессиональной архивной службы в центре и на местах, но уступать своих монопольных позиций не желали. Реформа устраивала их постольку, поскольку сохраняла их тогдашний – сугубо благотворительный, самостоятельный статус. Самоквасов язвительно критиковал недостатки в их работе, но в конкретных вопросах охотно и много помогал краеведам многих губерний – финансировал их экспедиции, издания,

---

²¹ Самошенко В.Н. История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989. С. 163.

съезды; периодически выезжал для чтения лекций и консультаций по археолого-архивным вопросам.

Одним из многих образцов плодотворного сотрудничества профессора с провинциальными любителями истории служит публикуемая ниже, как приложение к моей статье его переписка с представителями Саратовской ученой архивной комиссии.

Согласно компетентной оценке его ближайшего сподвижника по архивным делам Н.Н. Ардашева, «как археограф, он единолично разбирает и в двух томах “Архивного материала” издает, в образцах, с историческим освещением, обширное и ценнейшее по древности наследие Новгородского Разряда XVI–XVII вв. <...> Как архивист-теоретик, он изучил и издал не только русское, но и западное законодательство об архивах, для чего объездил едва не всю Европу. Выработанный им проект реформы архивного дела в России опередил своё время. <...> Как архивист-администратор, он первый направил работу всего учреждения – Московского архива министерства юстиции на составление сухих, но неизбежных, ибо необходимых описей документов – лист за листом, документ за документом, не смущаясь толками об якобы их ненаучности, вследствие какой-то примитивности, неосуществимости, будто бы, для больших архивов, вследствие медленности. И вот, прошло 19 лет упорной, устойчивой работы и готово 9 томов такого описания Разрядного приказа, с окончанием которого <...> лоскуточка не останется неопищенного там, где учёные в течение полу столетия блуждали наугад ... Нет надобности говорить о значении одного этого памятника его деятельности для Истории, стремящейся стать возможно более точной наукой»²².

За архивными делами и треволениями Дмитрий Яковлевич не оставлял своих педагогических и научных занятий. Он продолжил читать историю русского права в Московском университете. Сначала сверхштатным (1894), затем ординарным (1895), наконец, заслуженным (1900) профессором. Кроме того, преподавал в Лицее памяти цесаревича Николая (так называемом Катковском, по имени учредителя). Преподавал бесплатно, хотя и с полной аудиторной нагрузкой. Один из слушателей самоквасовских лекций вспоминал: «Минут за 10 огромная аудитория № 1 (уни-

---

²² Памяти Димитрия Яковлевича Самоквасова... С. 23.

верситетского здания на Моховой ул. – С. Щ.) наполнилась студентами. Аккуратно, по расписанию, в четверть первого часа в аудиторию вошел мужественный, еще крепкий и бодрый старик, убеленный глубокой сединой, с энергичным лицом. Поднявшись на кафедру, он быстрым взглядом окинул аудиторию и затем, юношески встряхнув головой, начал...»²³. Отдельные лекции и практические занятия проводились в музее на Красной площади и в архиве на Девичьем поле, прямо на их экспонатах и фондах.

Итоговый учебный курс этого профессора – «История русского права», принесший ему докторскую степень и выдержавший несколько изданий сначала в Варшаве, а затем в Москве – не затерялся среди множества тогдашнихopusов сходной тематики. Свое изложения автор начинает не с «призвания варягов» или договоров Руси с Византией, как прочие историки-юристы. Он попытался реконструировать «языческую систему русского права», т. е. потестарный и раннегосударственный уклад жизни у славян. Ради этого известия самых ранних письменных источников сравнивались с археологическими находками (группировка и планировка городищ на местности; характер погребений и т. д.). К анализу привлекаются также этнографические наблюдения, антропологические измерения, данные фольклористики, топонимики, нумизматики. Именно такому – комплексному подходу к изучению начальных веков славяно-русской истории принадлежало будущее. Хотя по отдельным вопросам гипотезы Самоквасова не нашли подтверждения, что вполне естественно для того периода отечественной историографии.

Живя постоянно в Москве, профессор стал обязательным участником многих научных обществ и центров общения интеллигенции. Андрею Белому, скажем, на воскресных приемах у литературоведа Н.И. Стороженко среди прочих знаменитостей запомнился «тяжелый Самоквасов»²⁴. Со своей могучей фигурой тот оставался удивительно легок на подъем, когда дело касалось его различных специальностей, их практических проектов. Поль-

---

²³ Цит. по: [Кротков А.А. Сообщение о Д.Я. Самоквасове] // 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. 1886-12.XII-1911 г. Ист. очерк / сост. В.П. Соколов. Саратов, 1911. С. 31.

²⁴ Белый А. На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 140.

зовались успехом его публичные благотворительные лекции по археологии и архивистике в Политехническом и Историческом музеях, собственном архиве; в Обществе по просвещению фабрично-заводских рабочих города Москвы; многих провинциальных кружках краеведов.

По архивной службе не полагалось столь длительных каникул, как по университетской, поэтому профессор уже не мог каждое лето выезжать на раскопки. Но в качестве археологической практики для студентов и лицеистов им на выходные и праздничные дни устраивались показательные раскопки древнерусских курганов Подмосковья, а также по местам проведения нескольких Археологических съездов. Находки пополняли музей Московского Археологического института, с которым профессор тоже сотрудничал (хотя не захотел стать там штатным преподавателем).

Особенно много он работал по планам Московского Археологического общества, которое после безвременной кончины основателя графа Уварова возглавила его вдова, графиня Прасковья Сергеевна. Дмитрий Яковлевич стал в Обществе ее правой рукой. Из личных средств он финансировал раскопки В.А. Городцова, Н.Е. Макаренко и ряда других, известных в будущем археологов.

Кроме организации новых экспедиций на курганы и городища, помимо баталий по архивным проблемам, Самоквасов немало сделал для охраны архитектурных памятников. По образцу старой анкеты 1873 г. был разработан и через министерство внутренних дел проведен целый ряд циркулярных запросов – о наличии и сохранности церквей и прочих зданий стародавней постройки; каменных бабах, оставленных степными кочевниками; подземных ходах и на т. п. темы. Полномочия Археологического общества оставались сугубо рекомендательными, но определенное влияние на общественное сознание, а, значит, и на практику обращения местных властей с древностями они оказали.

Последние годы жизни профессора омрачила тяжелая болезнь – кавказская малярия, подхваченная им на южных раскопках. Потом к ней прибавились другие хвори. Однако ограничить кипучую энергию этого «богатыря воли и духа» (по определению графини Уваровой) болезням не удалось. Профессор скончался

05 (18) августа 1911 г., едва успев написать отчет о своей последней археологической экспедиции – по раскопкам огромного славянского могильника у села Гочева в Курской губернии²⁵. Коллеги, ученики и почитатели проводили его в последний путь на Новодевичье кладбище, где его могила была отмечена внушительным монументом, со временем превратившимся в семейный склеп. Вдова ученого, Таиса Васильевна Шумакова (из курской помещичьей семьи) передала его огромную библиотеку в дар архиву на Девичьем поле; оплатила издания его посмертных работ.

К сожалению, нет мемориальных досок с именем русского ученого-патриота Дмитрия Яковлевича Самоквасова ни на прекрасно сохранившемся здании Новгород-Северской гимназии, ни на главном корпусе Российского архива древних актов, ни на старом помещении Московского университета. Памятником неутомимым трудам профессора на пользу отечественной науки и просвещения является изящный обелиск темно-серого гранита на вершине кургана Черная могила. Дмитрий Яковлевич установил его по завершению своих черниговских раскопок. На четырех гранях стелы прорисованы важнейшие находки из этого княжеского погребения. Теперь здесь – центр современного города независимой Украины. Случайные прохожие, организованные экскурсии. Пора провести реставрацию памятника, поврежденного при немецкой оккупации. Стилизованная фигура древнерусского воина-шлемоносца смотрит в грядущее...

---

²⁵ См.: *Щавелёв С.П.* Гочевские древности Обоянского уезда Курской губернии» 1909 г.: публикация архивированного отчета последней экспедиции Д.Я. Самоквасова // Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / Отв. ред. И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин. М., 2010. С. 623–637.

ПЕРЕПИСКА Д.Я. САМОКВАСОВА
С САРАТОВСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИЕЙ²⁶

1

От Высочайше утвержденной
Саратовской Ученой архивной комиссии²⁷

<...> Саратовская Учёная архивная комиссия является единственным в нашем крае учреждением, которому вверены заботы по разысканию, охране и описанию памятников старины. За 20 лет своего существования Комиссия издала 23 выпуска своих «Трудов», разобрала десятки тысяч дел и документов, предназначенных к уничтожению – организовала ценную библиотеку из 8000 томов и создала историко-археологический музей, состоящий из 4280 предметов – остатков допотопных животных, окаменелостей, изделий каменного и бронзового веков, татарской эпо-

---

²⁶ Впервые нижеследующие источники были опубликованы в кн.: Археология, история и архивное дело России в переписке Д.Я. Самоквасова (1843–1911) / сост., вступ. статья и коммент. С.П. Щавелёва. Курск, 2007. С. 300–304. В настоящем издании они приводятся в исправленном и дополненном виде, с соблюдением всех норм современной орфографии и обновленным комментарием.

Выражаю глубокую благодарность Владимиру Анатольевичу Соломонову за ряд ценных советов и уточнений, сделавших возможной данную публикацию.

²⁷ Публикуемая здесь в выдержках печатная листовка с обращением Саратовской губернской ученой архивной комиссии (СУАК) о финансовой помощи была разослана ею всем своим членам, включая Д.Я. Самоквасова (по сути, сотрудника формально-почетного). Он же откликнулся на это обращение денежным переводом, за который Комиссия благодарит его ниже публикуемым письмом.

Об истории создания и деятельности СУАК см.: *Захарова Т.А.* Саратовская губернская ученая архивная комиссия в 1886–1920 годах: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2003; *Захаров В.М., Захарова Т.А.* Саратовская ученая архивная комиссия (1886–1920). Волгоград, 2005; *Земли родной минувшая судьба (Саратовская ученая архивная комиссия и документальное наследие края)*. Саратов, 2007.

хи и времени заселения края русскими колонизаторами. <...> Музей, видимо, завоевывает симпатии юношества, объяснения принимают характер научных бесед, многие учащиеся приносят в дар старинные вещи и монеты.

<...> К глубокому сожалению, деятельность Комиссии наталкивается на непреодолимые преграды.

Прежде всего, Комиссия не имеет собственного помещения. Она ютится чуть ли не на чердаке, в двух небольших, плохо освещаемых комнатах, над городской публичной библиотекой. В одной комнате находится архив Комиссии и библиотека, в другой – музей; не разобранные архивные материалы хранятся под лестницей. В музее невообразимая теснота. За неимением свободного места, многие предметы лежат на полу, на шкафах, под витринами, без всякой системы, вследствие чего теряют свое научное значение и недоступны для обозрения. <...> Члены Комиссии – добровольцы труда не имеют возможности работать в этом помещении по вечерам, а днём они заняты своими служебными обязанностями.

Затем, Комиссия не пользуется никакой субсидией от Правительства, и не имеет никакого бюджета. Средства собираются из случайных пособий от некоторых земств и городов и их трёхрублевых сборов, которыми члены облагают сами себя. В последние годы общественные учреждения совершенно перестали субсидировать Комиссию, вследствие чего на 1 января 1908 г. ее средства равнялись 20 рублям. При долге в 300 рублей.

Если принимать во внимание, что издание «Трудов» стоит 400–500 рублей в год, что обширная переписка с лицами и учреждениями, ведение книг, составление каталогов и описей требует приглашения платного писмоводителя, что научные экскурсии и раскопки немыслимы без денег, то окажется, что учреждение, у которого нет средств даже на марки и на уплату сторожам за мытье полов – продолжать свое существование не может.

И вот перед Комиссией встает роковой вопрос: быть или не быть?

Если общество симпатизирует вышеназванным целям Комиссии и окажет ей материальную поддержку, Комиссия будет работать на пользу родного края с удвоенной энергией; в противном

случае, ей не останется никакого другого исхода, как закрыть музей и прекратить свою деятельность до более благоприятного времени.

Члены Саратовской Ученой архивной комиссии 20 лет работали молча и бескорыстно; теперь они считают своим нравственным долгом осведомить общество о действительном положении вещей и снять с себя ответственность за дальнейшую судьбу дорогого им учреждения.

Лиц, желающих войти в письменные или личные сношения с Комиссией, просят обращаться к председателю ее – Василию Павловичу Соколову²⁸ (Гимназический пер[еулок], собственный дом); товарищу председателя – Людвигу Викторовичу Зайковскому²⁹ (Губернская земская управа), или правителю дел – Сергею Александровичу Щеглову³⁰ (Губернская земская управа).

РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 781. Л. 4–4 об.
Печатный оригинал листовки
с пометой адресата «7 января 1909 г. Д. Самоквасов».

2

СУАК – Д.Я. Самоквасову

28 ноября 1908 г.
Саратов – Москва.

Милостивый государь Дмитрий Яковлевич!

Уведомляя о получении переводом по почте 50 (пятидесяти) рублей, Ученая Архивная комиссия имеет честь принести Вам, ми-

---

²⁸ Соколов Василий Павлович (1854 – после 1919), преподаватель латинского языка в Саратовском духовном училище (с 1882), магистр богословия (1892), член (с 1888) и председатель (1905–1909) СУАК.

²⁹ Зайковский Людвиг Викторович (1858 – после 1917), земский деятель, журналист, секретарь Саратовской губернской земской управы (с 1900), член (с 1901) и товарищ председателя (1908–1909) СУАК. Брат Б.В. Зайковского.

³⁰ Щеглов Сергей Александрович (1861–1915), археолог, этнограф и историк, сотрудник страхового отдела Саратовской губернской земской управы (с 1896), член (с 1897) и правитель дел (1902–1910) СУАК.

лостивый государь, искреннейшую признательность за это пожертвование.

Председатель Комиссии – В. Соколов.

Правитель дел – С. Щеглов.

РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 781. Л. 5.

Рукописный оригинал на бланке Саратовской ГУАК № 3290.

3

СУАК – Д.Я. Самоквасову

6 февраля 1910 г.

Саратов – Москва.

Милостивый государь Дмитрий Яковлевич!

Считая своей обязанностью широко популяризировать задачи, преследуемые учеными архивными комиссиями, Саратовская ученая архивная комиссия в прошлом году пыталась устроить публичную лекцию на эту тему в связи с археологией. Эта лекция не имела успеха, так как местный лектор³¹, вызвавшийся публично выступить с чтением, не оправдал ожиданий, будучи мало к тому подготовлен. Чтобы поправить это неудавшееся предприятие, комиссия вновь задумала устроить лекцию, пригласив для сего лицо, специально знакомое как с задачами ученых архивных комиссий, так и с археологией вообще, и вследствие этого обращается к Вашему превосходительству с покорнейшей просьбой, не признаете ли Вы возможным лично прочесть в Саратове одну или две платные публичные лекции на вышесказанные темы и сообщить: на каких именно условиях Вы были бы согласны принять на себя обязанности лектора³².

Комиссии желательно устроить лекции в середине великого поста сего года. На устройство лекции комиссия располагает суммой от 100 до 200 рублей, жертвуемой одним из местных ее членов. В распоряжение лектора комиссия может дать, для де-

---

³¹ Имя лектора и тему его выступления перед саратовской публикой в 1909 г. установить не удалось.

³² Откликнуться на данное обращение СУАК из-за обострившейся болезни Д.Я. Самоквасов не смог (см.: Кротков А.А. Указ. соч. С. 32).

монстраций, предметы своего музея. Вся чистая прибыль от лекций предназначена на издание материалов исторического архива комиссии и материалов к археологической карте Саратовской губернии³³.

Председатель комиссии – Н. Минх³⁴.

Правитель дел – С. Щеглов.

РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 781. Л. 92.

Рукописный оригинал на бланке Саратовской ГУАК № 122 с пометой адресата «10 февраля 1910 г. Д. Самоквасов».

4

СУАК – Д.Я. Самоквасову

29 апреля 1911 г.
Саратов – Москва.

Господину профессору Московского университета
Димитрию Яковлевичу Самоквасову.

---

³³ «Археологическая карта Саратовской губернии была завершена в 1911 г., к 25-летнему юбилею Архивной комиссии. Автором ее итогового варианта стал А.А. Кротков. Кроме общей карты губернии на кальке в 10-верстном масштабе с нанесением всех рек, ручьев и оврагов, были составлены десять археологических карт в 30-верстном масштабе по типам археологических объектов: пещерам, курганам, городищам, дюнным стоянкам и т. п. Отдельно прилагался том описаний найденных «предметов древности», указатели местных топонимов и гидронимов, общая сводка материалов, записи народных преданий и легенд, связанных с тем или иным археологическим объектом. Было учтено 225 курганных групп, около 400 раскопанных одиночных курганов, 23 грунтовых могильника, 24 отдельных могилы, 59 городищ, 143 находки монет. Всего оказалось зарегистрировано 1422 находки древностей...» (Галкова О.В., Назаров А.А., Савицкая О.Н. К вопросу об археологической карте Волгоградской области // Грани познания. 2010. Декабрь. № 4 (9). URL: www.grani.vspu.ru; дата обращения: 27.02.2011).

³⁴ Минх Николай Николаевич (1838–1918), юрист, публицист, член Саратовской судебной палаты (с 1907), основатель, почетный член (с 1902) и председатель (1909–1918) СУАК.

Члены нашей Комиссии – Б.В. Зайковский³⁵ и С.А. Щеглов, посетив в сем апреле месяце в Вольском уезде (на Волге) место около с. Березняки по дороге к с. Кошели, называемое «городком», сделали находки черепков и костяного шила³⁶.

Препровождая при сём черепки с отпечатками плетения трех тонов, Комиссия почтительно просит Ваше превосходительство не отказать в определении, к какой народности и к какой эпохе можно отнести эти черепки.

Председатель комиссии Н. Минх.

Правитель дел С. Щеглов.

РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 781. Л. 108.
*Рукописный оригинал на бланке Саратовской ГУАК № 589
с пометой адресата «29 апреля 1911 г.»*

5

Д.Я. Самоквасов – САУК

11 мая 1911 г.
Москва – Саратов.

В Саратовскую губернскую ученую архивную комиссию.

В ответ на отношение Комиссии от 29 апреля 1911 г. за № 589 честь имею сообщить, что глиняные черепки, найденные на Городке Вольского уезда, между селами Березняки и Кошели, и присланные мне для определения, встречаются на песчаных дюнах (стоянках) и на городищах, относящихся к эпохе каменной и бронзовой культуры. Что же касается вопроса о народности сказанных черепков, то на этот вопрос ответа дать невозможно, потому что

---

³⁵ Зайковский Богдан Викторович (1878–1933), археолог, нумизмат, краевед и архивист, член (с 1902) и хранитель музея (1902–1911) СУАК. Брат Л.В. Зайковского.

³⁶ См.: Щеглов С.А. Предварительные археологические разведки у селений Кошели и Березники, Вольского уезда // Тр. СУАК. Саратов, 1912. Вып. 29. С. 93–107; 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии... С. 183–184.

истории неизвестны имена народов, обитавших в области Волги в сказанные эпохи.

При сем возвращаю вышеуказанные черепки.

Профессор Д. Самоквасов.

РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 781. Л. 109.

Отпуск с рукописного оригинала на бланке МАМЮ № 228.

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 616-089(09)(470)+929 Никонов

СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ НИКОНОВ И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ

Е.Е. Фёдоров,

Институт биохимии и физиологии растений
и микроорганизмов РАН
E-mail: lsmi110@ibppm.sgu.ru

В статье освещаются основные этапы жизненного пути талантливого врача-хирурга и революционного деятеля, участника народо-вольческого и эсеровского движения в России Сергея Андреевича Никонова (1864–1942). Дается краткая характеристика его литературного наследия, в частности неопубликованных воспоминаний, отрывков из которых, посвященный жизни русской революционной эмиграции в Париже, впервые выносятся на суд широкой читательской аудитории.

Ключевые слова: С.А. Никонов, воспоминания, партия «Народная Воля», народовольцы, русская эмиграция в Париже, П.Л. Лавров.

SERGEY ANDREEVICH NIKONOV AND HIS MEMOIRS

E. Fedorov

In article the basic stages of the course of life of the talented surgeon and the revolutionary figure, the participant of «Narodnaja Vola's» and social-revolutionary movements in Russia Sergey Andreevich Nikonov (1864–1942) are shined. The short characteristic of his literary heritage is presented firstly on the court of wide reader's audience.

Key words: S.A.Nikonov, memoirs, party «Narodnaja Vola», narodovoltsy, Russian emigration in Paris, P.L.Lavrov.

Имя Сергея Андреевича Никонова (26.02 (10.03).1864 – 09.01.1942), автора публикуемых ниже воспоминаний, хорошо известно историкам общественно-политической мысли. Дворянин по происхождению, врач-хирург по профессии и революционер по призванию, он оставил глубокий и яркий след в истории русского освободительного движения.

Будущий борец за народное счастье рос и воспитывался в многодетной семье адмирала Российского Императорского флота Андрея Ивановича Никонова (1811–1891), защитника Севастополя в Крымскую войну 1853–1856 гг., где царила атмосфера полного взаимопонимания и уважения к людям, независимо от их социального статуса¹.

«При всех отрицательных моментах, которые можно найти в нашем воспитании, – вспоминал впоследствии С.А. Никонов, – были в нём и положительные стороны. Прежде всего, нас не задерживали воспитанием, не муштровали, а давали нам расти свободно, <...> может быть, именно поэтому у нас выработалась к зрелому возрасту известная способность инициативы, находчивость, стойкость и другие качества, полезные в житейской борьбе. В драках с мальчиками-соседями, в войне с сестрами мы приучались к товарищеской солидарности, выносливости, презрению к физической боли. <...>

Еще одна черта нашего воспитания заключалась в том, что мы не испытывали отвращения ни к какому труду; напротив, всякая почти работа была для нас, если не всегда привлекательна, то во всяком случае, приемлема. Мы охотно работали в саду на грядках, подметали дорожки и двор, столярничали, помогали денщикам в разных домашних работах. Не было у нас также презрительного отношения к низшим: к прислуге, денщикам и пр. И

---

¹ А.И. Никонов был женат на Софии Николаевне Кумани, от которой имел четырех дочерей: Марию (в замужестве Шишмарева; 1853–1939), Ольгу (в замужестве Карабчевская; 1855–1902), Екатерину (в замужестве Шверина; 1856–1916), Анну (в замужестве Никитенко; 1861– после 1930) и двух сыновей: Сергея и Алексея (1865–1924).

в этом случае и мать, и отец подавали нам пример своим ровным и спокойным отношением к ним»².

Оба родителя и, прежде всего отец, искренно привязанный «к Александру II, который знал его лично и тоже, по-видимому, относился к нему очень благосклонно», стремились уберечь детей от революционных «веяний времени», но их усилия оказались тщетными.

«Помогла влиянию на нас этих веяний, – замечал мемуарист, – в особенности одна черта, явившаяся результатом нашей дружной семейной обстановки: в нравственном характере каждого из нас преобладала честность, не только в обыденном смысле этого слова, но в более глубоком его значении. Придя к тому или иному взгляду или убеждению, мы считали долгом <...> его исповедовать, высказывать и защищать, а затем и проводить в жизнь, т. е. поступать так, как подсказывало нам это убеждение. Всякая ложь считалась в нашей семье позором; храбрость, стойкость, даже в мелочах, <...> помощь слабым, хотя бы с риском для себя и т. д. – все эти качества мы старались всячески в себе поддерживать и культивировать».

Окончив в 1882 г. гимназию в Симферополе, С.А. Никонов поступил на математическое отделение физико-математического факультета Петербургского университета, однако уже в 1885 г., решив стать врачом, перевелся в Императорскую Военно-медицинскую академию. В 1885 г. он вступил в партию «Народная Воля», вел пропагандистскую работу в кружках студентов, гимназистов и военных. В 1886–1887 гг. вместе с А.И. Ульяновым, о дружбе с которым опубликовал воспоминания³, Сергей Андреевич участвовал в подготовке покушения на Александра III. В январе 1887 г. по делу о пропаганде среди юнкеров Павловского училища он был арестован, но через одиннадцать месяцев тюремного заключения выпущен на поруки отца по болезни и в мае 1888 г. выслан административным порядком в Сибирь (Мину-

---

² Здесь и далее цитируется машинописная рукопись С.А. Никонова «Мои воспоминания (Из революционной борьбы и культурно-общественной деятельности)», хранящаяся в личном архиве Е.Е. Фёдорова (Саратов).

³ См.: Никонов С.А. Из воспоминаний об А.И. Ульянове // ПР. 1929. № 2–3. С. 172–190.

синск) на четыре года⁴. Вслед за С.А. Никоновым в Сибирь последовала и его жена Нина Васильевна, урожденная Москопуло (1867–1941). «Здесь (в Минусинске. – Е. Ф.) родился их первенец – сын Андрей. Вероятно, – замечала П.Н. Шавердо, – если бы Никоновы остались жить в России, они гораздо больше бы пропутешествовали и изучили “места не столь отдаленные” самодержавной России. Но Сергей Андреевич после первой ссылки уехал изучать медицину за границу и там жил долгое время»⁵.

В 1892–1897 гг. С.А. Никонов учился на медицинском факультете Парижского университета, одновременно поддерживая тесную связь с одним из ярких теоретиков народнического движения П.Л. Лавровым и многими другими видными эмигрантами-народовольцами, жившими в ту пору во Франции⁶.

Вскоре после возвращения в Россию С.А. Никонов примкнул к эсеровскому движению и в 1902 г. возглавил Севастопольский комитет партии социалистов-революционеров. Начиная с 1904 г. супруги неоднократно выслались в Архангельскую губернию. «Вообще по части арестов, обысков, тюрем и ссылок у них был большой стаж. Никоновы были революционерами. Всецело преданными делу революции, притом строго принципиальными людьми и дисциплинированными работниками. Неудивительно, что в Архангельске они стояли в центре организации ссыльных. <...>

Часто Никоновы устраивали товарищеские собрания, на которые приходили товарищи обмениваться новостями, прочесть какую-нибудь интересную статью или просто так побеседовать, отвести душу, послушать музыку и пение (у Никоновых было пианино). Такие вечера имели огромное значение для молодежи, живущей в изгнании. Эти собрания сплачивали молодежь, под-

---

⁴ См.: URL: <http://narovol.narod.ru/Person/person13.htm> (дата обращения: 23.04.2011 г.)

⁵ «Боролась за землю, за волю, за свободу народа»: Из воспоминаний «бабушки» курских революционеров Паулины Шавердо / Вступ. статья, коммент. и подгот. текста к публ. Г.А. Салтык // ОА. 2002. № 6. С. 80.

⁶ Подр. об этом см. публикуемый в настоящем издании отрывок из воспоминаний С.А. Никонова «Пётр Лаврович Лавров. Русская эмиграция в Париже в 1892–1897 гг.»

бадривали ее, предохраняли от хандры и обывательской пошлости»⁷.

Февральская революция застала С.А. Никонова в Оренбурге – месте отбытия очередной (четвертой по счету) административной ссылки. С 1917 г. он находился в самой гуще общественной и политической жизни: был комиссаром Временного правительства России по Севастополю, городским головой, участвовал в заседании Учредительного Собрания (5 января 1918 г.), занимал пост министра просвещения и культов в Таврическом краевом правительстве (1918).

Не обошла своим пристальным вниманием чету Никоновых и победившая в Крыму Советская власть. В период с 1921 г. по 1925 г. Сергей Андреевич неоднократно подвергался арестам и всевозможным преследованиям. Оградить от новых мытарств, страданий и лишений не в состоянии оказались ни «охранная грамота» – удостоверение на бланке ВЧК РСФСР от 25 ноября 1920 г. за № 303: «Дано сие доктору гр[ажданину] Никонову в том, что его квартира не подлежит уплотнению. Доктор Никонов не подлежит аресту и обыску без ведома Особого отдела ВЧК», ни заступничество Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой, с которой супруга С.А. Никонова училась вместе на Бестужевских курсах в Петербурге.

Высланный в сентябре 1925 г. из Крыма с запретом проживания в столицах и пограничных районах, Сергей Андреевич с женой сначала поселился в Загорске (ныне – Сергиев Посад), где ему удалось получить место заведующего хирургическим отделением в бывшей губернской земской больнице. Затем, с 1927 г. по 1930 г., они жили со старшим сыном в селе Петриковка близ Днепропетровска, после чего получили разрешение вернуться в родной Севастополь. Здесь они прожили до 1940 г., когда по настоянию младшего сына Бориса переехали к нему в Ленинград, где и скончались оба в первые годы Великой Отечественной войны.

* * *

После себя С.А. Никонов оставил богатейшее литературное наследие. Помимо отдельных печатных трудов⁸, центральное ме-

---

⁷ «Боролась за землю, за волю, за свободу народа»... С. 80–82.

сто в нем, по праву занимает рукопись его неопубликованных воспоминаний⁹, имеющих исключительную научно-познавательную и исследовательскую значимость.

Придерживаясь по возможности хронологического порядка, мемуарист излагает события, которые имели, по его мнению, общественно-историческое значение и, в особенности, события революционной борьбы; одновременно он приводит краткие биографические сведения о революционерах и общественных деятелях.

При этом Сергей Андреевич с сожалением констатирует: «...я не вел, потому что считал это недопустимым, никаких записей о прошлом, и потому все приходится восстанавливать почти исключительно по памяти <...> и по немногим сохранившимся у меня документам и письмам. Между тем, память – источник не всегда надежный...».

Справедливости ради следует отметить, что отдельные фактические неточности и погрешности в воспоминаниях С.А. Никонова, действительно, встречаются, но они столь единичны и незначительны, что ни в коей мере не влияют на общую высокую оценку рассматриваемого исторического источника.

Лучшим тому подтверждением может служить публикуемый ниже отрывок из воспоминаний С.А. Никонова, посвященный жизни русской революционной эмиграции в Париже, с сохранением стилистических особенностей авторского изложения и необходимыми в подобном случае комментариями. Встречающиеся в тексте сокращения, кроме общепринятых, раскрываются в квадратных скобках. Угловыми скобками с отточием внутри обозначены отдельные редакторские купюры.

---

⁸ См.: Никонов С.А. Жизнь студенчества и революционная борьба 80-х годов // Александр Ильич Ульянов и дело 1-го марта 1887 г. / Сост. А.И. Ульянова-Елизарова. М.; Л., 1927. С. 135–481; Он же. Борис Николаевич Никитенко // Каторга и ссылка: Историко-революционный вестник / под общей ред. Вл. Виленского (Сибирякова). М., 1927. Кн. 31, [№ 2]. С. 212–246; Он же. Несколько встреч с А.Ю. Фейтом // Там же. Кн. 34. № 5. С. 185–188 и др.

⁹ Никонов С.А. Мои воспоминания (Из революционной борьбы и культурно-общественной деятельности). [Машинопись, 1925 – кон. 1930-х гг.] // Личный архив Е.Е. Фёдорова (Саратов).

**ПЕТР ЛАВРОВИЧ ЛАВРОВ.
РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ПАРИЖЕ В 1892-1897 гг.**

С.А. Никонов

S.A. Nikonov

PETR LAVROVICH LAVROV IN
RUSSIAN EMIGRATION IN PARIS IN 1892-1897

Наиболее видной и влиятельной фигурой в заграничной эмиграции описываемого времени был, бесспорно, П.Л. Лавров. Уже с середины семидесятых годов он выдвинулся на первое место, – с того времени, как он начал издавать «Вперед»¹ и когда его именем («лавристы») была окрещена целая полоса русского революционного движения. Ни один из вождей эмиграции с этих пор до его смерти далеко не мог сравняться с П[етром] Л[авровичем] по силе и объему своего влияния на умы молодежи. Никому не придет в голову, я думаю, ставить в этом отношении не только наравне с ним, но и близко к нему даже таких наиболее выдающихся эмигрантов 70–80-х годов, как Драгоманов² или Кропоткин³, не говоря уже о Ткачёве⁴ и других. <...> И только со второй половины восьмидесятых годов начинает выдвигаться фигура Плеханова⁵, оказывавшего все больше влияния на подрастающее революционное поколение.

Чем же объясняется это прочное, не поколебленное до самой смерти П[етра] Л[аврови]ча, положение его как центральной фигуры русской эмиграции и духовного, идейного вождя русского революционного движения того времени? Кроме общепризнанного широкого, всеобъемлющего ума и всесторонней колоссальной эрудиции, поставивших П.Л. Лаврова в ряды первоклассных мыслителей, философов и писателей, в его натуре, в его характере были еще другие черты, которые лучше и ярче всего описаны, мне кажется, покойным Д.Н. Овсяннико-Куликовским⁶. <...>

В мое время вокруг него группировались в Париже некоторые из старых народовольцев, как Н.С. Русанов⁷, М.Н. Ошанина-Полонская⁸, Рубанович⁹, нередко наезжал и жилал в Париже

Э.А. Серебряков¹⁰. Постоянно бывали у него и помогали ему в хозяйстве Шульмейстер¹¹, писатель и революционер С.А. Ан-ский-Раппопорт¹² и другие, не говоря о менее близко к нему стоящих Л.Э. Шишко¹³, Д.А. Аитове¹⁴ и многих других. <...>

В воспоминаниях Э.А. Серебрякова¹⁵ очень тепло и живо описываются разные мелочи жизни П[етра] Л[аврови]ча в Париже, из которых выясняются и некоторые черты его характера <...>.

Я дополню описание Серебрякова тем, что мне лично довелось видеть. За хозяйством П[етра] Л[аврови]ча смотрела старенькая приходящая прислуга, которая убирала в квартире и готовила ему легкий завтрак. После завтрака она уходила и до конца дня П[етр] Л[аврови]ч оставался уже на собственном попечении. Обедал он обычно в одном из ближайших ресторанов компании «бульон Дюваль»¹⁶, которых было разбросано в Париже несколько десятков. Здесь за сравнительно недорогую плату, что-то около двух франков (80 коп. по курсу) можно было сытно и вкусно пообедать. Раз в неделю или две П[етр] Л[аврови]ч ходил обедать к кому-нибудь из своих близких знакомых: Н.С. Русанову, И.И. Мечникову¹⁷, Рубановичу, Шишко, к некоторым французам, когда приехала ко мне жена¹⁸ – к нам и к другим. В эти дни обедов у друзей и знакомых П[етр] Л[аврови]ч возвращался домой поздно, часов в девять-десять, причем его обычно провожали до дома. Вообще он обладал плохим зрением и вечером почти ничего не видел. По возвращении он читал что-нибудь легкое, газету или роман. Изредка он ходил в театр, почти исключительно на драму или комедию. Он признавался как-то мне, что питает пристрастие к мелодраме. Что же касается оперы и музыки вообще, то он был, по-видимому, плохим их ценителем. В редких случаях по вечерам ему приходилось выступать на каком-нибудь собрании, банкете и т. п.

Занятия и работа П[етра] Л[аврови]ча распределялись по раз навсегда заведенному строгому порядку. Встав часов в восемь и проглотив кофе, сваренное им самим (молоко и булки приносила жена привратника), П[етр] Л[аврови]ч сейчас же садился писать и все утро до завтрака, до 12-ти часов, проходило у него в писании. Писал он, наклонив голову почти до уровня стола, так что со стороны было даже неприятно смотреть на такое напряженное и не-

ловкое положение. Устав, он бросал на время писание и брался за лежавшие тут же на столе книги. После завтрака, отдохнув немного за просмотром утренних газет, он принимался за «чтение» новых полученных книг. Чтение это, при котором мне не раз приходилось присутствовать, происходило следующим образом: П[етр] Л[аврович] брал новую неразрезанную книгу и начинал ее пробежать, разрезая по мере надобности ее листы. Пробежав несколько страниц, он переворачивал, не читая, несколько листов, пробегая снова несколько страниц, опять перескакивал дальше, и через некоторое время – через час или иногда и скорее, смотря по книге, она откладывалась в сторону и он принимался за следующую. За несколько часов он успевал просмотреть свою ежедневную порцию – три-четыре книжки или больше и, что меня первое время особенно поражало, он умудрялся схватить в них все существенное. Лишь очень немногие книги он прочитывал от доски до доски.

П[етр] Л[аврович] был всегда в курсе всех новейших научных открытий буквально в любой отрасли человеческих знаний. Помню, как меня удивило, когда я, студент-медик, слышал от него первого о новых открытиях в области биологии, бактериологии и даже практической медицины. Помню, как он однажды на одном из своих четвергов с увлечением рассказывал собравшимся о только что сделанном Рентгеном¹⁹ открытии X-лучей²⁰. Некоторые из присутствующих, и я в том числе, высказались скептически по поводу этого открытия, но П[етр] Л[аврович] горячо доказывал большое его значение и важность для науки и жизни и предсказывал ему великое будущее. После обеда П[етр] Л[аврович] немного отдыхал, лежа или полулежа на диване и в это время обыкновенно кто-нибудь читал ему вечернюю газету «Тан» (Temps)²¹. Эту ультра-буржуазную газету, официальный правительственный орган, П[етр] Л[аврович] прочитывал обыкновенно почти что от передовицы до самого конца. Он находил, что из всех французских газет «Тан» дает наилучшую, самую обширную и самую точную информацию, как из французской, так и из иностранной жизни, передовицы же и руководящие статьи интересовали его как выражение взглядов и ближайших планов и намерений правящих кругов.

В те годы для этого вечернего чтения газет приходил кто-нибудь из студентов или студенток; для того же, чтобы он не оставался без чтеца, устраивалась очередь. Вечером при искусственном освещении (тогда не было распространено электричество и у П[етра] Л[авровича] горели керосиновые лампы или свечи) ему было очень трудно читать.

Не помню точно, в котором году, должно быть в 1896, к нему приехала его дочь М.П. Негрескул²², которая и оставалась при нем, если не ошибаюсь, до его смерти, не считая кратковременных поездок в Россию; при мне она уезжала один раз на несколько месяцев. При ней жизнь П[етра] Л[аврови]ча очень облегчалась: за ним был постоянный правильный уход и не было уже того одиночества, как до нее, потому что самые лучшие намерения и усилия его молодых почитателей и почитательниц не могли, конечно, равняться с уходом постоянно живущего близкого и любящего человека.

Особенно бросался в глаза недостаток близкого человека, когда П[етру] Л[аврови]чу случалось прихворнуть. Тогда кто-нибудь оставался у него ночевать, притом непременно из мужчин, потому что он не хотел допускать к себе больному женскую молодежь. Ночевали тоже большей частью по очереди, так как все были заняты какой-нибудь работой. С приездом Марии Петровны, к которой П[етр] Л[аврови]ч был очень привязан, в случае его заболевания был уже вполне обеспечен хороший, правильный уход за ним.

Четверги П[етра] Л[аврови]ча посещались в мое время очень усердно. В эти вечера собиралось у него человек пятнадцать-двадцать, редко больше, преимущественно молодежи, причем состав посетителей был приблизительно постоянный с не очень большими вариациями, и только иногда появлялись новые люди, вновь обосновавшиеся в Париже или приехавшие на время из России. Иностранцев на этих вечерах я не видел у него ни разу.

Обычными темами для разговоров служили политические новости местной и русской жизни, новости искусства, литературы и науки. Иногда, когда собиралось мало народа, разговор шел вяло, и многие находили, что на этих журфиксах²³ бывало скучновато. <...> Споров, сколько я помню, почти не бывало, потому что трудно было

затевать споры с таким энциклопедистом и философом, как П[етр] Л[аврович], и почти всегда начатые споры быстро обрывались после немногих реплик П[етра] Л[аврови]ча, хотя возражал он всегда очень мягко и деликатно, стараясь не смущать своих молодых посетителей. Иногда случалось выслушивать у него на четвергах рассказы приезжих из России о том, что делается у нас в отечестве. Вообще эти вечера все-таки представляли значительный интерес, по крайней мере для меня.

По четвергам кто-нибудь из нас, более близко стоявший к П[етру] Л[аврови]чу, Шульмейстер, я, потом Раппопорт-Ан-ский и другие, по очереди приходили к нему пораньше, ставили огромный самовар и приготавливали посуду к чаю. Когда гости собирались, дежурный наливал и разносил чай, а П[етр] Л[аврович] угощал печеньем, предлагая «еще стаканчик» и распоряжался налить еще.

Хозяин он был очень любезный и заботливый; первое время при знакомстве с ним эта любезность даже смущала и казалась несколько аффектированной, но это была просто старая, прочно укоренившаяся привычка, – результат воспитания и жизни в молодости среди общества с определенными обычаями и манерами.

Особенно проявлялась эта черта по отношению к женщинам, к «дамам». П[етр] Л[аврович] всех своих посетительниц встречал особенно радушно и приветливо, сейчас же усаживал или на диван рядом с собою, или, если на диване не было уже места, на одно из мягких кресел. Когда кресел уже не хватало для «дам», он, очень извиняясь, усаживал их на стулья. Сейчас же раздавалась команда дежурному: «дайте чаю такой-то», к прибывшей подвигалась ваза с бисквитами, ей задавался ряд вопросов о здоровье, о ее занятиях и пр[очем]. Эта любезность со стороны почтенного старика, годившегося многим из посетительниц в деды, поначалу всегда очень их смущала и я часто видел как они краснели и не знали куда деться, став объектом пристального внимания П[етра] Л[аврови]ча, но потом привыкали и видели в этом обращении лишь манеру, привитую воспитанием и долгою жизнью в известном обществе, где принят в обиходе ряд условностей.

Эта маленькая черточка – особое, сугубо вежливое и любезное отношение к «дамам» – черточка, которая некоторым показалась бы, может быть, смешною «слабостью» или манерностью, на мой

взгляд очень подходила ко всему облику П[етра] Л[аврови]ча, к его доброй и рыцарской натуре. Во всяком случае, это «ухаживание» за дамами выходило у него так просто и мило, что даже самые щекотливые и щепетильные «нигилисты» привыкали к такому обращению и только иногда пошучивали по его поводу.

Когда я уезжал в 1897 году из Парижа, П[етр] Л[аврович] очень тепло прощался со мной; он высказал мне самые лучшие пожелания и в их числе дожить до нового подъема и победы революционного движения. Я со своей стороны сказал ему, что мне тяжелее всего расставаться в Париже именно с ним, к кому я так искренне привязался и к кому испытываю чувство самого глубокого почитания. Поблагодарив его за знаки внимания, которыми он дарил меня, я выразил надежду еще увидеть его, когда мне удастся стать на ноги и вновь приехать на побывку в Париж.

Действительно, по приезде в Россию я все время мечтал об этой поездке и больше всего именно ради того, чтобы еще раз повидать П[етра] Л[аврови]ча, но обстоятельства не позволили мне исполнить это желание. В ответ на мои слова П[етр] Л[аврович] как-то печально усмехнулся и сказал: «Нет уж, С[ергей] А[ндреевич], вряд ли нам с вами придется встретиться, слишком стар я».

Через три с небольшим года <...> он скончался²⁴.

Ближе всех из эмигрантов стояли к Лаврову в описываемое время его партийные товарищи – народовольцы: Н.С. Русанов, М.Н. Ошанина-Оловенникова, жившая в Париже под фамилией Полонской, и И.А. Рубанович. Они и еще наезжавший в Париж на более или менее продолжительное время Э.А. Серебряков могут быть названы в истинном смысле его друзьями. П[етр] Л[аврович] продолжал вести с ними конспиративные дела, поскольку такие были в эти глухие годы реакции, и вместе с ними редактировал упоминавшиеся уже «Материалы»²⁵. Всех их он очень любил и очень часто и охотно бывал у них, встречая с их стороны самое большое внимание и любовь.

М.Н. Ошанина все время болела и очень редко показывалась у П[етра] Л[аврови]ча. За все пять лет жизни в Париже я встретил ее у П[етра] Л[аврови]ча только два раза. Гораздо чаще бывал у него Рубанович, который был очень занят своей службой в каком-то лицее, где он был преподавателем математики.

Биография М.Н. Ошаниной, члена Исполнительного комитета Народной Воли, более или менее известна²⁶ и я на ней не останавлиюсь. Что касается Ильи Адольфовича Рубановича, то о нем следует сказать, что он был одним из самих выдающихся и способных студентов Новороссийского (в Одессе) университета. Многие профессора, в том числе и Мечников, считали его подающим большие надежды на ученую карьеру. Привлеченный еще совсем молодым человеком по народовольческому делу вместе с судившимися впоследствии Дзвонкевичем²⁷, Голиковым²⁸, Дреем²⁹, Ф. Морейнис³⁰ и другими, он был взят на поруки одним из профессоров, в 1882 году бежал за границу и обосновался в Париже³¹. Дед Рубановича³² был офицером в Наполеоновской армии, о чем сохранились соответствующие документы. Благодаря этому Рубановичу скоро удалось натурализоваться французским гражданином, затем он окончил Сорбонну³³ и стал педагогом. Когда я познакомился с ним, ему было лет тридцать пять. Он обладал недюжинным ораторским талантом, который только редко приходилось ему использовать. Я слышал несколько раз его выступления – над гробом Савицкого³⁴ и Геймана³⁵, на нескольких банкетах. Говорил он великолепно и по-русски, и по-французски; французским языком он владел в совершенстве. Все его речи были очень красивы по форме. Красивый брюнет высокого роста и могучего сложения, он обладал к тому же приятным голосом. В делах тогдашнего народовольческого кружка в Париже он принимал самое близкое участие и был, сколько мне известно, непременным членом всяких редакционных собраний и партийных совещаний. Кроме того, в эти годы, когда П[етр] Л[аврович] уже несколько одряхлел, он был главным посредником между ним и французами, с которыми П[етру] Л[аврови]чу лично и всей народовольческой группе приходилось иметь дело.

Особенно был близок Рубанович с М.Н. Ошаниной, о которой постоянно заботился и которую окружал необходимым для нее уходом. В 1917 году Рубанович приезжал в Россию. Умер он недавно, в 1922 или [19]23 году³⁶.

Но самым близким человеком к Лаврову в эти годы был, мне кажется, Н.С. Русанов. И Русанов, и его жена Наталья Федоровна, жившие сравнительно недалеко от квартиры П[етра] Л[аврови]ча,

постоянно посещали его просто как друзья, оказывали ему массу мелких услуг, особенно в случае болезни, словом, до приезда М.П. Негрескул заменяли ему, насколько было возможно, семью. П[етр] Л[аврович] со своей стороны чаще всего любил бывать именно в этой милой семье, где он охотно проводил свои очередные выходные вечера и где находил семейный уют.

Н.С. Русанов, сам выдающийся публицист, много писавший и в легальной, и в нелегальной литературе, был ближайшим сотрудником и правой рукой П[етра] Л[аврови]ча во всех литературных предприятиях. Не могу сказать, насколько близким было его участие в собственно конспиративных делах народовольческой группы, потому что эта часть работы велась совершенно секретно, но, наверное, он был вполне в курсе всех дел этого рода. Н[иколай] С[ергеевич] конспирировал гораздо больше других, потому что он приехал в Париж легально по заграничному паспорту и не терял надежды возвратиться в Россию, хотя в это время он был слишком скомпрометирован своим постоянным общением с П[етром] Л[аврови]чем и с народовольцами. Но позже, в 1905 или 1906 году, эта его надежда осуществилась, и я имел удовольствие вновь встретиться с ним у него на квартире в Ленинграде на Петербургской стороне.

В Париже Н[иколаю] С[ергееви]чу приходилось очень много трудиться, чтобы быть в состоянии содержать свою многочисленную семью. Он писал и в русских и в иностранных журналах; делал какие-то работы для географического словаря, издававшегося известной фирмой Гашетта³⁷ и пр., и в результате был вечно в состоянии переутомления. Рабочий день его достигал десяти-двенадцати часов сплошной работы. Только летом он позволял себе с семьей заслуженный отдых, уезжая обыкновенно к морю в Нормандию или Бретань на полтора-два месяца.

Характера Н[иколай] С[ергеевич] был живого и веселого, в минуты отдыха с ним нельзя было соскучиться, потому что он, как фейерверк, все время сыпал шутками, остротами, *bon-mot*³⁸, анекдотами. Но, воодушевившись или напав на какую-нибудь интересующую его тему – литературную, историческую, политическую, он сразу переходил на серьезный тон и очаровывал слушателей блестящими экспромтами, в высшей степени интересными

по содержанию, по логике и по форме. Между прочим, он был выдающимся лингвистом: кроме отличного знания двух древних языков, он немного знал еще древнееврейский, а из новых свободно читал на семи или восьми языках и на многих свободно говорил. Иногда Н[иколай] С[ергеевич] участвовал в ставившихся на студенческих вечерах спектаклях, причем обнаруживал недюжинный талант комика. Я помню его в каком-то водевиле, где он играл мирового судью и буквально заставлял хохотать зрителей до упада.

Уезжая из Парижа, мы с женою сохранили самые теплые чувства к этому выдающемуся человеку и в то же время такому простому, милому товарищу, как и к его семье.

Э.А. Серебряков приезжал при мне в Париж всего раза два, проживая там по несколько месяцев.

Немного дальше стояли к П[етру] Л[аврови]чу некоторые другие эмигранты из народовольцев: Шульмейстер, о котором я упоминал выше, Полин³⁹, одессит, настоящей фамилии которого я не помню, большой почитатель П[етра] Л[авровича], очень часто у него бывавший и пользовавшийся взаимной симпатией с его стороны, и некоторые другие. Помню, некоторое время – год или полтора – прожил при мне в Париже А. Бах⁴⁰, уже тогда выдвигавшийся как крупный специалист по химии.

Встречал я у П[етра] Л[аврови]ча еще Фёдорову⁴¹, ту самую каторжанку, которая бежала с баржи в Тюмени перед отправкой партии в Томск. Она усердно изучала медицину и редко бывала в русской колонии. Вскоре она вышла замуж и как-то совсем отошла от нее.

В 1893 или [18]94 году в русской колонии появился Семён Акимович Раппопорт, который писал в «Русском Богатстве»⁴² под псевдонимом С.А. Ан-ский. Происходил из бедной еврейской семьи черты оседлости. Раппопорт с детства учился в хедере⁴³ и родители готовили его к карьере раввина. Юношей он бежал из своего местечка и после долгих скитаний, во время которых ему пришлось пройти через всевозможные испытания и лишения, он оказался в числе писателей на страницах «Русского Богатства». Между прочим, он довольно долго работал шахтером в рудниках на Дону, и этот период его жизни дал ему материал для одного из первых его очерков. В Париж он попал уже не совсем молодым, лет

за тридцать, с тем, чтобы пополнить свое образование и, в особенности, чтобы ознакомиться ближе с программами и историей русских социалистических партий.

Вскоре же по приезде он близко сошелся с П[етром] Л[аврови]чем, у которого я с ним познакомился. После нескольких лет пребывания в Париже Раппопорт вернулся в Россию и впоследствии был членом партии с[оциалистов-]р[еволюционеров], приняв активное участие в революционной борьбе.

Жил он в Париже более чем скромно, совершенно как бедный студент. И это зависело не от отсутствия средств, которых все-таки хватало бы ему на лучшее, более сытное существование, а исключительно от невозможности для него позволить себе что-нибудь свыше самого необходимого для жизни, когда рядом были люди, нуждающиеся более чем он. Я положительно ни разу в жизни не встречал большего бесребреника и большего коммуниста по натуре, чем А.С. Раппопорт. Мне известны случаи, когда он отдавал товарищу буквально последнюю рубашку, не говоря об обеде, постели, которую он уступал всем, кому нужен был ночлег и пр. Ходил он в очень стареньком почти неприличном для Парижа костюме.

Когда кому-нибудь нужна была помощь в каких-нибудь житейских мелочах, первым на сцену являлся Раппопорт. Сколько раз приходилось видеть, как он с ручной тележкой таскал и перевозил с квартиры на квартиру скарб какой-нибудь студентки или товарища, заменяя собою и носильщика, и лошадь. Дежурства при больных товарищах, всевозможные поручения и комиссии и т. д., чего-чего только не делал для окружающих Раппопорт и всегда просто, охотно, не жалея труда и времени.

Вообще Раппопорт был на редкость добрый и хороший человек и очень интересный и приятный собеседник. Он очень любил, когда к нему приходили «в гости». Сейчас же сооружался чай, обыкновенно с простой булкой вместо всякого угощения, которое заменялось радушием хозяина и всегда очень интересными рассказами и наблюдениями из прожитой им богатой приключениями жизни. Мы с женою довольно часто ходили «на чай» к С[емену] А[кимовичу] и до самого отъезда поддерживали с ним самые дружеские отношения.

Впоследствии я встречался с ним несколько раз в Ленинграде в разгар революционного движения 1906-[19]07 годов и потом в 1917 году. Слышал, что недавно он умер⁴⁴.

Из старых эмигрантов до-народовольческой эпохи прежде всего нужно упомянуть о Л.Э. Шишко. Бывший офицер-артиллерист, осужденный по процессу 193-х⁴⁵ и бежавший с поселения, Шишко обосновался окончательно в Париже. Раньше он жил некоторое время в Швейцарии, там он встретился с Н.В. Кончевской⁴⁶, на которой вскоре и женился.

Приехав в Париж, мы уже застали семью Шишко прочно обосновавшуюся и все пять лет жизни в Париже мы были очень дружны и часто виделись как с Л[еоном] Э[ммануиловичем], так и с его женою. Удивительно добрый и мягкий, Шишко неотразимо привлекал к себе симпатии всех, знавших его сколько-нибудь близко. Очень болезненный, худой, с впалой грудью и слабым голосом, он производил впечатление больного человека и казалось, что он может жить и работать только благодаря той атмосфере уюта и постоянного ухода и строгого режима, которые установила и неуклонно проводила Надежда Владимировна. Л[еоид] Э[ммануилович] почти нигде не бывал, выходил лишь на прогулки и вообще вел самый регулярный образ жизни. Поэтому он практически не появлялся среди эмигрантов, но к нему хаживало много друзей и добрых знакомых.

Среди французов у него были довольно большие знакомства, между прочим у него бывал и <...> Элизе Реклю⁴⁷. В революционных и конспиративных делах, сколько мне известно, Шишко в эти годы принимал сравнительно небольшое участие, возможно, по своему болезненному состоянию, потому что все свои социалистические убеждения он сохранил полностью. Он много работал, между прочим писал как раз в это время свои известные «Рассказы из русской истории»⁴⁸, которые вышли, помнится, сначала за границей, а после революции 1905 года были переизданы в трех томах в России. Четвертый том, уже написанный им, пропал (у М.П. Сажина⁴⁹).

Жена Шишко, Н.В. Кончевская, умерла недавно (в 1925 году) в Париже. Незадолго до смерти ей была назначена персональная пенсия. В 1902 или [1]903 году она приезжала в Россию, чтобы устроить

свои личные дела, и прожила, между прочим, в Севастополе несколько месяцев. Здесь был дом ее покойного отца, известного ретрограда Скарятин⁵⁰, издававшего в шестидесятых годах крайне реакционную газету «Весть»⁵¹. Затем она вернулась в Париж, где и прожила до смерти. Ее мать⁵², по первому мужу Кончевская, вышла вторым браком за брата И.И. Мечникова Льва⁵³.

Настоящим старожилом парижской эмигрантской колонии – вторым после Лаврова – был Давид Александрович Аитов, товарищ Шишко по процессу 193-х, тоже артиллерийский офицер, притом татарин по происхождению (из Оренбурга), но совершенно обрусевший. На суде он был оправдан и вскоре эмигрировал.

В Париже он очутился без всяких средств и в поисках работы попал случайно чернорабочим в огромное издательство Гашетта. Вскоре он обратил на себя внимание как интеллигентный дельный рабочий, сделал какое-то усовершенствование в печатании рельефных географических карт и вскоре занял у Гашетта положение, соответственное своему образованию и способностям. В мое время он был одним из главных, если не главным, картографом фирмы и самостоятельно заведовал целым отделом, получая очень приличное вознаграждение. Как я узнал, лишь недавно он оставил службу у Гашетта вследствие своего преклонного возраста.

Я застал Д[авида] А[лександровича] вдовцом (жена его незадолго до того умерла), отцом двух детей. Жил он очень просто и его квартира, несмотря на отсутствие хозяйки, служила притягательным центром для русской молодежи Латинского квартала⁵⁴. У него постоянно бывало очень много студентов и студенток, которых он встречал всегда с необычайным радушием. Бывал кое-кто из французов и из эмигрантов. Однако, сохраняя и поддерживая связи с отдельными эмигрантами, Аитов совершенно отошел от политической деятельности.

Очень простой, добрый и хороший человек, он не блистал особенными талантами и не претендовал на какую-нибудь роль или влияние собственно в области политики. Но его роль среди русской молодежи была очень почтенной и полезной. Нуждающиеся в совете и указаниях по поводу устройства в Париже шли к нему и всегда получали нужное; очень многим он помогал материально из своих небольших средств, иным помогал найти рабо-

ту. Эмиграция также относилась к нему с уважением и многие из эмигрантов были в самых близких, дружеских отношениях с ним. В мое время и долго после меня он был председателем политического красного креста в Париже.

<...> В 1917 году, после революции при Временном правительстве Аитов был назначен русским генеральным консулом в Париже, в этой должности он пробыл довольно долго, до признания Францией СССР и до появления в Париже нашего полпредства.

В числе самых близких друзей Аитова были чета Аркадакских-Добренович и доктор Кервили⁵⁵. Аркадакский⁵⁶ эмигрировал вместе с женой в конце семидесятых годов. Попав еще с несколькими товарищами в Италию, они очутились в самом бедственном положении и буквально голодали. Кое-как им удалось перебраться в Марсель, причем их два друга, поехавшие раньше их, едва не погибли при столкновении их парохода с другим. Об одном из тонувших вспоминал А.В. Прибылёв⁵⁷ в недавно вышедших «Записках народовольца»⁵⁸. Это был Дзивалтовский-Гинтовт⁵⁹, по возвращению в Россию снова арестованный и шедший в 1883 году в административную ссылку в одной партии с Прибылёвым. Собравшись всей компанией в Марселе, они работали как чернорабочие в порту, мостили мостовые, кое-как перебивались, чтоб не умереть с голода, пока наконец не оказался в Париже кто-то из их близких друзей из России, который и переправил их из Марселя в Париж. Здесь понемногу они устроились и с восьмидесятых годов Аркадакский, поселившийся за границей под именем Добреновича, сделался постоянным корреспондентом «Русских Ведомостей»⁶⁰. Свои корреспонденции он подписывал буквой «К».

По своей корреспондентской работе Добренович много вращался в разных французских сферах – политических, литературных, аристократических и др. Французским языком он владел свободно, но акцент у него был, как мне казалось, очень скверный. Я сделал наблюдение, что вообще нашим семинаристам (Добренович был из семинаристов) как-то ужасно плохо давался французский прононс – по крайней мере, я знал несколько таких примеров.

Бездетные, Добреновичи долго жили в очень скромной квартире, у них бывало, кажется, немного народа. Мы с женою довольно близко сошлись и охотно виделись с ними. У Добреновича всегда можно было узнать всевозможные «слухи и сплетни» о парижских «делах и людях дня» и вообще, с ними всегда было приятно попросту побеседовать на разные темы, дорогие русскому интеллигенту.

От революционной работы Добреновичи, как и Аитов, отошли совершенно и мало с кем из эмигрантов поддерживали сношения. Но у них мы встречались с разными приезжими из России и, между прочим, познакомились с С.Я. Елпатьевским⁶¹. У них же я встречал экономиста Миклашевского⁶² и др. <...>

Во время дела Дрейфуса⁶³ весь Париж разделился на два лагеря: сторонников и противников Дрейфуса, или дрейфузаров и антидрейфузаров, как говорили парижане. Линия раздела этих двух лагерей проходила самым причудливым образом и нередко в одной и той же семье одна половина ее членов яростно защищала Дрейфуса, а другая столь же яростно обвиняла его в измене отечеству и предательстве. На этой почве страсти разгорались до чрезвычайности и иногда происходили целые семейные трагедии.

К моему великому изумлению подобная трагедия едва не произошла у Добреновичей. Случилось как-то так, что Добренович вскоре по возникновении этого дела попал в ряды убежденных дрейфузаров, а жена его оказалась в противоположном лагере. И вот нам всем, добрым знакомым Добреновичей, не раз приходилось присутствовать при ожесточенных перепалках в этой, до сей поры на редкость дружной семье... Во всем этом, конечно, был комический элемент в гораздо бóльшей пропорции, чем трагический, и окончилось дело вполне благополучно: вскоре – после известного письма Золя⁶⁴ – все беспристрастные люди убедились в полной невиновности Дрейфуса, в том числе и жена Добреновича.

В 1905 или [190]6 году Добреновичи приехали в Россию (в числе многих эмигрантов, которым тогда открылся доступ в отечество) и поселились в Ленинграде⁶⁵, откуда Добренович продолжал писать корреспонденции в «Русские Ведомости», больше всего о Государственной думе. В один из своих наездов в Ленинград я узнал их адрес и пытался разыскать их, но ни разу не за-

стал. Так я и не встречался с ними после Парижа. Я думаю, что в эту пору своей жизни Добренович принадлежал к партии к[онституционных] д[емократов].

Любопытна история Георгия Романовича Кервили, близкого друга Аитова и Добреновичей. В конце семидесятых годов Кервили, тогда молодой человек, учившийся в харьковском ветеринарном институте, был арестован в связи с землевольческими организациями, перевезен в Ленинград и посажен в Петропавловскую крепость. Ему грозил суд и, возможно, каторга или поселение. Но в это дело вмешался его отец, граф де Кервили⁶⁶, сын эмигранта времен революции и через французское посольство возбудил ходатайство об освобождении из крепости и о выселении за границу его сына, как французского гражданина. После шести- или восьмимесячных хлопот это ходатайство было удовлетворено и Кервили очутился во Франции. Вслед за ним приехала из Харькова его жена, хохлушка с настоящим украинским говором. Французский граф, он же русский нигилист, сочетался браком с украинкой.

В Париже Кервили окончил медицинский факультет и остался в качестве вольнопрактикующего врача – «врача квартала», как их называют в Париже. В мое время у него была очень недурная практика, вполне достаточная для безбедного содержания семьи. Кроме того, уже не по французскому, а по русскому обычаю, Кервили совершенно бескорыстно и безотказно лечил чуть не всю русскую левобережную колонию студентов и эмигрантов. В «политике» Кервили не принимал никакого участия и был далек от активной в этом отношении части эмиграции.

<...> В Париже жила также вдова редактора «Набата»⁶⁷ Александра Дмитриевна Ткачёва, урожденная Дементьева⁶⁸, сестра жены Н.Ф. Анненского⁶⁹, женщина-врач парижского медицинского факультета. Жила она на средства, которые зарабатывала довольно скромной практикой; между прочим, она лечила многих русских, особенно студенток (понятно, бесплатно). Почти со всей тогдашней эмиграцией отношения у нее были натянутые, может быть как отзвук отношений, установившихся еще при жизни Ткачёва. В политических делах она также не принимала никакого участия.

В 1899 или [1]900 году она выхлопотала себе разрешение вернуться в Россию и приехала в Севастополь, где я в то время был врачом больницы. Долгое время ей не удавалось получить право практики в России, а экзамен держать ей было трудно ввиду уже немолодого возраста и она некоторое время с трудом перебивалась кое-какой фельдшерской работой, которую давал ей я и другие товарищи. Наконец она получила разрешение практиковать. В это время я был выслан из Севастополя и она нашла через кого-то из старых знакомых место в санитарном бюро Воронежского губернского земства.

В 1911 году, проезжая через Воронеж, я разыскал ее. Я застал ее очень больной, страдающей тяжелым хроническим ревматизмом и в очень подавленном состоянии духа. Ей казалось, что она скоро лишится места и останется без куска хлеба. Однако в 1917 году, после революции, я получил от нее еще одно или два письма. Вероятно, теперь ее нет уже в живых.

Были в Париже и еще эмигранты, уже окончательно отошедшие от русской колонии и совершенно, так сказать, офранцузившиеся – Даникер⁷⁰, Ромм⁷¹ и др. Их я встречал очень редко.

Лишь к концу нашего пребывания в Париже, приблизительно в 1895-96 году, в парижской эмиграции появились первые социал-демократы. Среди русских студентов уже раньше попадалась социал-демократическая молодежь, пока в небольшом числе.

Мы довольно близко сошлись с Эммануилом Гуревичем⁷², который вскоре по приезде женился на одной нашей хорошей знакомой студентке-медичке Сметаниной⁷³. Это был очень неглупый и образованный молодой человек, большой спорщик, с которым мы немало переломали копий, как водится, не переубедив друг друга. Но в отличие от многих его сверстников и партийных товарищей, его манера спорить была очень мягкой и приятной. Твердо отстаивая свои убеждения, он выслушивал противника, добросовестно стараясь вникнуть в его аргументацию и не переходил с третьего слова на аргументы <...> в виде резкостей и грубостей по адресу противника. В русской студенческой колонии он пользовался популярностью и был в хороших отношениях также и с эмиграцией другого направления. После Парижа я совершенно потерял его из вида.

Другой социал-демократ, появившийся при мне в Париже, был Раппопорт⁷⁴, имени которого не помню. В отличие от Сем[ена] Аким[овича] Раппопорта ему была кем-то дана кличка «Раппопорт рыжий». Он уже вскоре по приезде выступал на разных собраниях как официальный представитель социал-демократической организации. Его я успел узнать слишком мало. Слышал, что он и сейчас живет в Париже и состоит членом коммунистической партии.

Кроме постоянно живших в Париже эмигрантов, приходилось встречаться и с наезжавшими туда на время.

Уже через несколько месяцев по моем приезде в Париж ко мне пришел в один прекрасный день Теплов⁷⁵ – тот самый, который был арестован в Севастополе в 1889 году <...>. В числе некоторых других русских эмигрантов он принял участие в опытах с новым взрывчатым веществом, кажется, панкластитом⁷⁶, с тем, чтобы по возвращении в Россию начать террористическую деятельность, главным образом против Александра III⁷⁷.

Как известно, в самом начале все участники предприятия – Теплов, Рейнштейн⁷⁸, Степанов⁷⁹, Лаврениус⁸⁰ и другие – были арестованы с поличным благодаря тому, что во главе стоял один из очень известных провокаторов Ландезен, по процессу Лопатина⁸¹ известный под настоящей фамилией Геккельмана⁸². В кружок террористов его ввел Бурцев⁸³, впоследствии специализировавшийся на разоблачении провокаторов*.

Отсидев свой срок в какой-то провинциальной тюрьме, Теплов проездом через Париж за границу, так как ему не было разрешено остаться во Франции, узнал, что я в Париже и разыскал меня. Увидев перед собой его огромную фигуру и узнав, кто это, я постарался, сколько мог, удовлетворить его любопытство, которое касалось больше всего его севастопольских знакомых и лишь немного и в общих чертах мы поговорили о положении дел в России.

Короткое время спустя, недели через две или через месяц, ко мне явился таким же образом Бурцев. Он узнал, что я только недавно, менее года тому назад, вернулся из Сибири, где он сам был в ссылке (и откуда бежал) и разыскал меня. Он расспрашивал ме-

---

* См.: Степанов Е.Д. Из заграничных воспоминаний старого народовольца // Каторга и ссылка. М., 1926. Кн. 24. – Примеч. авт.

ня о многих из тогдашних ссыльных и, насколько я мог, я отвечал на его вопросы. Между прочим, он спросил меня, знал ли я Н.С. Тютчева⁸⁴ и когда я ответил утвердительно, стал расспрашивать, что он делает, где живет, и даже вынул записную книжку, чтобы записать его адрес.

Не доверяя конспиративности участников злополучного «бомбистского» дела и, в частности, Бурцеву, сведшему Ландезена с товарищами, и зная с другой стороны, что Тютчев ведет сейчас серьезную конспиративную работу в России, я сказал Бурцеву, что не считаю возможным дать ему требуемый адрес, не имея на то разрешения Тютчева. Бурцев очень на меня обиделся за этот отказ и сейчас же ушел. А между тем я и тогда думал и теперь думаю, что должен был ответить отказом на его просьбу.

Впоследствии кто-то из эмигрантов, помнится, Шульмейстер, рассказывал, что слышал от Бурцева отзыв обо мне, как о человеке, отступившемся от революции и чуть ли не опустившемся. Конечно, этот отзыв, если он действительно был сделан, очень мало меня тронул.

<...> Что касается Геккельмана-Ландезена, он принимал участие в провале кружков Истоминой⁸⁵, Фойницкого⁸⁶ и Фейта⁸⁷ в 1889 г., а в 1907 или [190]8 году еще раз вынырнул под новой кличкой Гартинга в Петербурге, но был разоблачен и после запроса о нем в Государственной думе исчез, на этот раз, по видимому, окончательно.

В 1898 или [18]94 году в Париж приехала Рехневская⁸⁸, жена карийца⁸⁹, осужденного на каторгу по делу «пролетариата»⁹⁰. Мы с женой впервые познакомились с ней в Красноярске и с тех пор сохранили с ней наилучшие отношения. В Париже мы с ней часто встречались. Она приехала учиться медицине и торопилась окончить факультет в минимальный срок, т. е., в пять лет, поэтому она всегда была очень занята своей медициной и мало времени могла тратить на другие дела. Вращалась она больше среди русских студентов и эмигрантов, чем среди поляков, по крайней мере, я всегда почти встречал ее именно среди русских. Была хороша с Лавровым и часто бывала у него.

После отъезда из Парижа мы больше с нею не встречались. Я слышал, что она успешно закончила факультет и впоследствии работала врачом в России.

В 1894 году в Париж приехал из Америки Егор Егорович Лазарев⁹¹. Сосланный административным порядком в связи с делом 193-х, по которому был оправдан, он отбывал ссылку в Забайкалье, кажется, в Чите, когда через Сибирь проезжал Кеннан⁹². Последний познакомился с Лазаревым, очевидно, сумел быстро оценить этого оригинального и интересного человека, и принял большое участие в его судьбе. Вскоре после отъезда Кеннана во Владивосток и оттуда в Америку, Лазареву удалось бежать тем же путем.

За границей он успел побывать во многих местах. В Америке Кеннан прочел в разных городах ряд публичных лекций о русской ссылке. С приездом Лазарева последний не раз присутствовал на этих лекциях в качестве иллюстрации или живого примера, слышал, что Кеннан иногда даже облачал его в арестантский халат с бубновым тузом, в коты⁹³ и кандалы.

Из Америки Лазарев решил переехать в Европу и на первое время остановился в Париже, куда и направил свои стопы.

В Париже он встретил кое-кого из своих старых друзей и товарищей – Шишко, Аитова, Добреновича и других – и быстро приобрел массу новых знакомств. Благодаря своей общительности, он сейчас же стал пользоваться большой популярностью в русской колонии.

Лазарев был великолепным рассказчиком с большой комической жилкой. Его повести, особенно из прошлых революционных походов в России, были чрезвычайно интересны и слушались с огромным вниманием молодой аудиторией, и Лазарев, поощряемый этим вниманием, был неистощим в своих рассказах. Чрезвычайно живой и подвижный, несмотря на медлительную речь, он как-то быстро расшевелил несколько сонную русскую колонию, завел повсюду какие-то дела и, как мне казалось, близко стал как к Лаврову и народовольцам, так и к эмигрантам – представителям более ранней эпохи, Шишко и другим, служа как бы соединительным звеном между теми и другими.

Мы с женой не раз встречали его у общих друзей и знакомых, успел он и у нас побывать раза два-три. Но очень скоро эта идил-

лия окончилась катастрофой: в один прекрасный день Лазарев был арестован французской полицией и выслан за границу как «опасный анархист».

Лазарев рассказывает*, что после убийства президента Карно⁹⁴ одним анархистом (Казерио⁹⁵) было арестовано и выслано из Франции много иностранцев, не только анархистов, но и других «подозрительных мастей». Были проведены через законодательные собрания законы против анархистов, очень расширившие полномочия министра внутренних дел (и полиции с ним) по отношению к анархистам и подозрительным иностранцам. Эти законы в социалистической и радикальной прессе того времени были названы «преступными законами» <...>.

Вот с этим временем и совпало появление Лазарева в Париже. В один прекрасный день он был арестован и посажен в одиночную камеру в «депо» при полицейской префектуре. На допросе он узнал, что поводом к его аресту явилось знакомство с «неизвестным» русским, приехавшим из Америки и прописавшимся в меблированных комнатах под фамилией какого-то американского гражданина. Это был некто Баранов⁹⁶, который по приезде в Париж нашел Лазарева через Аркадакского. Лазарев говорил, что он действительно нашел для Баранова комнату в одном отеле, но советовал ему прописаться по своему паспорту. «Однако он, боясь скомпрометировать свою легальность, дал хозяйке какую-то американскую фамилию».

Просидев некоторое время в депо⁹⁷, Лазарев был выслан из Франции, причем ему предложили выбрать себе границу, через которую он желает выехать. Он избрал Англию.

Лазарев упоминает в начале своего повествования, что одновременно с ним были арестованы еще трое русских: Аркадакский-Добренович, сибиряк Баранов и еще кто-то.

Нам, жившим в то время в Париже, эта история представлялась в несколько ином свете. Аркадакский, старый эмигрант, живший в Париже в течение около 12–13 лет, очень далекий от анархизма, состоявший постоянным корреспондентом большой политической газеты «Русские ведомости» и постоянно возвращавшийся

---

* См.: Лазарев Е.Е. К смерти Ильи Адольфовича Рубановича: (Из воспоминаний) // Воля России. Прага, 1922. № 4(32). С. 59–68. – Примеч. авт.

среди французских политических деятелей, через день или два после ареста был выслан, по его выбору, в Бельгию и очень скоро получил разрешение вернуться обратно в Париж, благодаря настойчивым хлопотам своих знакомых французских политических деятелей. Отчасти от него, а затем от П.Л. Лаврова, также принимавшего горячее участие в попытках выручить Добреновича и Лазарева вместе с Рубановичем и другими товарищами, мы узнали несколько интересных подробностей этой истории, сообщенных им хорошо осведомленными французами (Клемансо⁹⁸, социалистические депутаты Вальян⁹⁹, Гед¹⁰⁰ и др.).

Как я уже упоминал, французская полиция в эти годы очень пристально наблюдала за анархистами ввиду участвовавших террористических выступлений. Конечно, после убийства президента наблюдение стало особенно тщательным. И вот оказалось, будто бы, что, когда Лазарев садился на пароход в Нью-Йорке, местные французские агенты сообщили в Париж, что на таком-то пароходе выехал во Францию такой-то опасный русский анархист. Возможно, что и на пароходе следовал с Лазаревым сыщик. Для аттестации Лазарева как анархиста, собственно не было, конечно, никаких достаточных оснований: нужно думать, что поводом к этому послужили его выступления с Кеннаном. По-видимому, с момента прибытия Лазарева в Европу он был уже под неотступным наблюдением шпионов. По старой привычке русских революционеров он имел обыкновение оглядываться назад и посматривать, не идет ли кто сзади и помню, как он жаловался на то, что в Париже ужасно назойливые сыщики и что он часто видит за собою подозрительных субъектов.

Эпизод с пропиской в отеле под чужой фамилией ему приписывался ошибочно; оказывается, это произошло не с ним, а с его знакомым Барановым (не с Ерамасовым¹⁰¹ ли?), связь с которым Лазарева была прочно установлена. Понятно, в глазах французской полиции попытка скрыть свои следы являлась доказательством опасных намерений. Из французских источников нам было известно, что русский, живший в одном отеле, выписался из него и заявил о своем отъезде за границу. Приехав на большой вокзал со своим чемоданом, он повертелся там немного, вышел в другой подъезд, нанял извозчика, поехал в другой квартал и там прописался в отеле под фамилией американского гражданина Нортон.

Это и был Баранов (или Ерамасов). В эту же ночь мнимый Нортон, все передвижения которого были прослежены, а за компанию и Лазарев, были арестованы. Конечно, подозрительные маневры Баранова окончательно убедили полицию, что перед нею компания опасных анархистов.

В эту же ночь был арестован и Аркадакский. Его арест был также основан исключительно на близком знакомстве с «опасными анархистами». Как раз накануне ареста Лазарев просидел вечер у нас и мы с женою предлагали ему остаться у нас ночевать. К нашему счастью он отказался от нашего предложения и поднялся двумя этажами выше в квартиру старого приятеля Аркадакского, у которого он не раз уже ночевал. Аркадакские жили в одном доме и по одной лестнице с нами, квартира у них была больше нашей, и в ней стоял очень удобный диван, так что никого не нужно было лишать кровати. Аркадакский был арестован, как это выяснилось на допросе, только из-за знакомства и ночевки у него Лазарева.

Таким образом, в описываемом случае было арестовано трое русских, показавшихся подозрительными французской полиции. Никого больше из многочисленной русской левобережной колонии не тронули, ни из эмигрантов, ни из студентов, и одного из арестованных очень скоро пустили обратно во Францию. О судьбе «Баранова» Лазарев не сообщает, и я о ней тоже ничего не знаю.

Окончательно разъясняется эта темная история Л. Меньшиковым¹⁰². В своей обстоятельно документированной книге «Охрана и революция»¹⁰³ он пишет: «В ноябре 1893 года в Нью-Йорк приехал Е. Лазарев с двумя молодыми людьми, прибывшими из России, имена которых знали только он, его товарищ Дебагорий-Мокриевич¹⁰⁴ и А.М. Еваленко¹⁰⁵ (агент департа[амента] полиции, носивший псевдоним «Сергеев»), которому накануне прибытия гостей Гольденберг¹⁰⁶ говорил, что «их надо беречь, не забудьте, что они действуют в России...». Для того чтобы лучше «сберечь» приезжих (это были А.И. Ерамасов и В.А. Ионов¹⁰⁷, у которого скрывался после побега из Сибири Лазарев), к ним заботами Еваленко были приставлены провожатые. Из Америки Ионов и Ерамасов отправились в Лондон и Париж, где имели свидание с Ошаниной, Шишко, Чайковским¹⁰⁸, Кельчевским¹⁰⁹ и позже в Женеве – с Плехановым. Предметом совещания Иопова с эмиг-

рантами был вопрос о постановке за границей издательства нелегальной литературы <...>.

Прожив некоторое время в Лондоне, Лазарев поселился окончательно в Швейцарии и имел там небольшую ферму. В 1917 году я мельком встретился с ним в Ленинграде. Он был в это время членом Учредительного собрания¹¹⁰. Выбран он был на родине в одной из поволжских губерний. Несмотря на большой возраст – много за шестьдесят лет – он был такой же живой и подвижный, как и за двадцать лет перед тем в Париже. Вскоре он снова эмигрировал за границу.

В конце 1895 или [18]96 года в русской колонии пошел разговор о том, что в скором времени в Париж должен приехать некто Кулябко-Корецкий¹¹¹. Были кое-какие слухи и разговоры о его прошлом. Помню, говорили, что он из помещиков, что в свое время попал на столбцы газет по случаю того, что съездил в Берлин на русской тройке. Говорили, что он едет в Париж, чтобы здесь окончательно основаться с семьей, что у него были какие-то столкновения и неприятности с администрацией на политической почве.

В один прекрасный день К[улябко]-Корецкий появился в русской колонии. Снял он довольно большую, хорошую квартиру в Латинском квартале и быстро перезнакомился с молодежью и с эмигрантами. В квартире у него вскоре стало бывать много народа, притом самого разнообразного.

Я был в это время очень занят какими-то спешными работами по медицинскому факультету и мало виделся с К[улябко]-К[орецким]. Помнится, я был у него всего однажды, а он сравнительно редко ходил к другим, так как был почти слеп и его всегда кто-нибудь сопровождал. У меня он не был ни разу.

Он ждал прибытия своей большой библиотеки и строил планы, как бы ее использовать лучше. Разузнав, что общество русских студентов в Париже имеет здесь репутацию самой солидной студенческой организации, он обратился в общество с предложением пользоваться его библиотекой на известных условиях, за очень умеренную плату. Я в это время уже не состоял председателем общества и не всегда посещал его собрания, но на этот раз мы с женой пошли на заседание, заинтересовавшись новым делом, которое могло попасть в руки общества.

<...> Я все время сидел и слушал и только в конце прений кратко высказался за отклонение предложения, жена же моя в прениях высказала как раз такое мнение, что отклонить предложение следует больше всего потому, что К[улябко]-Корецкий для нас незнакомец, личность которого «витаает в тумане». В конце концов, общество не приняло его библиотеки.

Дня через два после этого заседания ко мне явился один студент из другого общества и потребовал у меня от имени К[улябко]-Корецкого объяснений по поводу того, что моя жена назвала его на заседании «темной личностью». <...>

Должно быть, моя резкая отповедь возымела действие, потому что больше по этому поводу не было уже никаких разговоров.

Но вскоре разыгралась другая, и гораздо более неприятная история. Член нашего общества молодой человек одессит Жебрак¹¹² в компании нескольких студентов позволил себе сказать что-то действительно обидное для К[улябко]-Корецкого, как-то подсмеяться над ним; не помню уже точно, что именно было сказано. Кто-то из присутствующих передал Корецкому слова Жебрака и на следующий день к этому последнему явились два секунданта от Корецкого с предложением указать двух его свидетелей, с которыми они могли бы переговорить по поводу оскорбления, нанесенного Жебраком Корецкому, так как последний намерен требовать удовлетворения. Совершенно растерявшийся и перетрусивший Жебрак прибежал ко мне и упросил меня быть его свидетелем; другим свидетелем был Завадовский¹¹³.

В этот же день мы с Завадовским встретились со свидетелями Корецкого и узнали от них, что последний действительно требует от Жебрака формального извинения в довольно унижительной форме, а в случае отказа вызывает Жебрака на дуэль, которая ввиду плохого зрения Корецкого должна происходить «через платок».

Не знаящим этого термина могу объяснить, что дуэлью через платок называется такой способ смертоубийства, когда противники берутся левыми руками за противоположные концы носового платка и по команде стреляют друг в друга. По предложению потерпевшего К[улябко]-Корецкого обменяться выстрелами можно было до двух или даже до трех раз. Словом, дело пахло верной смертью для обоих.

Мы с Завадовским от имени Жебрака заявили, что он сожалеет о вырвавшихся у него словах и готов извиниться, но не сразу наши противники пошли на уступки. Опять-таки я не помню подробно всех мелочей, но уверенно могу сказать, что ими было предложено для Жебрака извинение в самой унижительной форме. После долгих споров мы сказали, что передадим их предложение Жебраку, и только в следующее свидание мы сошлись на каком-то обряде извинения, отбросив его унижительные условия.

<...> Нечего говорить, что эти две истории, особенно последняя, отбили у меня всякую охоту к продолжению знакомства с К[улябко]-Корецким. Не знаю, что он сделал со своей библиотекой, кажется, вел переговоры с другим студенческим обществом. Я с ним больше никогда не виделся.

К[улябко]-Корецкий скоро исчез с парижского горизонта. Впоследствии он жил в Болгарии. В эпоху 1905 года и позднее я встречал его имя в газетах и слышал о нем, как об очень почтенном деятеле. Мне представляется, что в Париже, несмотря на свой возраст (за тридцать лет), он делал первые свои шаги в направлении революции. Вступив поздно на этот путь, он не успел еще продумать своего мировоззрения до конца, и во многом был рабом старых «дворянских» навыков и атавистических¹¹⁴ переживаний. Последним обстоятельством я и объясняю нелепую историю с дуэлью.

У П.Л. Лаврова я познакомился с Богучарским¹¹⁵ (Яковлевым), который только начинал свою литературную карьеру. На этот раз он приезжал в Париж ненадолго. <...>

У Лаврова же я два-три встретился с Лафаргом¹¹⁶, но совершенно мельком. С другим марксистом, Гедом, давшим свое имя возглавляемой им и Лафаргом фракции марксистов («гедисты»), я познакомился на одной французской рабочей вечеринке, где кто-то из эмигрантов представил меня Геду как бывшего ссыльного, недавно вернувшегося из Восточной Сибири. Гед заинтересовался и забросал меня кучей вопросов относительно условий ссылки, на которые я едва успевал отвечать. Этим и кончилось наше знакомство. Речи Геда мне привелось слышать неоднократно, несомненно, он был хорошим оратором, но несколько однообразным и без большого полета. Высокого роста, красивый, худой, бледный, с большими гладкими волосами по плечи, яркий брюнет, он производил впечат-

ление очень болезненного человека. Я слышал, что он был болен туберкулезом.

Огромное впечатление производил своими речами другой оратор – Жорес¹¹⁷, который тогда только начинал выдвигаться и не был еще депутатом. Первый раз я услышал его на каком-то митинге. Когда у стола на эстраде появилась невысокая, приземистая фигура с изрядным брюшком и окладистой русой бородой, по общему облику смахивающая на простецкого русского мужика, трудно было представить себе, что перед вами первый оратор Франции. Первые звуки речи Жореса также разочаровывали: вы слышали сильный, высокий почти до фальцета и какой-то резкий, скрипучий голос. Но едва успевал он произнести несколько фраз, как внимание слушателей было приковано к нему и до конца речи не ослабевало, прерываясь время от времени, когда оратор доходил до глубокого пафоса, бурей аплодисментов и возгласов восторга.

Не помню, о чем говорил Жорес на первом митинге, когда я его слышал впервые. Но одну из его речей-лекций, произнесенную в помещении «ученых обществ» при переполненной до отказа зале на тему о том, что такое социализм, помню и до сих пор... Это было необычайно красивое, ясное и увлекательное изложение основных принципов современного социализма, причем Жорес как-то особенно сильно и выпукло выдвигал как раз те стороны социалистического учения, которые были особенно дороги мне и многим моим сверстникам – именно, роль социализма в деле всестороннего неограниченного развития свободной личности и его этическую сторону. Невольно вспоминались наши русские основоположники социализма – Чернышевский¹¹⁸, Лавров, Михайловский¹¹⁹ другие. Во время этой лекции Жорес много раз забирался на такие высоты созерцания, на которых буквально захватывало дух, и оттуда открывались необъятные горизонты. Это был действительно несравненный оратор, сильнее и выше которого трудно себе представить другого... По крайней мере, я в своей жизни не встречал никого, кого можно было бы не то, что рядом, но даже близко к нему. Речь его была настолько красива и образна, всегда настолько богата содержанием и неотразима по логике, что слушатели забывали и о его некрасивой, невзрачной наружности, и о его неприятном по тембру, резком голосе.

После Жореса мне случалось однажды слышать речь бельгийского социалистического лидера Ван-дер-Вельде¹²⁰. Этот был полной противоположностью Жореса во всем, начиная с костюма. В черном сюртуке или смокинге, прилизанный и аккуратный, с мягкими жестами и мягким и приятным баритоном, Ван-дер-Вельде говорил очень плавно и красиво, но его речь оставляла слушателя холодным. Между тем Жорес в своем коричневом пиджаке с плохо повязанным галстуком, резкими широкими жестами и резким голосом, буквально воспламенял слушателей, несмотря на свой вид какого-то мужичка-кулака. Да, это был настоящий великий оратор, истинный народный трибун.

Из представителей анархизма я слышал раза два бывшего монаха Себастьяна Фора¹²¹, тоже недюжинного оратора, и Луизу Мишель¹²², не считая других, менее крупных персонажей. Луиза Мишель была в то время уже дряхлой старушкой со слабым голосом, который почти совершенно терялся в огромной зале, вмещавшей, говорят, до 10000 человек. Она совсем не была оратором и, если ее слушали, то только в силу ее прошлого как коммунарки, осужденной на каторгу. Что касается С. Фора, то он обладал могучим, зычным голосом и пользовался неизменным успехом в обычной аудитории, состоявшей преимущественно из рабочих.

Несмотря на преследования, которым подвергались анархисты, собрания их происходили совершенно свободно, лишь бы они устраивались в закрытом помещении (как полагалось по законам). Строго преследовались и разгонялись вооруженной силой лишь те собрания и манифестации, которые пытались устраивать на улице.

В начале лета 1897 года моя жена уехала с сыном¹²³, больною дочкой¹²⁴ и матерью¹²⁵ на берег моря, куда ее пригласили массажисткой в одну французскую семью, а оттуда прямо в Россию, в деревню Бурлюк в Крыму к нашим старым друзьям Емельянову¹²⁶ и Беловодской¹²⁷, куда и я должен был приехать после защиты диссертации и сдаче экзамена на врача в России.

Я уехал в Россию несколько позже жены, в июле, пробыв таким образом в Париже почти ровно пять лет. И я, и жена всю дальнейшую нашу жизнь с удовольствием вспоминали и вспоминаем наш парижский период. В эти годы мы впервые стали само-

стоятельно на ноги и уже ни от кого не зависели материально; в то же время мы вынесли из жизни в этом мировом центре культуры, умственной и политической жизни, очень много новых и в высшей степени ценных приобретений.

Хотя в Париже мы не принимали непосредственного участия в политических организациях, отчасти потому, что собственно и организаций серьезных не было ввиду общего затишья в России, но мы все время вращались в радикальных студенческих и в эмигрантских сферах, постоянно интересуясь политикой и не уклоняясь ни от каких возникавших на этой почве дел.

Вообще, не говоря о более или менее близком знакомстве с историей нашего революционного движения, с его программами и эволюцией, с теорией социализма и с другими родственными течениями, как анархизм, одно общение с выдающимися людьми из мира нашей эмиграции, встречи с молодыми представителями французской социалистической молодежи и с вождями целых политических течений не могли не оставить глубокого следа в нашей психике. Уезжая из Парижа, мы чувствовали себя уже не неопытными юнцами, а зрелыми людьми с вполне выработанным мировоззрением и твердыми социалистическими убеждениями, готовыми к новой борьбе за осуществление своих идеалов. Здесь же возникли у нас товарищеские и дружеские отношения, сохранившиеся на всю жизнь, с хорошими людьми и со многими деятелями революции. Не одного из них мы впоследствии встречали на жизненном пути.

Комментарии

¹ «Вперёд!» – русский зарубежный журнал, выходивший под редакцией П.Л. Лаврова с 1873 г. в Цюрихе (в 1874–1877 гг. – в Лондоне) как «непериодическое обозрение».

² Драгоманов Михаил Петрович (1841–1895), публицист, историк, фольклорист, общественный деятель.

³ Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921), философ, теоретик анархизма, ученый, литератор.

⁴ Ткачёв Петр Никитич (1844–1886), один из идеологов народничества, литературный критик и публицист.

⁵ Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918), общественный и политический деятель, первый пропагандист марксизма в России, литературный критик, философ.

⁶ Овсяннико-Куликовский Дмитрий Николаевич (1853–1920), литературовед и лингвист, почётный член Петерб. АН (1907) и РАН (1917).

⁷ Русанов Николай Сергеевич (1859–1939), революционер-народоволец, затем эсер.

⁸ Ошанина (урожд. Оловеникова) Мария Николаевна (1853–1898), участница революционного движения. В 1882 г. эмигрировала в Париж, где жила под именем М.Н. Полонской, представляя Исполком за границей.

⁹ Рубанович Илья Адольфович (1859–1922), революционер-народоволец.

¹⁰ Серебряков Эспер Александрович (1854–1921), член военной организации «Народная воля».

¹¹ Личность не установлена.

¹² Раппопорт (лит. псевд. – Ан-ский) Семен Акимович (наст. имя Шлойме-Занвл; 1863–1920), этнограф, писатель, публицист.

¹³ Шишко Леонид Эммануилович (1852–1910), революционер, публицист, историк.

¹⁴ Аитов Давид (Дауд) Александрович (1852–1933), революционер-народоволец.

¹⁵ См.: *Серебряков Э.А. Лавров (По личным воспоминаниям) // Лавров П.Л. (Статьи воспоминания, материалы). Пг., 1922. Т. 2.*

¹⁶ «В 1867 году мясник Дюваль придумал для людей со скромными доходами “бульоны”, которые подавались в ресторанах “Дюпон” и “Шартье”» (История парижских ресторанов. URL: <http://www.infrance.ru/paris/art-paris/histoire-restos-paris/histoire-restos-paris.html> (дата обращения: 20.03.2011).

¹⁷ Мечников Илья Ильич (1845–1916), российский и французский биолог, зоолог, эмбриолог, иммунолог, физиолог и патолог. Один из основоположников эволюционной эмбриологии, первооткрыватель фагоцитоза и внутриклеточного пищеварения, создатель сравнительной патологии воспаления, фагоцитарной теории иммунитета, основатель научной геронтологии.

¹⁸ Никонова (урожд. Москопуло) Нина (Антонина) Васильевна (1866–1941), участница революционного движения. Жена С.А. Никонова.

¹⁹ Рёнтген [Röntgen] Вильгельм Конрад (1845–1923), немецкий физик, лауреат Нобелевской премии (1901).

²⁰ Икс-лучи (X-лучи, рентгеновские лучи) – невидимое глазу электромагнитное излучение, способное проникать через некоторые непрозрачные для видимого света материалы и предметы. Открытые в 1895 г. В. Рёнтгеном.

²¹ «Тан» (фр. «*Temps*») – французская ежедневная газета умеренно республиканского направления. Основана в 1829 г.

²² Негрескул Мария Петровна (1851–1919), участница революционного движения, переводчица. Дочь П.Л. Лаврова.

²³ Журфикс (фр. *jour fixe* – фиксированный день) – в дореволюционной России определенный день недели в каком-либо доме, предназначенный для регулярного приема гостей.

²⁴ П.Л. Лавров умер 25 января (06 февраля) 1900 г. в Париже.

²⁵ См.: *Материалы для истории русского социально-революционного движения / Под ред. П.Л. Лаврова и Н.С. Русанова. Париж, 1893–1896.*

²⁶ См.: *Ошанина М.Н.* Воспоминания // *Былое*. 1907. № 6; *Чернявская-Бохановская Г.Ф.* М.Н. Оловеникова. [М.], 1930.

²⁷ Дзвонкевич Николай Николаевич (1842–1909), революционер-народник.

²⁸ Голиков Василий Тимофеевич (1842 – после 1904), революционер-народник.

²⁹ Дрей Михаил Иванович (Ионатанович; 1860–1940), народоволец, участник хождения в народ и неудавшегося покушения на Александра II.

³⁰ Морейнис-Муратова Фанни Абрамовна (1859–1937), участница революционного движения, народоволка.

³¹ Вспоминая об И.А. Рубановиче и обстоятельствах его появления во Франции, В.М. Чернов писал: «Прошлая его революционная биография не была овеяна особенным ореолом: безвестный выходец из России, он был обязан всем самому себе, своим личным дарованиям, развернутым им уже за границей. До этого он был причастен лишь к работе одесской народовольческой организации начала 80-х годов; арестовал его гремевший на всем юге России и прославившийся своею беспощадностью военный прокурор Стрельников <...>.

Арестованный оказался, однако, «крепким орешком» <...>. В довершение всего Рубанович, родившийся во Франции, по бумагам был французским гражданином. А в то время как раз шла секретная подготовительная работа по налаживанию франко-русского союза, популярностью в передовых кругах французской общественности не пользовавшегося. Чересчур ретивому военному прокурору было дано понять, что в такой момент “дразнить гусей”, т. е. шокировать общественное мнение Франции судебным скандалом, задевающим француза, – дело несвоевременное. И он, скрепя сердце, оставил свои широкие планы и выслал Рубановича из пределов Российской Империи – просто как “нежелательного иностранца”...» (*Чернов В.М.* В партии социалистов-революционеров: Воспоминания о восьми лидерах / Публ., вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.П. Новикова и К. Хузер. СПб., 2007. С. 152–153).

³² Личность не установлена.

³³ Сорбонна (фр. *Sorbonne*) – университет в центре Латинского квартала Парижа, основанный в 1257 г. теологом Робером де Сорбоном (1201–1274).

³⁴ Савицкий [Sawicki] Людвиг (1863–1893), польский социалист, участник польского восстания 1863–1864 гг. После отбытия ссылки в Сибири эмигрировал в Париж. Покончил жизнь самоубийством. Подр. см.: Самоубийство Людвиг Савицкого. Париж, 1893.

³⁵ Гейман Борис Николаевич (Нефтелевич; 1865–1893), участник народо-вольческих кружков Таганрога и Ростова-на-Дону.

³⁶ И.А. Рубанович умер 16 октября 1922 г. в Берлин; похоронен в Париже.

³⁷ Гашетт [Hachette] Луи-Христофор-Франсуа (1800–1864), основатель известной издательской фирмы, которой Франция обязана многими ценными изданиями.

³⁸ *Bon mot* (фр.) – острое словечко, остроумие.

³⁹ Личность не установлена.

⁴⁰ Бах Александр Николаевич (1857–1946), учёный и революционер, основатель школы советских биохимиков и физиологов растений, академик АН СССР (1929), Герой Соц. Труда (1945).

⁴¹ Фёдорова Устинья Николаевна, участница революционного движения, народница.

⁴² «Русское Богатство» – ежемесячный литературный, научный и политический журнал, издававшийся в С.-Петербурге с 1876 по 1918 год.

⁴³ Хедер (др.-евр. *hedher*; букв. – комната) – еврейская религиозная школа для мальчиков.

⁴⁴ С.А. Раппопорт умер 8 ноября 1920 г. в Варшаве.

⁴⁵ «Процесс 193-х» («Большой процесс») – суд над участниками «хождения в народ». Проходил в Особом присутствии Правительствующего сената с 18 (30) октября 1877 по 23 января (4 февраля) 1878 год. Подр. см.: *Троицкий Н.А.* Процесс «193-х» // *Общественное движение в пореформенной России: Сб. статей к 80-летию Б.П. Козьмина.* М., 1965. С. 314–335.

⁴⁶ Кончевская (урожд. Скарятина) Надежда Владимировна (1856–1925), секретарь Э. Реклю; жена Л.Э. Шишко.

⁴⁷ Реклю [Reclus] Жан Жак Элизе (1830–1905), французский географ и историк, член Парижского Географического общества, убежденный вегетарианец и анархист.

⁴⁸ См.: *Шишко Л.Э.* Рассказы из русской истории: в 3 ч. М., 1906.

⁴⁹ Сажин Михаил Петрович (1845–1934), революционер-народник.

⁵⁰ Скарятин Владимир Дмитриевич, золотопромышленник, писатель и публицист, редактор-издатель газеты «Весть».

⁵¹ «Весть» – политическая и литературная газета, выходила в С.-Петербурге с 1863 по 1870 г. Являлась печатным органом части дворянства, недовольной крестьянской реформой императора Александра II.

⁵² Скарятина Ольга Ростиславовна (1834–?), гражданская жена Л.И. Мечникова.

⁵³ Мечников Лев Ильич (1838–1888), швейцарский географ, социолог, революционер-анархист и публицист. Брат И.И. Мечникова.

⁵⁴ Латинского квартала (фр. *Quartier latin*) – традиционный студенческий квартал в 5-ом и 6-ом округах Парижа на левом берегу Сены вокруг университета Сорбонна.

⁵⁵ Кервили Георгий Романович, французский подданный, резервный офицер французской службы, владевший в Харькове книжным магазином, и одновременно являвшийся слушателем местного Ветеринарного института.

⁵⁶ Аркадакский (лит. псевд. – Добренович) Константин Васильевич (1849–1930), участник анархического движения, публицист.

⁵⁷ Прибылёв Александр Васильевич (1857–1936), революционер-народоволец.

⁵⁸ См.: *Прибылёв А.В.* Записки народовольца. М., 1930.

⁵⁹ Правильно: Гинтовт-Дзевалтовский Владислав-Люциан Францевич (1857–1925), революционер-народоволец.

⁶⁰ «Русские Ведомости» – общественно-политическая газета, выходившая в Москве с 1863 по 1918 год.

⁶¹ Елпатьевский Сергей Яковлевич (1854–1933), революционер-народоволец, писатель, врач.

⁶² Миклашевский Александр Николаевич (1864–1911), экономист, специалист по вопросам денежного обращения, представитель монометаллизма.

⁶³ Дело Дрейфуса – процесс (1894–1906) по делу о шпионаже в пользу Германской империи, в котором обвинялся офицер французского генерального штаба капитан Альфред Дрейфус (Dreyfus; 1859–1935).

⁶⁴ «...13 января 1898 г., в газете “L’Aurore” (“Аврора”) <...> появилось письмо знаменитого писателя Эмиля Золя к президенту республики Феликсу Форю (“Я обвиняю” – “J’accuse”), в котором очень решительно утверждалось, что бордеро сфабриковали Эстергази и Анри, а генеральный штаб и военное министерство сознательно губили ненавистного им лично Дрейфуса, чтобы выгородить виновного Эстергази. Письмо Золя произвело во Франции и в Европе потрясающее впечатление. С этого момента дело Дрейфуса захватывает общественное внимание Франции и всего мира и приобретает громадное общественное значение» (Письмо Золя. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> – дата обращения: 20.03.2011).

Золя [Zola] Эмиль (1840–1902), французский писатель.

⁶⁵ Так у автора; здесь и далее в подобных случаях правильно: «в С.-Петербурге».

⁶⁶ Личность не установлена.

⁶⁷ «Набат» – революционный журнал, издававшийся в Женеве в 1875–1879 гг. и 1881 г. кружком русских и польских эмигрантов бланкистского направления; с 1878 г. – орган «Общества народного освобождения».

⁶⁸ Дементьева (по мужу Ткачёва) Александра Дмитриевна (1850–1922), участница революционного движения 60-х – 70-х гг. XIX века.

⁶⁹ Анненская (урожд. Ткачёва) Александра Никитична (1840–1915), детская писательница и переводчица. Сестра П.Н. Ткачёва и жена (с 1866) Николая Федоровича Анненского (1843–1912), известного статистика, публициста и общественного деятеля.

⁷⁰ Личность не установлена.

⁷¹ Ромм Максим Давыдович, участник революционного движения, впоследствии – практикующий врач в Нью-Йорке (США).

⁷² Гуревич Эммануил Львович (1866–1952), публицист, участник революционного движения (с 1883), народоволец, позже – социал-демократ (меньшевик). С 1921 г. работал в Институте Маркса и Энгельса.

⁷³ Личность не установлена.

⁷⁴ Раппопорт [Rappoport] Шарль (наст. имя – Хоне; 1865–1941), французский политический деятель, публицист, доктор философии Бернского университета (1897). В составе петербургской террористической фракции партии «Народная Воля» участвовал в подготовке покушения на Александра III. Затем жил в Париже, Берне, Цюрихе; входил в кружок П.Л. Лаврова и «Союз русских рабочих». Позже вступил в Социалистическую партию Франции и со временем стал ее видным функционером, с 1921 по 1938 г. – один из лидеров Французской компартии.

⁷⁵ Теплов Алексей Львович (1852–1920), революционер-народоволец.

⁷⁶ Панкластит (фр. *Panclastite*) – жидкая взрывчатая смесь, состоящая из тетраоксида азота N₂O₄ в качестве окислителя и различных горючих веществ.

⁷⁷ Александр III (1845–1894), рос. император (с 1881).

⁷⁸ Рейнштейн Борис Исаевич (1866–1947), участник революционного движения в России с 80-х гг. XIX в., народоволец. Позже – член Социалистической рабочей партии Америки (с 1892), меньшевик-интернационалист (с 1917), член РКП(б) (с 1918), участвовал в основании Коминтерна, в 1920–1938 гг. являлся сотрудником аппарата Коминтерна и Профинтерна.

⁷⁹ Степанов Евгений Дмитриевич (1864 – после 1935), революционер-народоволец.

⁸⁰ Лаврениус Александр Николаевич (1857–1896), химик, революционер-народоволец.

⁸¹ «Процесс 21-го» – последний крупный судебный процесс по делу революционных народников. Проходил в Петербургском военно-окружном суде с 26 мая (7 июня) по 5 (17) июня 1887 г. Главные обвиняемые – Г.А. Лопатин (по имени которого процесс иногда называют лопатинским), П.Ф. Якубович, Н.П. Стародворский, Н.М. Салова, В.И. Сухомлин, П.Л. Антонов, С.А. Иванов, В.П. Конашевич. Подр. см.: *Троицкий Н.А.* «Народная воля» перед царским судом. 1880–1891 гг. [Саратов], 1971.

Лопатин Герман Александрович (1845–1918), революционер-народоволец.

⁸² Геккельман (Ландезен, Гартинг) Аркадий Михайлович (наст. имя – Арон-Абрам (Авраам) Мордухов (Маркович); 1861–1920-е гг.), провокатор, агент С.-Петербургского охранного отделения.

⁸³ Бурцев Владимир Львович (1863–1942), революционер, журналист, историк революционного движения.

⁸⁴ Тютчев Николай Сергеевич (1856–1924), революционер-народник, переводчик и журналист.

⁸⁵ Истомина Неонила Константиновна (1867–?), слушательница С.-Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсов.

⁸⁶ Фойницкий Степан, студент С.-Петербургской Военно-медицинской академии, руководитель революционного кружка, занимавшегося восстановлением партии «Народная Воля».

⁸⁷ Фейт Андрей Юльевич (1864–1926), политический деятель. Член народо-вольческих кружков 1880-х гг., с 1892 г. один из руководителей «Группы народо-вольцев».

⁸⁸ Рехневская (урожд. Карпович) Витольда Викентьевна, участница революционного движения. Жена Ф.Ю. Рехневского.

⁸⁹ Рехневский Фаддей (Тадеуш) Юльевич (1862–1916), польский революционер, один из руководителей I Пролетариата. В 1886 г. находился в Карийском каторжном районе – группе каторжных тюрем на реке Кара – притоке реки Шилка, входившем в систему Нерчинской каторги.

⁹⁰ Первый «Пролетариат» (Великий «Пролетариат»; польск. *Miedzynarodowa Socjalno-Rewolucyjna Partia Proletariat*) – первая политическая партия польского пролетариата, основанная в 1882 г. Л. Варыньским, объединившим в Варшаве ряд социалистических кружков. В июле 1886 г. организации «Пролетариата» были разгромлены. В 1883–1888 гг. состоялся ряд судебных процессов над ее членами, наиболее крупный из которых – «Процесс 29-ти» (23 ноября – 20 декабря 1885 г.).

⁹¹ Лазарев Егор Егорович (1855–1937), видный деятель русского революционного движения, эсер, политэмигрант.

⁹² Кеннан [Kennan] Джордж (1845–1924), американский журналист, путешественник, писатель, автор книг о Сибири и сибирской ссылке (См.: *Kennan G.* *Siberia and the Exile System.* N.Y., 1891. 2 vols. Рус. пер.: *Кеннан Дж.* *Сибирь и ссылка: в 2 ч.* / Пер. с англ. И.Н. Кашинцева; ред. Ф. Дедов [и др.]; предисл. Ф. Волховского. СПб., 1906).

⁹³ Коты – деревянные арестантские сапоги.

⁹⁴ Карно [Carnot] Мари Франсуа Сади (1837–1894), президент Франции (1887–1894).

⁹⁵ Казерио [Caserio] Санте Джеронимо (1873–1894), итальянский анархист, убивший французского президента С. Карно за отказ помиловать приговоренного к смерти анархиста-террориста О. Вайяна. Казнен по приговору суда.

⁹⁶ Личность не установлена.

⁹⁷ Депо (фр. *dépôt*) – в данном случае – камера заключения при полицейском участке.

⁹⁸ Клемансо [Clemenceau] Жорж (1841–1929), французский политический и государственный деятель. Член Французской академии (1918). С начала 1880-х гг. – лидер буржуазных радикалов.

⁹⁹ Вальян [Vaillant] Эдуард (1840–1915), французский социалист, один из вождей левого крыла II Интернационала.

¹⁰⁰ Гед [Guesde] Жюль (наст. имя и фам. – Матьё Базиль; Basile; 1845–1922), деятель французского и международного социалистического движения, один из основателей французской рабочей партии и один из лидеров II Интернационала.

¹⁰¹ Ерамасов (парт. кличка – Монах) Алексей Иванович (1869–1927), революционный и общественный деятель.

¹⁰² Меньшиков Леонид Петрович (1869–1932), революционер-народоволец и агент Московского охранного отделения.

¹⁰³ См.: *Меньшиков Л.П. Охрана и революция: К истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия: В 3 ч. М., 1925–1932.*

¹⁰⁴ Дебагорий-Мокриевич Владимир Карпович (1848–1926), революционер-народник, мемуарист.

¹⁰⁵ Еваленко Александр Маркович, издатель и тайный агент полиции.

¹⁰⁶ Гольденберг-Гетройтман Лазарь Борисович (Лайзер Борухович; 1846–1916), революционер-народник, один из основателей Фонда вольной русской прессы в Лондоне (1892).

¹⁰⁷ Ионов Исаак (Василий) Аникиевич (ок. 1854–?), революционер-народоволец.

¹⁰⁸ Чайковский Николай Васильевич (1850–1926), политический деятель, участник народнического движения.

¹⁰⁹ Войнич [Wojnicz] Михаил Леонардович (1865–1930), польский революционер, библиофил и антиквар.

¹¹⁰ Учредительное собрание – выборное учреждение, созданное по образцу Учредительного Собрания Великой французской революции, призванное определить форму правления и конституцию в России после Февральской революции.

¹¹¹ Кулябко-Корецкий Николай Иванович (1855–1924), общественный деятель, адвокат.

¹¹² Жебрак Самуил Элиевич (Ильич; 1864–?), участник революционного движения.

¹¹³ Завадовский Николай Никандрович (ок. 1863 – после 1895), революционер-народоволец.

¹¹⁴ Атавистический (от лат. *atavus* – отдалённый предок) – напоминающий черты отдалённых предков.

¹¹⁵ Богучарский (наст. фам. Яковлев) Василий Яковлевич (1860–1915), писатель, журналист, публицист, историк революционного движения в России, издатель-редактор журналов «Былое» и «Минувшие годы».

¹¹⁶ Лафарг [Lafargue] Поль (1842–1911), французский экономист и политический деятель, один из основателей французской Рабочей партии, член I Интернационала.

¹¹⁷ Жорес [Jaurès] Жан (1859–1914), деятель французского и международного социалистического движения, историк.

¹¹⁸ Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889), публицист, литературный критик, писатель, философ.

¹¹⁹ Михайловский Николай Константинович (1842–1904), публицист, социолог и критик, идеолог народничества.

¹²⁰ Ван-дер-Вельде [Van-Der-Velde] Эмиль (1866–1938), бельгийский социалист, реформист, юрист. С середины 1890-х гг. – руководитель Бельгийской рабочей партии.

¹²¹ Фор [For] Себастьян (1858–1942), французский писатель, публицист, философ теоретик анархо-синдикализма; издатель «Анархистской Энциклопедии».

¹²² Мишель [Michel] Луиза (1830–1905), французская революционерка, участница Парижской коммуны, писательница.

¹²³ Никонов Андрей Сергеевич (1888–1971), хирург. Сын С.А. Никонова.

¹²⁴ Никонова Мария Сергеевна (1893–1915), певица. Дочь С.А. Никонова.

¹²⁵ Личность не установлена.

¹²⁶ Емельянов Николай Ильич (1848–1924), управляющий имением Бурлюк на р. Алме в Симферопольском уезде, принадлежавшем С.К. Беловодской.

¹²⁷ Беловодская (урожд. Анастасьева) София Константиновна (1830–1906), участница народовольческого движения.

Публикация и комментарии
В.А. Соломонова и Е.Е. Фёдорова

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 93:902(092)

**«СБЕРЕЧЬ ПАМЯТНИКИ
СУМЕЮТ ТОЛЬКО ТЕ, КОМУ ОНИ ДОРОГИ...»
(о сборнике «Человек и древности: памяти
Александра Александровича Формозова (1928–2009)»)¹**

С.П. Щавелёв

Курский государственный медицинский университет,
кафедра философии
E-mail: sergei-shhavelev@yandex.ru

Рецензируется сборник, посвященный учениками и коллегами памяти русского археолога и историка Александра Александровича Формозова (30.12.1928 – 31.01.2009), который внёс огромный вклад в изучение дописьменных этапов развития восточно-европейской территории нашей страны (веков камня и раннего металла); теорию и методику изучения первобытного искусства; выпустил основополагающие труды по истории русской археологии и литературы; ключевым проблемам исторического источниковедения, этики и психологии науки. Большинство статей вызывает одобрение рецензента, некоторые признаются чуждыми тому научному духу, что утверждал своей незаурядной личностью А.А. Формозов.

Ключевые слова: историческая археология; историография гуманитарной науки; охрана памятников истории и культуры России; личность ученого и реальные нравы научного сообщества.

**«ANTIQUITIES WILL
BE SAVED ONLY BY THOSE WHOM THEY ARE VALUABLE...»
(On the book «Man and the ancient: to the memory of**

---

¹ Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / Отв. ред. И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин / Сост. М.В. Андреева, С.В. Кузьминых, Т.Н. Мишина. – М.: «Гриф и К.», 2010. – 918 с., илл.

A.A. Formozov (1928-2009)»)

S.P. Shavelyov

The collection is dedicated to memory of the Russian archaeologist and historian Aleksander Aleksandrovich Formozov (30.12.1928 – 31.01.2009) by his students and colleagues. A.A. Formozov made an enormous contribution to the study of preliterate stages of development of the Eastern European territory of our country (the ages of stone and early metal), theory and methodology of the study of primitive art, released the fundamental works on the history of Russian archaeology and literature and the key issues of historical source studies, ethics and psychology of science. Most of the articles are approved by the reviewer, some considered alien to the scientific spirit, which A.A. Formozov claimed by his extraordinary personality.

Key words: Historical Archaeology; historiography of human science, protection of monuments of history and culture of Russia, the identity of a scientist and the real morals of the scientific community.

Издание посвящено светлой памяти известного археолога и историка Александра Александровича Формозова (1928–2009)².

Этот сборник отличается от множества аналогичных по жанровой «нише» изданий *in memoriam* – и по количественному объему, и по качеству статей. Объем явно рекордный – почти 115 печатных листов, едва не тысяча страниц в твердом переплете. Я лично не знаю у нас столь объемных изданий мемориального плана. Его инициаторы – упомянутые в библиографическом описании издания сотрудники Александра Александровича по Институту археологии РАН – наверняка рассчитывали на по крайней мере вдвое меньший состав памятного выпуска. Однако желающих попасть в него авторов, причем нескольких поколений археологов и историков, из самых разных научных центров нашей страны, Украины, Франции оказалось гораздо больше. Книга вышла в свет, несмотря на типографские затруднения, довольно быстро – практически через год

---

² См. о нем: Хорошкевич А.Л. «Науку о прошлом я люблю больше самого прошлого» // Историографический сборник. Саратов, 2010. Вып. 24. С. 193–214.

после кончины Александра Александровича. Это печальное событие объединило в едином порыве семь десятков авторов, большинство из которых так или иначе общались с Формозовым. Причем совершенно ясно, что если бы поиск желающих почтить память наставника специалистов несколько продлить, расширить, то возможных авторов нашлось бы вдвое, втрое больше. Но и в получившемся объеме мы не найдем столь масштабного издания в далеко не бедной меморативной практике книг, посвященных ушедшим от нас представителям старших поколений ученых. Значит, в этой фигуре было что-то особенное, небывало притягательное и для его друзей, и для преобладающих в нашем академически-университетском быту «нейтралов», и для его научных и житейских оппонентов. Как ни странно, и те, и другие, и даже некоторые из третьих присутствуют среди соавторов сборника. Удивительно, радостно, что среди авторов – представители буквально всех поколений археологов – от патриархов нашей науки вроде И.С. Каменецкого, Л.С. Клейна, А.В. Колосова, А.Д. Столяра, включая многих ярких представителей среднего поколения, и до группирующихся вокруг них совсем юных аспирантов и научных сотрудников.

Прекрасно, что добрая часть работ прямо продолжают формозовскую тематику. Тут и его концепция очагов палеолитического искусства (В.С. Ветров); и материалы Авдеевской палеолитической стоянки под Курском, в раскопках которой он принимал участие еще студентом (Е.В. Булочникова с соавторами); и культурное многообразие эпохи позднего камня Восточной Европы (А.В. Колосов, А.С. Смирнов, А.Н. Сорокин и др.) и раннего металла (М.В. Андреева и др.); и археологическая петроглифика (публикации по новым памятникам разных регионов); и образцы первобытного искусства, опять-таки из разных мест Евразии; в частности, загадочные знаки на сосудах эпохи бронзы, кои ввел в научный оборот Формозов, а сейчас продолжают интерпретировать В.В. Отрощенко и Е.Ю. Захарова.

Статьями так или иначе охвачены практически все эпохи евразийской истории – от раннего палеолита (В.Е. Щелинский) до раннего Нового времени (М.Б. Тугус о московском Китай-городе середины XVII века).

Кое-кто из авторов излагает темы, которыми Александр Александрович сам не занимался, но в свое время консультировал, поддерживал (Скажем, М.Г. Гусакова о подсечном земледелии; или же Л.А. Беляев о классических древностях в западноевропейской культуре; некоторые другие).

Кроме собственно академических, внутринаучных сюжетов, затрагиваются темы геополитики (В.Л. Державин об археологических критериях межгосударственного размежевания в Арктике); этики и социальной психологии гуманитарной науки (В.А. Коренько).

Как это общепринято в книжном формате, посвященном памяти ушедших от нас коллег, сборник включает в себя довольно разные по жанрам тексты: и какие-то не публиковавшиеся при жизни материалы «виновника события»³; и его же фотографии разных лет (замечательная подборка портретов от студента-первокурсника на раскопках, затем юного, зрелого научного сотрудника с доброй улыбкой – до величавого мрачноватого пенсионера на отдыхе); и биографический очерк о нем (старинного друга и соавтора – петербургского археолога А.Д. Столяра); и основную массу статей, более или менее связанных с кругом научных интересов Формозова; и, наконец, наиболее полный (но не исчерпывающий) список его публикаций 1940-х – 2000-х годов.

Символический тираж книги в 300 экземпляров вполне компенсируется её же интернет-версией, которая по распространению версии бумажной наверняка окажется общедоступной на археологических сайтах.

Деление фолианта на две почти равные части – археологическую и историографическую – отчасти искусственно, относительно по содержанию статей, да и названы обе условно, манерно («Восхождение к древности», «Обретение человека»). Бьюсь об заклад, сам Александр Александрович бы поморщился, отсоветовал так озаглавливать столь масштабное издание. А заодно бы беспо-

---

³ Предисловие «От автора» к рукописи неизданной книги А.А. Формозова «Русское общество и охрана памятников культуры». Работа писалась автором в начале 1960-х гг., а редактировалась впоследствии вплоть до начала 2000-х, когда была передана в архив Института археологии РАН.

щадно выкинул из его состава некоторые статьи, взятые туда явно некритически, под натиском желавших отметиться авторов.

Сомнения мои распространяются на ряд материалов, вошедших в сборник, но безусловно противоречащих жизненной идеологии Александра Александровича. Некоторые вроде бы благожелатели хотят за счет его нравственной репутации подняться в глазах научного сообщества, да и в своих собственных. Например, О.М. Мельникова из Ижевска. Ее статья именуется «Уроки Формозова» и видимо из-за названия открывает вторую, историографическую часть. Этих самых уроков она выделяет десяток-другой⁴. А между тем ее книжки по истории уральской археологии Александр Александрович в свое время отдал мне на прочтение без возврата и сожаления. Потому что они ему не понравились. Противоречили его выношенным всей жизнью в науке оценкам тех или иных персоналий, спокойному стилю письма. Но авторше все это, как говорится в русской пословице, божья роса... А ведь именно с этим якобы научным обыкновением подменять научную принципиальность житейской толерантностью воевал при жизни Формозов (см. его великолепное эссе «Бедная Маша»⁵).

Мизерна по содержанию (за исключением обширных цитат из писем Александра Александровича) и манерна по стилю статья В.А. Бердинских из Вятки: «Формозов – историк». Выполненные на канцелярите (К.И. Чуковский) заявления – «Становление мое как научного работника в течение многих лет шло под пристальным вниманием Александра Александровича» (с. 549) – повисают в воздухе потому, что некоторые книги этого автора вызвали принципиальные возражения метра⁶.

Отдают графоманством помещенные здесь же вирши археолога А.Н. Сорокина на 75-летие и на кончину Александра Александровича. Из первого стиха при теперешней публикации вы-

---

⁴ Задним числом оправдываясь на ту критику, которая была высказана в адрес ее работ в кн: *Формозов А.А. Историография русской археологии на рубеже XX–XXI веков* (Обзор книг, вышедших в 1997–2003 гг.). Курск, 2004.

⁵ См.: *Формозов А.А. Рассказы об ученых*. Курск, 2004. С. 111–112.

⁶ См. рецензию на одну из них, где вятским профессором истории очерняется официальная археология и прославляется так называемая «черная»: *Щавелёв С.П.* [Рец. на кн.:] Бердинских В.А. История кладоискательства в России. М.: «Захаров», 2005 // РА. 2006. № 4. С. 172–175.

кинута выразительная строка («Как часто нами правят суки...»), вместо которой вставлена маловразумительная строчка («Путь на голгофу выжгли муки»). Во втором, которое открывает настоящее издание – неграмотное ударение («Оборвалась звезда с небосвода...»).

Противоречит убеждениям А.А. Формозова (который всегда интересовался, помимо прочего, древнерусской историей) публикация некоего О.Ф. Кудрявцева (из университета МИД РФ) о дипломатии Александра Невского (якобы обеспечившего «грядущее возрождение страны»). Заявляемый здесь ура-патриотизм, украшательство и упрощенчество суровых характеров и событий средневековья выглядят вполне антиисторичными, а самое главное, источниковедчески несостоятельными.

Впрочем, сомнительных материалов в книге пренебрежимое меньшинство; что называется, раз, два и обчелся. Почти все остальные статьи так или иначе интересны, содержательны. Одни широкому кругу гуманитариев, другие более тесной компании специалистов. Их бы все Александр Александрович благосклонно одобрил, хотя со многими авторами и поспорил бы, но взаимно заинтересованно. Некоторые статьи представляют собой исключительный интерес, кое-какие имеют подсобное значение, по крайней мере, на мой взгляд. Но такой расклад неизбежен в меморативном жанре.

Разумеется, во второй, историографической части практически все материалы так или иначе перекликаются с книгами и статьями Александра Александровича. Среди них есть те, что избыточно вводят в научный оборот интереснейший архивный, документальный материал, включая их фотографическую часть. Большинство статей прекрасно иллюстрированы. Формозов это весьма ценил, поощрял. Документальная основа присутствует у множества статей, но часть носит именно публикационный характер. Скажем, В.И. Балабина воспроизвела в текстах и иллюстрациях раскопки в Узбекистане 1929 года.

Разумеется, среди историографических публикаций немало персоналистических. Их героев Александр Александрович так или иначе затрагивал, оценивал в своих работах. Теперь о них появляется новый, поучительный материал. А именно, речь тут идет

о: фон Биберштайне (И.В. Тункиной); К.М. Бэре (Н.А. Платоновой); Д.Н. Анучине (К.А. Гусева); В.А. Городцове (целая подборка статей, включая фрагмент готовящегося П.Г. Гайдуковым к печати дневника нумизмата А.В. Орешникова); В.В. Гольмстен (Д.В. Серых); Б.С. Жукове (Н.В. Ивановой); П.С. Рыкове (Н.М. Малова, с подробным анализом основного – саратовского периода работы этого замечательного археолога); одной из прямых учительниц Формозова М.Е. Фосс (М.М. Якушкиной) и ряд других.

Не менее интересны работы, посвященные тем или иным учреждениям науки, их археологическим проектам. Такие аналитические панорамы особенно сложны для историографов, требуют редкостной эрудиции и изощренной аналитики, образцы чего в избытке давал Формозов. Среди таких по жанру частей сборника выделим следующие работы: А.С. Смирнова о замыслах российских экспедиций в Персию; И.Л. Тихонова об археологических занятиях в Кунсткамере в XIX–XX вв.; Н.П. Макарова и А.С. Вдовина о Красноярском музее в позапрошлом и прошлом веках; О.С. Свешниковой про освоение марксизма в ГАИМКе; и Я.М. Паромовой о социалистическом соревновании там же. Все эти статьи Александр Александрович, я уверен, прочел бы с повышенным интересом и каждому автору написал бы ворох ценных замечаний.

А.М. Дубровский из Брянска предлагает интересное продолжение одной из самых излюбленной Формозовым тем: «Классики русской литературы и историческая наука». К сожалению, на комментарии по этой теме сейчас уже мало кто способен, но брянскому коллеге это удалось удачно.

Замыкающие сборник очень интересные статьи по физической антропологии древнего человека (М.В. Добровольской, М.Б. Медниковой, А.П. Бужиловой, Н.Я. Березиной, Т.Ю. Шведчиковой), логичнее было бы поместить в части первой, собственно археологической.

Помимо более или менее общеизвестных коллегам формозовских тем, были такие сюжеты, которыми Александр Александрович интересовался как бы для себя, может быть, впрямь, не доведя дело до публикации собственных наблюдений и выводов. Так, он

всегда следил за новостями по истории древней Руси и средневековой России. К такой тематической нише относится работа А.С. Щавелёва о славянских (польских, чешских, болгарских, сербохорватских, восточнославянских) легендах об их первых правителях, князьях. Реконструируемые из позднейших письменных и фольклорных источников, эти сказания обнаруживают разительные отличия по сравнению с другими евразийскими эпосами, например, германским.

Француз Ж. Дюрэн вносит свою лепту в освещение проблемы глоттогенеза, происхождения языка, при этом ссылается на давешнее знакомство и мимолетное общение с Формозовым.

Фотографии, и неизбежно в свое время чёрно-белые по большинству, и немногие цветные последних лет жизни А.А. Формозова, замечательно украшают эту его меморию. Глядя на них, многие коллеги мысленно или же даже вслух скажут: «Эх, Александр Александрович...». За одно это теплое человеческое чувство надо сердечно поблагодарить тех коллег, кто, оторвавшись от собственных дел, так оперативно и интенсивно составил, отредактировал, сверстал и, главное, выпустил в свет этот замечательный сборник. Нашел спонсоров для явно дорогостоящего проекта, включая генерального мецената – автономную некоммерческую организацию содействия сохранения историко-культурного наследия страны «Наследие». Плод их труда будет жить. В нашем читательском сознании. И после нас. А так вот, честно, по-формозовски говоря, редко бывает.

Бросаются в глаза немногие опечатки, немислимые для поколения А.А. Формозова, но, увы, привычные, для следующих поколений (Скажем, сплошь и рядом не склоняются географические имена, оканчивающиеся на «-о»: надо бы «В Поленове и т. п.).

Жаль, конечно, что в столь замечательный том не вошли воспоминания о нашем замечательном наставнике, которые могли бы предоставить очень многие его современники, доброжелатели, поклонники. В первую очередь, его вдова Марианна Казимировна Трофимова («единственный в мире специалист» по коптским рукописям); его сводный брат Николай Александрович Формозов (доцент биологического факультета МГУ), многие другие близкие

ему по жизни и духу коллеги. Но ведь это дает нам надежду на еще одно издание памяти А.А. Формозова. Хотя бы приуроченное в 110-летию со дня его рождения. Я, по крайней мере, начинаю набирать для будущего оригинал-макета такой книги полученные мной за два десятка лет письма Александра Александровича. Там много чего есть интересного и для археологов, и для историков русской культуры.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бикташева Алсу Назимовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Казанского (Приволжского) федерального университета.

Вишленкова Елена Анатольевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева ГУ-ВШЭ.

Гладышев Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Нового и Новейшего времени ИИиМО Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Гошко Татьяна Дмитриевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры классических, византийских и средневековых студий Украинского католического университета, г. Львов.

Лёвин Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Балашовского института Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Леонтьева Анна Станиславовна, студентка 3 курса ИИиМО Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Лопатин Владимир Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры региональной истории, историографии и археологии ИИиМО Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Перельгина Ольга Ивановна, главный хранитель Львовского исторического музея (Украина).

Попкова Нелли Алексеевна, заведующая отделом редких книг и рукописей ЗНБ Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Соломонов Владимир Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ИИиМО Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Фёдоров Евгений Евгеньевич, кандидат химических наук, старший научный сотрудник Института биохимии и физиологии растений и микроорганизмов РАН.

Щавелёв Сергей Павлович, доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой философии Курского государственного медицинского университета.

Яров Сергей Викторович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела современной истории СПб ИИ РАН, профессор кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

СПИСОК АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук. СПб., 1836. Т. II.; СПб., 1838. Т. III.

АВЕС – Археология Восточно-Европейской степи (Саратов).

АМГ – Акты Московского государства, изданные Академией наук / под ред. Н.А. Попова.

АН СССР – Академия наук СССР.

АО – Археологические открытия (Москва).

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.

АЮЗР – Архив Юго-Западной России, издаваемый Комиссией для разбора древних актов, документы по истории Украины в XIII–XVIII вв., в 35 тт. (ч. 1–8, 1859–1914).

ВЕ – Вестник Европы (Москва).

ВИ – Вопросы истории (Москва).

ВКЛ – Великое Княжество Литовское.

ВС – Вестник статистики (Москва).

ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры.

ГАКО – Государственный архив Курской области.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва).

ГАСО – Государственный архив Саратовской области.

ГММОБЛ РДФ – Государственный Мемориальный Музей Оборона и Блокады Ленинграда. Рукописный Документальный Фонд (С.-Петербург).

Горотнароб – Городской отдел народного образования.

ГУАК – Губернская ученая архивная комиссия.

ГУ-ВШЭ – Государственный университет – Высшая школа экономики (Москва).

Дворцовые разряды – Дворцовые разряды по высочайшему повелению изданные II отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии.

ЖМНП – Журнал Министерства Народного Просвещения.

Зап. МАИ – Записки Московского Археологического института.

ЗНБ СГУ – Зональная научная библиотека им. В.А. Артисевич СГУ.

ИИиМО – Институт истории и международных отношений СГУ.

ИМАО – Императорское Московское Археологическое общество.

Книги разрядные – Книги разрядные по официальным оных спискам.

Коминтерн – Коммунистический интернационал.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.

МАМЮ – Московский архив Министерства юстиции.

МВД – Министерство внутренних дел.

МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР (Москва).

МИД – Министерство иностранных дел.

Наркомпрос (НКП) – Народный комиссариат просвещения.

ОА – Отечественные архивы (Москва).

ОЗ – Отечественные записки (С.-Петербург).

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва).

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург).

ОРКиР ЗНБ СГУ – Отдел редких книг и рукописей ЗНБ СГУ.

ПР – Пролетарская Революция (Москва).

Профинтерн – Красный интернационал профсоюзов

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

РА – Российская археология (Москва).

РАН – Российская академия наук.

РБ – Русское богатство (Москва).

РВ – Ригведа. Мандалы I–X. М., 1999.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва).

РГИА – Российский государственный исторический архив (С.-Петербург).

РИБ – Русская историческая библиотека (С.-Петербург).

РИО – Сборник Императорского Русского исторического общества (С.-Петербург).

РКП(б) – Российская Коммунистическая Партия (большевики).

РМ – Русская мысль (Москва).

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.

РФ – Российская Федерация.

РЦХИДНИ – Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (Москва).

СА – Советская археология (Москва).

СГГД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел.

СГУ – Саратовский Государственный университет им. Н.Г. Чернышевского.

СПб ИИ РАН – Санкт-Петербургский Институт истории РАН.

ССЗС – Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.

СССР – Союз Советских Социалистических Республик.

США – Соединенные Штаты Америки.

Тр. БАСМ – Труды Большого Археологического съезда в Москве.

Тр. ВО ИРАО – Труды Восточного отделения Императорского Русского археологического общества (С.-Петербург).

Тр. СУАК – Труды Саратовской ученой архивной комиссии.

Учен. зап. СГУ – Ученые записки СГУ.

ФЗО – Школа фабрично-заводского обучения.

ЦГАИПД СПб – Центральный государственный архив историко-политических документов С.-Петербурга.

ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Императорском Московском университете.

AGZ – Akta grodzkie i ziemskie / Гродские и земские акты (Львов, Украина).

CPH – Czasopismo Prawno-Historyczne / Историко-правовой журнал (Познань, Польша).

PH – Przegląd Historyczny / Исторический обзор (Варшава, Польша).

АЛНУФ – Архів Львівського національного університету ім. І. Франка / Архив Львовского национального университета им. И. Франко.

АУ – Архіви України / Архивы Украины (Киев, Украина).

Вісн. Львів. ун-ту. Сер. юридична – Вісник Львівського університету. Серія юридична / Вестник Львовского университета. Серия юридическая.

ВР ЛННБ – Відділ рукописів Львівської національної наукової бібліотеки України ім. В. Стефаника / Отдел рукописей Львовской национальной научной библиотеки Украины им. В. Стефаника.

УАЩ – Український археографічний щорічник / Украинский археографический ежегодник (Киев, Украина).

УРСР – Українська Радянська Соціалістична Республіка / Украинская Советская Социалистическая Республика (УССР).

ЦДІАУ, м. Київ – Центральний державний історичний архів України, м. Київ / Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев.

ЦДІАУЛ – Центральний державний історичний архів України, м. Львів / Центральный государственный исторический архив Украины, г. Львов.

Научное издание

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 3

Под редакцией *А.В. Гладышева*

Ответственный за выпуск *Д.Е. Луконин*

Оригинал-макет и обложка подготовлены *А.И. Жемковым*

Подписано в печать 22.06.2011. Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Бук Антиква. Печать RISO.

Усл. печ. л. 16,27(17,5) Уч.-изд. л. 13,88. Тираж 300 экз. Заказ 7.

Типография «ИППОЛиТ»
410012, Саратов, Большая Казачья, 79/85

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК